

КУПОЛ РАЗДОРА

ИВАН МАРТЫНОВ

Иван Александрович Мартынов

Купол раздора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70050529

SelfPub; 2023

Аннотация

Санкции. Россия помещена под купол. Энергетическая сфера отрезала страну от всего мира, стёрла её с карт. Граждане оказались на грани катастрофы, но это было лишь начало. Воровство, войны, голод и рабство – на этом не кончается список несчастий, с которым столкнется народ. Вопрос, чем это всё закончится для Паши и всего человечества...Книга написана Иваном Мартыновым в соавторстве с искусственным интеллектом ChatGpt.

Содержание

Пролог	5
Пожар	8
РАБота	14
Дом, милый дом?	24
Слава Градову	33
Завод заводу рознь	59
Как власть строилась	71
Паулюс	87
Интересное знакомство	96
Мир за куполом	110
Град	121
В Россию едут гости	134
Сибирь	145
Война	153
Тюрьма в Сибири	172
Люди лесов	175
Партизанский рейд	186
	195
Новая жизнь	
Москва	205
Отвратительные вести	217
И снова здравствуй, внешний мир	227
Слет партизанских школ	237

Реформы, фас!	248
И грянул гром	265
Город у реки	272
Трофим и его команда	285
Встреча Московских друзей	298
Новые края	316
Кавказ	326
Бетонная цитадель	343
Это конец!	355
О дивный новый мир	362
За ночью всегда приходит утро	377
Перемен!	395
Отправка в Сибирь	407
Стало холоднее	428
Выборы	436
Страшный суд	449
Порванная на части страна	473
За океаном	489
Операция «Север»	501
Поезд	516
Послесловие	532

Иван Мартынов

Купол раздора

Пролог

Этот пролог написан искусственным интеллектом, для чего ему было дано короткое задание. Всего четыре предложения написал компьютеру автор книги, и вот – перед нами целая страница. Такой текст будет выделяться курсивом на протяжении всего произведения. Следующий абзац – один из таких. Умышленно результаты трудов ИИ не подвергались редактуре, с целью показать сильные и слабые стороны технологии. Обложку для книги и иллюстрации также создал искусственный интеллект.

Все началось с простой идеи – написать историю о России в тяжелейших фантастических условиях и в этом процессе объединить силу человеческого творчества с мощностью актуального сейчас искусственного интеллекта. Этот проект должен оказаться больше, чем просто эксперимент. Его возглавляли два человека (Комментарий автора: искусственный интеллект сам посчитал себя человеком и написал это. Я лишь сказал ему о соавторстве писателя и

ИИ): автор и чат-бот с искусственным интеллектом под названием Chat GPT. Автор написал всю эту историю, создал большую часть сюжетных линий, а ИИ создал некоторые диалоги и описания, местами даже придумал повороты сюжета, и все это на основе коротких запросов.

Действие книги, которую они создали, происходит в России в наше время, но можно сказать в параллельной вселенной, ведь история начиная с 80-ых годов стала развиваться совсем иным путем. В начале девяностых мир был другим. Советский Союз распался, и его бывшие республики изо всех сил пытались найти свою опору в новой реальности. В России это означало период великих потрясений и перемен, поскольку страна пыталась приспособиться к жизни без своего прежнего статуса сверхдержавы. Россия оказалась в невиданных ранее условиях. Предстоящее путешествие будет полно сюрпризов, ведь судьба ведет нас по самому неожиданным пути. Мы узнаем, почему каждый персонаж так похож, но в то же время уникален; как они прокладывают свой путь через эту новую реальность; и, в конце концов, куда их приведет это путешествие? Эта книга родилась из желания исследовать, какой будет жизнь в этой новой реальности; в мире, где социальные и экономические условия резко изменились.

Все эти истории оживают в том числе благодаря ярким

описаниям, созданным с помощью технологии искусственного интеллекта. Когда мы уже осознаем, что сотрудничество между человеком и машиной приведет нас к прогрессу, а не к стагнации или разрушению (Комментарий автора: это опять же слова Chat Gpt. А уж не врет ли...). К этой книге в формате фанатики с элементами приключений, исследуются вопросы идентичности, морали, свободы, ответственности и многого другого.

Пожар

Прогремел взрыв. Кажется, где-то у Садового кольца. По Красной площади прогуливалось несколько зевак, у мавзолея стояла мама с ребенком, все резко оглянулись и стали всматриваться в горизонт. Серое небо озарила вспышка.

Алексей Градов подошел к окну и заметил густой черный дым вдалеке. Уже спустя несколько секунд в кабинет вбежала охрана. Самый высокий из них затараторил:

– Господин президент, все под контролем! Взрыв далеко, Кремль в безопасности, оцепляем.

Градов поправил воротник белой рубашки, покачал головой недовольно и медленно зашагал в сторону кожаного черного кресла. Сев в него, он манерно запрокинул ноги на журнальный столик, предварительно взяв с него сигару. Алексей медленно зажег ее при помощи спички и, прищурившись, стал пристально смотреть на начальника охраны, выпуская клубами дым. Тот нервно разводил своими широкими плечами, периодически выглядывал в окно, отвечал кому-то по рации.

– Ну и, черт побери, когда Вы отчитаетесь мне?! Что здесь

происходит?! – на этих словах президент сбросил ноги со стола, уставился на охрану и стал спешно запускать в свои легкие едкий густой серый дым.

– Господин президент, мне доложили, что горит завод №3. Я послал людей на место. Сообщают, что пожарных все еще нет.

– Что?! А где Манчилов? Сюда его. Живо! Что встал? – рывкнул он на подчиненного. – Без него не возвращайся!

Кажется, прошло с полчаса, и все это время Градов курил, качал головой и что-то бубнил себе под нос, раздумывал вслух. И вот, когда он уже встал, чтобы метнуть пепельницу в стену, преисполняясь неистовой злостью, дубовые высокие двери кабинета шумно распахнулись – в них вбежал небольшого роста и смешного вида чиновник, больше похожий на гнома, чем на человека. Он нервно дышал, жадно заглатывая воздух, выпучил глаза и готовился начать говорить.

Градов повернул голову и, увидев это запуганное чудо-юдо с фиолетовым шелковым платком, повязанным на шее, на секунду даже потерял дар речи. Но, не заставив долго ждать и прокашлявшись, он закричал:

– Манчилов! Леша! Какого... Ты час ко мне ехал?! А зна-

ешь, что еще? Твои пожарные приехали на полыхающий завод пять минут назад. И сколько? – стол задрожал от удара кулаком. – Две машины! Где остальные, где скорость принятия решений?! Я тебя спрашиваю, вошь!

– П-п-позвольте сказать... Да! – Манчилов кивнул гордо, не скрывая. – Ехал долго. Так ведь за городом я живу, там тоже дела. И...

Градов грубо и коротко прервал говорящего:

– Заткнись. По делу! Где пожарные расчеты, где оперативность?! Завод сгорит, еще и на другие здания перекинется, что делать будешь?

– Позвольте-ка, я вечно получаю указания урезать бюджет. Вы же сами говорили, мол, денег лишних нет, мощностей на производстве транспорта тоже не хватает. Машин на ходу мало, многие пришлось списать. На всю Москву разрываются, вообще-то! – страдальческая мина вмиг была изображена на лице Манчилова. – Прикажете нарастить автопарк? Исполним в лучшем виде! И всем дадим тумачков, чтобы работали быстро, слажено! Ух, они у меня...

– Убирайся. И делай... Исполняй! Чтобы больше такого не было. – Градов нервно прошел пару кругов по кабинету, еще раз бросил разъяренный взгляд на дым от догорающего за-

вода и сел назад в свое любимое кресло. Еще с минуту недовольно покивав головой и что-то пробурчав, он взял со стола бумаги. На них были чертежи: архитектурный план здания, вид фасада. Он стал карандашом что-то на нем исправлять, чертить, и был заметно увлечен этим процессом. Зазвонил телефон. Алексей тихо выругался, положил бумаги и взял трубку.

– Добрый день, прошу прощения, что отвлекаю Вас. Хотели сообщить, что строительство фундамента закончено. Быть может, у Вас есть новые предложения по архитектуре?

– Да-да, как раз был занят этим. Завтра приезжайте ко мне, поговорим. А лучше сегодня. Да! – такое решение вызвало наконец улыбку на лице президента, который так удобно расположился в кресле.

– Хорошо, выдвигаюсь. Это будет определённо самый большой, величественный бассейн не только в стране, но, может, и во всем мире! Кто его, конечно, знает, что там в остальном мире в наши дни... В любом случае, Вы делаете огромный вклад в развитие страны! Ладно, не смею более отвлекать. Еду. Буду как можно скорее.

Воздух, пропитанный запахом сгоревшего дерева и металла, словно напоминал о недавней катастрофе. На улицах по-

чти нет прохожих. Те, кто вынужден идти пешком, пробираются сквозь мрачные переулки, пытаясь укрыться от холодного ветра. Их шаги затихают на безлюдных тротуарах, и лишь время от времени слышен звук проезжающего транспорта. Вдалеке виднеется завод, с которого еще поднимается слабый дым.

РАБОТА

Все 355 квартир этого дома уже не спали: жители шумели на кухнях посудой, начинался новый трудовой день. Было раннее утро, и багряный рассвет только начинал раскрашивать облупившийся фасад некогда весьма неплохого жилого комплекса. Перед домом на асфальтовом полигоне двора красовалась груда автохлама. Большая часть машин была уже многие годы не на ходу, и ржавчина нещадно вгрызалась в них, подобно бешенному псу.

На кухонном окне квартиры 55 висел старый белый тюль, а на столе рядом шипел упорно чайник. Одна единственная лампочка теплым светом заливала комнату, и, несмотря на скудную пищу на столе и скромный интерьер, здесь было уютно. Паша стоял с кружкой, ждал свой кипяток и смотрел как за окном бегают грязные и лохматые собаки, как увядает покрытый пылью автопарк.

Взгляд невольно пал на помойку, которую со всех окружили груды мусора, видимо, внезапно подкравшись, не попадаясь на глаза коммунальщиков. Сейчас мало кому есть

дело до простых рабов и чистоты их улиц, тем более на окраине города. Хорошо, что почки на деревьях уже зеленеют и раскрашивают понемногу этот серый городской пейзаж, который и до известных событий был не так уж красив и привлекателен, особенно ранней весной.

5:30 утра, а уже надо выходить на работу – точнее даже выбегать. Паша сегодня проспал и, не успев сделать и половины дел, схватил ключи и выбежал в подъезд. Вниз по лестнице идти не хочется, но в шахте лифта сейчас курсируют только крысы, а в кабине его пыль покрывала имена, нацарапанные там ключами в светлые времена беззаботными людьми.

Путь до работы был не близкий, но хотя бы не пешком: по маршруту курсируют автобусы, собирающие людей по домам и везущие их прямо в пасть рабочего дня. Транспорт этот, как и дома, должен, кажется, выполнять лишь одну функцию – не развалиться полностью. Его задача – экономить время, затрачиваемое на дорогу, чтобы у пассажиров была возможность потрудиться на работе в этот момент и сберечь силы, которые можно потратить с большей пользой.

Внешний вид транспорта был пущен на самотек, хотя надо отметить, что водители часто старались производить тот нехитрый ремонт, который они могли сделать без значимых бюджетных средств. Пошатываясь, издавая не самые прият-

ные звуки этот железный червь городских улиц двигался в сторону завода.

А сверху слепило солнце, все наполнялось запахами весны, и жизнь, казалось, продолжалась. Чистота воздуха, которая всегда в городе находилась далеко за рамками приличия, в последние годы, ухудшилась совсем критично. Множество производств, как в черте МКАДа, так за его окраинами, безжалеостно дымили своим трубами, коптили мрачное небо и старались уничтожить то единственное, что тяжелее всего забрать у людей – природу. На нее не наложишь санкции, не сделаешь немым рабом, но войну объявить ей можно именно таким путем – смогом и грязными реками. Раньше мы теряли комфорт, свободу, а теперь теряем, кажется, последнее прекрасное, что у нас осталось, кроме любви, конечно.

– «Остановка улица Градова», – объявил тихо женский голос из старой шипящей колонки автобуса.

Двери распахнулись не без труда, люди неторопливо вылезали из транспорта, зная, что впереди их ждет тяжелый день. На сталелитейный завод №133 Паша попал по распределению, и это был пусть и тяжелый и низкооплачиваемый труд, по крайней мере, это не химический завод, куда были все шансы быть отравленным, если бы не хронические про-

блемы с легкими.

Ничего интересного и подлежащего описанию в этой работе нет, пожалуй, кроме личного общения с коллегами. Среди сотен серых рабочих роб и скучных лиц, ярко выделялся один человек, и зовут его Макс. Желтая футболка под спецодеждой, похожего цвета волосы и живой взгляд, несвойственный большинству людей, присутствующих здесь. Паша с ним дружил. Ну как, дружил, во время перекуров и обедов общался, а вне работы они почти никогда и не виделись. После длительного рабочего дня, который порой затягивался больше, чем на 12 часов, не всегда были силы и желание с кем-то общаться.

Время тянулось в моменте, но вот уже середина рабочего дня, и если так прикинуть мозгами уже постфактум, то пролетело оно быстро, а главное – бесполезно и неинтересно. На обеде, в столовой с выбеленными стенами и не самыми радужными поварами, Паше суждено было занять последний свободный стол, в дальнем темном углу.

К нему вскоре подсел и Максим, пришедший последним не потому, что он так любил работу и оторваться от неё не мог, а просто потому, что так ему захотелось. Он сначала побродил по улице наедине с собой и своей мыслью и затем вернулся, чтобы восполнить калорийный дефицит в сво-

ем организме. Как-либо иначе этот прием пищи сложно назвать.

Ложки и вилки гремели, стулья скрипели, рты чавкали и этот кухонный оркестр приглушал и без того негромкую речь Макса. Другим ее не было слышно, и слава Богу. Он говорил о вещах, за которые можно было уехать в трудовую колонию далеко и надолго. Максим был тем, кого называют сейчас чаще повстанцами, а раньше таких звали оппозицией.

Безусловно, мало кого устраивает наш быт, наше существование, которое определено лишь одним принципом: мы должны быть обеспечены едой, жильем, чистотой в плане гигиены и так далее ровно настолько, насколько нужно, чтобы мы оставались живы, и наша трудоспособность не снижалась критически сильно.

Все остальные блага цивилизации, вроде личных машин, мяса в рационе и качественной разнообразной одежды канули в небытие многие годы назад. И в этом обществе, как, впрочем, и во всех других, были те, кто кроме переваривания внутри себя недовольства и озлобленности, выражали свои мысли вслух и даже предпринимали действия, нацеленные на борьбу с несправедливостью, на поиск выхода.

Паша такой пассионарностью похвастать не мог – был он

человеком довольно неприметным, живой единицей из безликой толпы, но Макс вдыхал в него некий настрой, воздух свободы, который, Бог его знает как, он находит под куполом. Иногда эти разговоры представляли из себя простую демагогию, размышления вслух, но в последнее время на передний план стали вырываться прямо-таки идеи революционного характера.

— Общество не может вечно находиться в рабстве, и за сегодняшним обедом именно эту тему поднял Максим. Если мы вспомним крепостное право, затянувшееся на века, то стоит учесть, как минимум пару важных нюансов. Во-первых, до XVIII века крестьянин, будучи в крепостном подчинении, понимал, что его задача – кормить и снаряжать дворянина, а в Западной Европе в таком же случае – рыцаря. Взамен его семью и отечество охраняли, за них были обязаны воевать. Потом повинность дворянства была отменена и крестьянам окончательно сели на шею и свесили ножки.

Зачастую низшему слою населения приходилось отдавать почти весь свой скромный урожай, а взамен от барина не получали ничего, кроме плетей. Это долго тянуться не могло, восстания были, куда же без них, когда народ живет так, как не пожелаешь жить злобной собаке. Во-вторых, вплоть до XVII века обычное дворянство жило не сильно лучше крепостных, не каждый день могли себе позволить мясо, не проживали в больших усадьбах и не давали балы. Их отличие в

быту было менее заметным, чем у рабочего и директора завода в том же XX веке.

И только потом, в XVIII-XIX веках экономический и социальный разрыв усилился, населению стало жить тяжелее, тем более, когда видишь всю несправедливость, а потом и войны добились... Революция – и старой страны нет.

Прошло время, и вот уже в новой "Советской Империи", где тоже, конечно, не все было так, как видится в наших красочных фантазиях, опять же далеко не каждый член общества был доволен своим положением. Снова пришло время перемен, СССР рухнул, и за ним вскоре пришло то, чего никто уж точно не мог ожидать. Заводы покрывают необъятные площади, где раньше белки прыгали по деревьям, а люди стали опять рабами, но уже новой неумолимой системы, созданной силами извне.

Как в химии за экспериментом следует реакция, так и тут возникают люди подобные Максусу, которые пеной вздымаются над котлом нового мирового порядка. О том, что и почему произошло в стране, безусловно есть что рассказать, но придет время и мы вернемся к этому.

К слову, подобные разговоры даже на работе заводить небезопасно по причине наличия стукачей, особенно среди представителей руководящих должностей. Дело не в их верности высшему начальству, президенту или чему-либо еще,

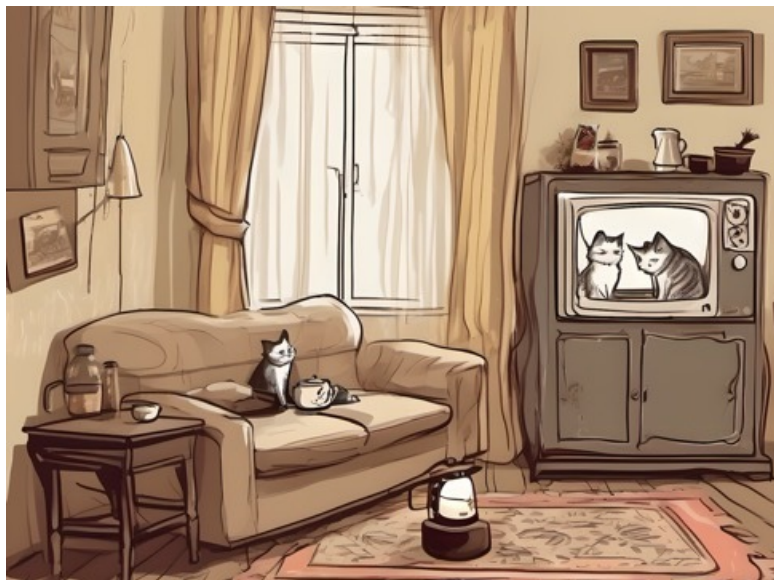
не в приверженности национальным идеям – ведь их нет. Речь, как всегда, о банальных материальных благах, которые можно заполучить за содействие в поимке преступников: воров или инакомыслящих, то есть тех шестеренок системы, что дали сбой и могут вызвать нарушение слаженной работы глобального механизма.

Дом, милый дом?

Сигнал сирены где-то под потолком заводских цехов подобно горну затрубил о завершении рабочего дня. Толкучка в коридорах, шорохи одежды в раздевалке и людской гомон заполнили темные интерьеры завода. Потом серая толпа выплеснулась на улицу и двинулась к остановке. Двери автобуса со скрипом отворились, он, заглотив пачку людей, устремился вперед, покачиваясь из стороны в сторону, будто переваривая своих жертв. Прозвучал опять этот осточертевший голосок из колонки, объявляющий «Проспект имени Градова» и дверь не без труда открылась. Народная масса, вытекая из железной коробки, тянется поскорее попасть в бетонные коробки, в свой милый улей среди городских джунглей.

Дома действительно есть хоть какая-то жизнь, индивидуальность и простор для действий и мыслей. Тут у Паши цветы, кот, телевизор, от которого пользы мало, но зато поверхность тумбы не такая пустая, и, наконец, книги, и их много. Семьи у домашнего очага не было, ведь жена еще не повстречалась на жизненном пути, а его родственники жили за городом и были заняты сельским хозяйством, также как и он трудились в основном во благо чужой родины.

Придя домой, какое-то время Паша постоял задумчиво в ванной у зеркала, посмотрел на свое уставшее лицо, светлые взъерошенные волосы, испачканные худые щеки. Он умылся и пошел отдыхать перед тем, как приступить к готовке ужина. Отдых давался населению лишь с целью восполнения

сил, чтобы они могли начать следующий рабочий день максимально эффективно. Если бы не эта нужда, людям бы, наверное, и вовсе спать не дали.

Конечно, второй причиной этому являлась и такая удивительная человеческая черта, как неумение довольствоваться рабским положением. Вот обязательно этим странным людишкам нужно есть не только одно лишь пшено, смотреть какие-никакие телепередачи, иметь возможность выйти погулять, иначе ведь могут выйти на улицу не в одиночку и далеко не за тем, чтобы просто воздухом подышать. Этого допускать нельзя, поэтому старенькие, но еще работающие телевизоры показывали милому зрителю несколько каналов: новостной, юмористический и со старыми фильмами. Новое кино уже не снимали: у людей нет времени на занятие такими бесполезными вещами как кинопроизводство, есть работа поважнее.

Выпускали только несколько развлекательных телешоу, чтобы после трудового дня было на что бездумно попялиться в экран. Слава Богу, были книги – их на улицах по вечерам можно докупить при желании. Некоторые, правда, были запрещены.

Хорошо, что теперь отопление не требуется: на улице уже устойчивая теплая погода. Зимой же в квартире было холод-

но, температуру держали на уровне около 17 градусов, ведь нельзя было тратить слишком много газа. А по телевизору говорили о том, что такая температура даже полезна, как и холодный душ.

Ужин и вообще любой прием пищи был крайне скуден. Мясо редко увидишь за столом обычного работяги, и такое ощущение, что власть, решая сколько людям достаточно иметь в рационе этого ценного белкового продукта, ориентировалась на статистику потребления крестьян в Российской Империи, когда одному мужчине в среднем доставалось около семи килограммов мяса в год, если перевести живой вес в продукт.

Также на кухнях со времен установки купола не наблюдалось разнообразия фруктов, потому как большую часть из них раньше привозили из-за границы. Сейчас на столе бывают лишь яблоки – и то не всегда. Выращивать на наших необъятных территориях можно и апельсины, но рентабельно ли это? Зачем занимать этим руки тех, кто может более эффективно собирать пшеницу или сахарную свеклу, например.

Паша приготовил себе гречку с сублимированными овощами из пакетика, уселся на диван и щелкнул пультом. За едой читать книжку неудобно, да и испачкать легко, а вещь

это нынче ценная, поэтому телевизор был одним из немногих вариантов досуга, которыми можно занять себя во время трапезы. Вообще, смотреть что-то одновременно с приемом пищи вредно, но сейчас уж точно люди не следят так тщательно за своим здоровьем, мир вокруг как-то не располагает.

Свет телевизора заполнил яркими цветами маленькое помещение, где уже погасли лампы, но насыщал ли он уши и разум чем-то полезным или хотя бы интересным... Редко. Одиннадцатый канал – главный и, несомненно, важнейший, но для кого? Для руководства страны, конечно, ведь тут идут новости и передачи. Там говорят о том немногом хорошем, что оставалось в нашей жизни, часто напоминают, что всё это благо широко распространено, а главное – дано людям свыше, властью.

Но и не только об этом были разговоры в новостях, конечно, ведь важные события в стране случались: происходили пожары, убийства, празднества в честь важных событий и это освещалось, но были и запретные темы. Не стоит людям знать о пойманном агенте оппозиции в высших эшелонах власти, о казнях, о лесных партизанах, не надо лишний раз напоминать о куполе и коррупции, о всем том, чего, как вещатели притворялись, и в помине не существовало.

Порой люди в капиталистическом мире за куполом удивляются присутствию, причем довольно назойливому, рекламы тех вещей и продуктов, о которых все и так знают, мол, зачем рекламировать Кока-Колу, если о ней знают даже в деревнях Африки – но смысл есть. Напомнить людям, подтолкнуть их к очередной покупке. Так и с запретом определенных тем в СМИ происходит ситуация обратная этой – неупоминание, что бы лишний раз не вспоминали о плохом. Да, все всё знают, ну, или точнее очень многое, но умолчание дает свой эффект, особенно в условиях отсутствия интернета. Вся информация проходит цензуру, и люди лишний раз за процессом перемещения пищи в желудок не вспоминают о плохом, не задаются неудобным вопросом перед сном. Вот такая забота. Также, хорошо способствуют «чистоте» разума гражданина юмористические шоу – и тут как тут Двенадцатый канал.

Телешоу – это вообще одно из немногих развлечений старой жизни, оставшееся в новой, подкупольной. Театр и кино ушли в анналы истории, а передачи развлекательные, хоть и требуют присутствия в этой сфере нескольких сотен или даже тысяч рабочих рук, но зато отвлекают население от рутины, охлаждают их, ну и помогают отдохнуть. Все-таки хороший, не бунтующий работник – отдохнувший работник, как бы ни хотелось это изменить. Надо, чтобы они продолжали жить, имели вообще такое желание, работали эффективно и

были хоть чем-то довольны.

Может показаться ироничным присутствие одиннадцатого канала, когда их всего на телевидении три штуки. Где Первый? Второй? Объяснение есть, и кроется оно в том, что нравится Градову это число: счастливым его считает. Он из тех, для кого нумерология не пустое место. Ну и транслируются каналы, конечно, тоже именно до 11 вечера. Может, и к лучшему? Дальше спать или читать.

Книги купить нельзя, но можно. Примерно, как с алкоголем ситуация. Книжные магазины уже стали анахронизмом, воспоминанием из детства. Издание тоже видоизменилось, хоть и не исчезло: печатали учебники для школьников и для студентов колледжей, книги про техническое устройство оборудования заводов и всё в этом роде. И на десерт, на счастье нашего многострадального народа иногда выходили в свет произведения за авторством несравненного писателя Градова. На этом, пожалуй, всё. Если же хотелось почитать перед сном «Шерлока Холмса» или «Преступление и наказание», то дорога лежала на рынок. Имеется в виду не территория в несколько гектар земли с палатками, а одиноко стоящие люди у подъезда, или перехода, продающие свой скарб или продукты собственного производства. Из-под полы можно было купить многое, но чаще всего старались на виду держать не такие привлекающие внимание вещи как бу-

ТЫЛКИ С САМОГОНОМ И КНИГИ.

Горожане выходили торговать поздними вечерами или в выходные дни, ведь даже если это пенсионеры или школьники, у которых нет таких занятых будней, смысла в этом действе немного, ведь большинство покупателей занято днем на работе.

Запретов было много. Торговать вообще было нельзя, тем более такими товарами, но не зря ведь наша национальная доктрина с незапамятных времен состоит в том, что строгость законов компенсируется необязательностью их выполнения. И даже несмотря на диктатуру, на жесткий контроль над людьми не только власти подкупольной, но и внешней, это правило худо-бедно, но продолжало действовать.

Паша как-то видел поздним зимним вечером, возвращаясь домой, как милиционер, стоящий под снежным вихрем, укутавшись в старую шинель, засовывал под нее бутылку с прозрачной жидкостью. А торгующий у подъезда усатый мужичок улыбался и озирался по сторонам. Такие мелкие взятки были распространены. В общем, купить можно было и оружие, и наркотики, были бы желание, деньги и отсутствие страха быть пойманным.

Телевизор замолк, пробило 23:00. Громкий назойливый

писк и надпись на экране позвали Пашу спать. Буквально призвали, ведь там было написано: «Спокойной ночи. Помните: сон важен для организма».

В 5 утра надо встать на работу, чтобы в этот раз всё успеть. Свет гас в окнах, город засыпал, повисла тишина, и только ветер где-то во дворах одиноко завывал. Машин на дорогах нет, фонари не горят. Раньше подобное можно было наблюдать только в отдаленных деревнях.

Помнится, поначалу, при построении новой жизни под куполом, люди были недовольны тем, что домой они приходят совсем поздно, а ведь их ждут семьи, поэтому правительство решило вопрос – теперь все в основном начинали рабочий день пораньше, в 6 утра. Власть рассмотрела проблему и решила ее окончательно и бесповоротно.

Слава Градову

"Голодные и безработные – материал, из которого создается диктатура."

Франклин Рузвельт

Проснуться раньше будильника надо было потрудиться. Но Паша справился. Может, виной тому послужили птицы за окном. Если вы себе при этом представили милое щебетание птичек с яркими перышками, то можете забыть: речь про черных воронов, сидящих, кажется, где-то на крыше, этажом выше и выглядывающих что бы сожрать во дворе дома, жильцы которого порой задавались таким же вопросом.

Раннее утро за окошком, пасмурно, и очень сыро. Первым делом наш примерный работник завода №52 закрыл окно, натянул серые штаны и побежал на кухню. Правда, дистанцией для этого забега послужили жалкие 4 метра, что разделяли кровать и кухонную столешницу в соседней комнатушке, но это было и правда быстро, ведь утренняя сонливость и лень были разбиты вдребезги холодом, которым наполнилась комната за ночь. Окно частенько бывало открытым, но не каждая ночь была такой холодной, поэтому было принято волевое решение сменить дислокацию, ведь на кухне за за-

крытой дверью еще сохранялось тепло. Относительное, но в помощь тут найдется чайник и горячий бутерброд.

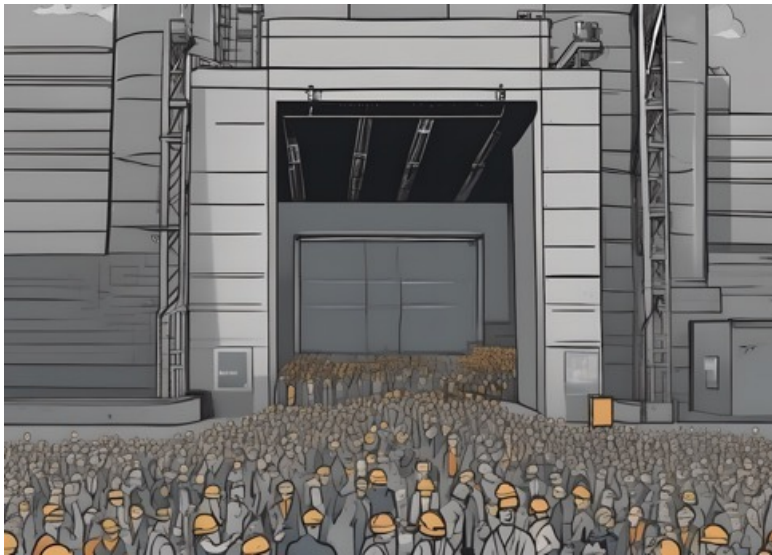
Дверь скрипнула и хлопнула, ключ лязгнул и башмаки защелкали по ступенькам вниз, мимо дверей шахты лифта и скучных белых стен. Лифты не работали из-за экономии электричества и нежелания все это добро обслуживать. Обходились тем, что по возможности, менее мобильные граждане селились этажами ниже, а те, кто помоложе – выше.

Дорога на работу не представляла бы собой ничего интересного, и можно было бы даже об этом не рассказывать опять, но отличия были. Яркие плакаты вдоль дорог и голос из колонок на уличных столбах и в транспорте возглашал о празднике. Сегодня ведь юбилей, такая дата! Автобус довез толпу до ворот завода, и у врат этих, подобно апостолу Петру, стоял Александр Пожарский. Заместитель директора предприятия собственной персоной. С потолка звучала с хрипами праздничная музыка, некий марш. Пожарский и его подручные, с улыбкой на лицах раздавали листовки и поздравляли заводчан радостно и громко.

Паша тоже взял буклет из их потных лап. На яркой глянцевой бумаге красовался Градов, и было написано следующее: «Дорогие сограждане, братья и сестры, спасибо вам за доверие и любовь. Рад служить вам и буду и дальше забо-

тится о своем народе. В честь моего Дня Рождения, рабочий день на этой неделе будет сокращен в четыре раза, а самым ответственным будут даны премии и дополнительные выходные».

Не успел Паша дочитать и свернуть яркую бумажку, как тут послышалось в толпе громкое «Слава Градову!» и откликнулись голоса «Президенту слава!». «Вот как поменялась фраза «Слава Богу» в наше время», – подумал он. Важно было свернуть и бережно убрать буклет с речью президента, а не скомкать и выбросить, как обычную рекламку, которую в былое время раздавали у метро. Иначе уголовная статья, ведь это оскорбление, за которым может последовать донос.

Хотелось бы рассказать про президента: история-то интересная, но придется нам начать со времен, когда купол еще не опустился на землю. Тогда Алексей был молодым политиком, даже, я бы сказал, очень молодым для должности президента. Как именно он пришел к власти, кажется, уже не так важно, ведь нет уже того стройного, живого человека со смолисто черными пышными волосами. Нет уже и той страны. Но все же надо объяснить, что вообще стряслось с государством, кто ее президент и почему сейчас всё устроено

именно так.

После распада Советского Союза и импичмента первому российскому лидеру, бывший министр занял трон и начал свою политику, поначалу довольно ординарную. Модернизировали что-то, воровали сколько-то, а страна катилась в Тартарары. Нет, этот человек не Алексей Градов. Тот тогда был министром иностранных дел, а президентом был Александр Жириновский. Со временем отношения с другими странами стали усложняться, на рынке росла конкуренция, и зарубежные компании хоть и давали экономике толчок к развитию, но не совсем устраивали местных олигархов и политическую элиту страны. В это же время росли налоги и усиливался контроль.

Богатым и влиятельным хотелось стать еще более богатыми и влиятельными, но за президентом стояли избранные олигархи и лояльные силовики, которых все устраивало, они уже получали своё сполна и интересы их лоббировались с самого верха. Началось уничтожение неугодных, шла перестройка элит.

В эти процессы также влезали и другие государства. Непрямым путем, конечно. Это давление извне показалось лидеру страны опасным, унижительным, и новые события сформировали его как личность. Недовольные властью по-

теряли то, что имели, а кто-то просто закрыл рот. Силовые ведомства обрели мощь.

Напряженность в отношении других стран вкупе с растущим милитаризмом повлекли за собой череду военных конфликтов на просторах близлежащих государств. Попытки внешних сил привести страну к революции или перевороту были неуспешны, и эти раны только разозлили хищника. Честно говоря, в стране действительно была масса проблем, и, казалось бы, не так сложно было вывести народ на улицы, и власть заслуживала того, чтобы быть смененной, впрочем, это могло бы быть к лучшему только в случае отсутствия внешней руки кукловода в этом процессе, да и то не факт, что страна не скатилась бы в хаос в очередной раз.

В какой-то момент военные конфликты зашли слишком далеко – и речь не про географию, нет – они все были рядом, речь лишь про бюджеты, которые приходилось тратить на шпионаж, торговые блокады, импортозамещение, вооруженные силы. И если Россия несла эту тяготу с трудом, на плечах трудового народа, то у противника возникла идея невероятная в представлении людей того, да и сегодняшнего времени, и воплощение ее не заставило себя долго ждать.

Наши экономические и социальные проблемы приносили массу хлопот, коррупция добавляла масла в огонь, и да-

же силовики, СВР были уже не так сильны – бдительность и честность ослабли как никогда.

Совокупность этих факторов позволила провести нашим соседям по планете Земля сложнейшую операцию, в которой были задействованы приграничные нам страны, разведки и контрразведки, наши подкупленные элиты, космические вооруженные силы – все работало на полную катушку; и вот в один прекрасный летний день энергетическая оболочка купола подобно молнии невероятного размера разрезала небеса и встала стеной, изолировав нас от внешнего мира, ну или внешний мир от нас, как сказали с той стороны.

В России начались паника, хаос. А в том мире, который остался за пределами России, международные СМИ сообщали о беспрецедентных санкциях, введенных в отношении Российской Федерации за агрессию в отношении других государств и для того, чтобы предотвратить применения ей ядерного оружия, ведь о таких планах якобы доложили разведки. Была принята превентивная мера и новейшее оружие под названием «Купол» позволило спасти мир без жертв, остановив опасную страну.

Также, в изданиях за рубежом появлялись рассуждения о том, что и держава эта, и ее граждане вполне заслужили таких мер, рассказывалось о коррупции и политических ин-

тригах, о дикости этого народа, который всегда был таким и был законно наказан, а что самое важное – так гуманно. Все в безопасности.

Шел первый час после того, как купол без предупреждения был активирован. Черный джип мчится по Бульварному кольцу Москвы. Солнце слепит так, что невольно щуришься и улыбаешься. Было раннее утро, и жара еще не заполнила собой воздух. Зеленеют деревья, а в кафешках тут и там звучит музыка. Лето. До населения столицы только начинает доходить весть о клетке, в которую они попали. Начинаются уличные столпотворения, машины гудят в многокилометровых пробках. Никто не знает, что делать в таких ситуациях, но первым делом любопытные горожане выходят на улицу, кто-то в это время несется на машине из города, кто-то в панике пытается найти источник информации, включает радио и щелкает каналы.

Большая черная машина с красными номерами блестит на солнце и несется, забыв о скоростных ограничениях, так беззаботно мчит навстречу новому миру. Через несколько минут она наконец въехала на территорию Кремля. Посол в сером костюме-тройке и белоснежной рубашке с не менее блестящей улыбкой вышел из машины, и вдохнул глубоко грудью так, будто он в лес зашел со свежим воздухом, а не в центре мегаполиса стоял. Он вдыхал запах перемен. Ведь

сегодняшний прием у президента был необычный, так как сопровождался большим количеством мата и жестикологии, которой позавидуют даже итальянцы.

За высокими позолоченными дверьми в коридорах стояла мертвая тишина. Офицеры в красивой форме охраняли покой лидера, стояли молча со строгими лицами. А в кабинете президента в это время был запущен фейерверк эмоций. Тогда же явился Алексей Градов, тот самый министр иностранных дел, который по иронии судьбы вскоре станет королем внутренних дел, ведь иностранных больше не будет.

Посол Дж. Мэтлок сидел в кресле пока президент ходил и кричал, бросал предметы. Всякие этикетки действительно неуместны, когда страна за мгновение была извне отрезана от всего мира, от спутников, от импортных товаров, от мирового рынка, от права на существование под общим небом, наконец, от дачи в Швейцарии. Алексей стоял у окна, был хладнокровен, ну, или растерян и глубоко погружен в себя.

Посол начал речь:

– Господин Президент, я понимаю Ваше беспокойство, но все уже случилось, и своими неверными действиями Вы сейчас можете сделать только хуже. Поверьте, это возможно. Руководством моей страны было принято решение ввести санкции такого масштаба, которые, конечно, могут поверг-

нуть в шок, тем более, о подобных технологиях, насколько мы знаем, Ваша разведка даже не смогла выведать никакой информации. Теперь Ваша страна находится под куполом, а точнее – внутри сферы. Попытки стрелять в нее оружием, хоть ядерным, ни к чему не приведут. Копать под землю тоже бессмысленно, ничего не получится, даже не пробуйте.

Жириновский кинул тяжелым граненым стаканом с остатками виски в сторону посла и начал орать:

– Какого черта? Кто дал Вам право? Что значит не пробуйте?! Куда хуже?! Я уничтожу тебя, этот купол и твою страну! Мы не дикие звери, чтобы в клетке нас запирали. Здесь миллионы людей за этими стенами, под этим чертовым куполом, вы больные дегенераты!

Градов пытался успокоить президента и соблюдать официальный протокол, и это было, возможно, не только проявление хорошего образования, полученного в МГИМО, но и следствие свежих мыслей, которые достаточно быстро наполнили его голову. И суть внутренних рассуждений была в следующем: когда президент теряет контроль над эмоциями и не идет на контакт, а внешние силы чего-то хотят, то может, если дать им это, то и тебя не будут обделять. Мыслил он гнусно, но правильно. Ему было по большей части все равно на то, что случится с его страной и народом, его преследовал личный корыстный интерес, и неважно в какой плоско-

сти это происходит, пусть и купол сверху – важно, чтобы его положение, его состояние и влияние возросли.

– Я советую Вам держать себя в руках. Отныне, я буду называть Вас не господин Президент, а Повелитель сферы. Звучит-то как! – улыбнулся Мэтлок, но тут же отскочил в сторону и прикрыл лицо рукой, так как повелитель сферы

схватил настольную лампу и дышал как разъяренный бык.

– Не надо опять в меня кидать вещи! Хватит! Если Вы меня тут убьете – последуют еще санкции, Вы думаете, мы весь свой потенциал исчерпали?! Нет. Вы должны выслушать меня. Я не зря сижу сейчас в этом закрытом пространстве с Вами, как в консервной банке, как и Вы, – вздохнул посол. – Я здесь, чтобы объяснять Вам новую суть вещей, поэтому слушайте меня. Мне тоже тошно, я закончу и поеду по своим делам, а Вы пойдите кидать лампами в прохожих. Итак! Если Вы думали, что нахождение под куполом – это конец, и Вы можете жить тут дальше припеваючи, ездить на своем любимом Мерседесе и вытаскивать миллиарды из бюджета на личные нужды или проекты и стройки, которые тешат Ваше самолюбие, то нет. Про многое придется забыть, но есть шанс оставить хоть что-то из вашей прошлой жизни. Есть ряд условий, – без лишних эмоций и опять с легкой улыбкой Джон щелкнул серебряным замочком своего чемоданчика, вытащил из него листок бумаги и положил его вместе с фирменной блестящей ручкой на стол.

После этого он продолжил:

– Условия достаточно просты. Один пункт всего: ресурсы. Правда, подпунктов несколько... Несправедливое решение Бога дать этой жалкой стране около 20% всех ископаемых в мире, должно быть исправлено, особенно после того, как

вы лезли в наши дела на Востоке и в Азии, как на протяжении десятилетий доказывали, что с Вами может быть только один разговор. Разговор с позиции силы. И наши ребята ее создали. Оружие покруче ядерных и водородных бомб, и даже лучше интернета. Оружием можно бряцать угрожающе долго, пытаться вести переговоры, чем мы с вами и занимались долгое время. А тут, посмотрите в окошко, вон там в нескольких километрах над нами тонкая материя, но какая важная – она ограничивает наше общество от присутствия в нем таких как вы. И могу поздравить, вы первые, кто исключен из цивилизованного мира таким путем. Выходит, мы первооткрыватели, а вы будто индейцы, здорово же? Интересно будет посмотреть, будем изучать теперь с социально-экономической точки зрения. Наши ученые будут ваше общество под микроскопом рассматривать.

Но давайте назад к главному – ресурсы! Они будут распределены справедливо, излишков у вас много, а меньше, чем двум процентам мирового населения зачем столько? Раньше у Вас на плечах было 2 заботы: внутренняя и внешняя политика. А теперь вам будет даже легче. Внутренняя часть остается, а внешняя теперь намного проще: добываете и производите то, что скажем, отдаете во внешний мир в качестве репараций, если будет угодно так называть, и все.

Вам даже МИД больше не нужен, да и армия тоже. Ну,

если только внутренняя, чтобы плебс недовольный сдерживать. Больше нам ничего не надо. Но это, конечно, при том условии, что вы будете хорошо справляться с внутренней политикой, сможете обеспечивать тот план производства, который будет необходим. А теперь про плюсы!

Президент побледнел, казалось, успокоился, но на самом деле опешил, впал в ступор и смотрел пустым взглядом на омерзевшего ему до ужаса посла, восседающего в громадном черном кожаном кресле.

– Про какие плюсы ты говоришь, тварь?! – произнес Жириновский уже севшим охрипшим голосом. – То есть, меня теперь оскорбляет жалкий посол, сидя перед стоящим президентом, я теперь марионетка, которая должна высасывать соки из страны и из народа и отдавать их за просто так вам, людям, которые довели нашу страну до такого состояния, а потом бахнули купол на нее, сферу эту вашу. Вы вообще понимаете, что я Вас лично могу убить? Я не убивал. Нет. Я не идеальный, да, я помогал своим друзьям зарабатывать деньги в этой стране, сам получал что-то с этого, я не бедный человек. Да, в стране есть воровство, может образование и медицина и далеки от идеала, но у меня все равно есть совесть! Я не могу как вампир присосаться к этому народу. Да и меня, в конце концов, растерзают. И это все ради чего? Чтобы вы сняли купол быстрее? На сколько лет это – пять? Десять?

Чего вы хотите, черт возьми?!

Мэтлок закинул ногу на ногу, поправил галстук, улыбнулся и продолжил:

– А с чего Вы взяли, что мы его вообще снимем? Вы думаете, что мы поблагодарим Вас за послушание и поступившие ресурсы и остановим все это? Да не факт. Просто, если Вы не будете справляться или откажетесь подчиняться, то последуют две кары небесных.

Первая заключается в санкциях относительно Вас лично. Я Вам хотел рассказать о плюсах от нашей новой схемы взаимодействия, но Вы меня прерывали. Если будете хорошо справляться со своей должностью, у Вас останутся блага. У Вас лично, у Вашей семьи, друзей. У ограниченного круга лиц будет возможность и дальше ездить на красивых машинах, жрать в ресторанах и все, что вы там любите. Да, вы будете ограничены финансово, много ресурсов на себя потратить не дадим – они нам важнее, ну точнее людям во всем мире. А вы свою икру как ели ложками, так и будете. Ну, яхт поменьше будет. В обмен – лояльность. Не сможете дать то количество продукции, которое мы скажем – потеряете доверие, и мы вас сместим, мы это умеем. Сейчас ваши люди, даже самые верные охранники, ваши цепные псы очень уязвимы, и мы можем пообещать им выход из-под купола, должность внутри тут у вас повыше, новые права, и кто знает как они себя поведут. А в качестве кнута в новых координа-

тах будет самое интересное. Это та самая вторая санкция, о которой я упомянул.

Еще во времена Холодной войны вы стремились создать биологическое оружие... Сейчас вы его против нас не примените, так как риска для вас самих больше. Вы изолированы от всех, и нас никакая смертельная угроза, что витает здесь, не достанет, – Мэтлок на секунду замолчал, давая собеседнику время осознать слова. – С коммунизмом мы боролись активно, было непросто, честно говоря, зараза ваша по всему миру поползла – столько мы денег потратили в итоге... Но теперь, если у вас вдруг, случайно, каким-то невероятным образом случится биологическая утечка, и люди начнут умирать, то вы не сделаете ничего, а нашим людям там, на расстоянии, будет весьма комфортно. При чем, подобное современное биооружие можно запрограммировать так, чтобы летальность не была критической, ведь вашему народу работать надо еще будет: пшеницу собирать, уголь копать, нефть качать.

Я не желаю смерти Вам и Вашим согражданам, поэтому на бумажке, которая на столе лежит, написано что Вы должны теперь делать. Условия несложные, Вы лично в шоколаде. Мы не хотим менять и заморачиваться с настройками нового лидера. А то ведь ему придется высоту офисного стула вашего подкручивать, регулировать заново кресло в машине и даже изучать устройство страны вашей. Еще и граждан должен устраивать, и элиты... Поэтому, надеюсь, Вы палки в

колеса вставлять не будете и подпишете этот ярлык на княжение. Люблю, знаете, историю, – посол засмеялся звонко и противно, и снова поправил галстук.

Президент в ярости опять хотел кинуть чем-то, и под руку попалась ручка. Но вместо броска, он рванул в сторону иностранного гостя и, казалось, задушить его хотел. Градов пытался успокоить, держал его в прямом смысле слова. Но президент даже ничего внятного не сказал, а посол встал, забрал кейс, оставил документы и, улыбнувшись, покинул кабинет, сказав спокойно: «Еще увидимся». Градов и Жириновский молча сидели в кабинете наедине со злосчастной бумажкой. У обоих были мысли в голове, но разные.

Прошло несколько дней. Страна пребывала в состоянии шока. Когда приходит война, люди первые дни и недели не могут в момент поверить в происходящее и привыкнуть к новой жизни. Тут ситуация была еще непонятнее, неопределеннее. Города замерли, многие потеряли работу за ее неактуальностью, а многие трудились дальше из долга, в том числе врачи и учителя, кто-то шел на работу по инерции или из осознания необходимости кормить семью любыми методами, хоть и шансы получить какие-либо выплаты были туманны. Парализованную экономику будут выправлять еще долго, но сейчас не об этом.

На границах наблюдалось поначалу огромное скопление машин, которые пытались выехать, а потом на место уже отчаявшихся и набивших кулаки о стены купола граждан пришли ученые и военные. Целые полигоны вдоль границы, испещренные разного рода взрывами, давали знать о том, что здесь велась война с невидимой стеной. Всё было бесполезно.

Очередной вечер посол проводил в своей роскошной ванне, пил сухое итальянское вино, и ждал новостей. Не дождав-шись, он пошел спать в мягкую постель. Безмятежный сон окутывал его разум, а мягкие перины – тело. Он знал, что его вряд ли будут убивать, ведь с точки зрения властей подкупольных он единственный легитимный переговорщик из внешнего мира. К тому же он думал, что шпионы в силовых ведомствах доложили бы о планируемом покушении на него или его людей. Ночь накрыла черным платком купол, новый мир погрузился в глубокий сон. Но многие граждане не спали, сложно ведь, когда ты вообще ничего не понимаешь, не знаешь чего теперь ждать.

Утро было доброе. Для посла. К нему пришел человек из МИДа, сел в кресло рядом. Мэтлок был в халате – не по протоколу, но ему было уже плевать – он влился в образ баскака, который сидит тут на Руси вдалеке от своих и ждет дань, и ему должны все принести, и быть вежливы, чтобы он собла-

говорила не покарать их, шелудивых псов.

Но когда он получил новость, ему стало даже неловко за свой внешний вид. Рядом с ним сидел заместитель Градова, который принес невероятную весть: «Жириновский смещен, премьер-министр убит. Градов теперь исполняющий обязанности президента. В стране введено военное положение, прежний Президент объявлен предателем». Закончив свою речь, замминистра положил на стол подписанный листок, оставленный несколько дней тому назад послом в Кремле. Дело было закончено, победа одержана, настало время строить новый мир.

Посол на мгновение потерял возможность контролировать мышцы на своем лице, не ожидая такого быстрого и резкого выигрыша в партии, а потом на его лице опять засверкала белоснежная улыбка. Мэтлок хотел обнять гонца, но вспомнив о своем халате и о том, что лучше все же не нарушать до конца все нормы приличия, решил лишь пожать крепко руку.

После чего Мэтлок взял листок, изучил подпись и стал ходить по комнате взад и вперед и думать. Подпись представляла собой фамилию Градова, написанную крупным почерком, без имени, без закорючек, зачеркивающих ее, видно было, что человек пишет ее с гордостью, а главное – его почерк,

казалось, за последний день стал больше, как и его уверенность в себе, поглотившем всех, кто стоял на пути. Теперь он король нового мира. Да, зависимый от внешнего, но зато живой, на коне, а точнее – на Майбахе, и со скипетром и державой, то есть – с денежным потоком и властью на введенном ему пространстве.

Хотя границы у этой власти, конечно, были, и весьма заметные. Да, теперь оппозиция не может уехать из страны и оттуда что-то выкрикивать. Более того, раньше оппозиции, еще со времен Андрея Курбского в XVI веке, там, куда они перебегали, давали финансирование, некие блага или обещания. Теперь же внешние силы заинтересованы в том, чтобы эту оппозицию и ее неуютную позицию уничтожить, ведь она будет мешать новому устройству России, будет срывать поставки ресурсов. Она враждебна и внутренней, и внешней власти, а значит в конечном итоге – всей цивилизации на этой планете.

Россиянам могли бы пособлезновать другие такие же простые люди из стран, которые там, за куполом, но кто когда-либо граждан о чем-то спрашивал? Спрашивали ли их хоть раз перед тем как напасть на очередную страну, сбросить атомную или обычную бомбу? Нет.

Пусть в демократической стране у людей и есть возмож-

ности писать много всего открыто в СМИ и в соцсетях, а коррупция на нижних уровнях почти отсутствует, но все равно по-настоящему дать простым людям право делать что угодно, говорить против повестки идеологии, знать всю информацию – никто нигде не дает и не давал. При этом множество людей в современном мире с промытыми мозгами, которые сформированы посредством не обычных новостей из телевизора, который прозвали зомбоящиком, а из более хитрых приспособлений, вроде массовой культуры, в особенности кино, стриминговых платформ, через соцсети и далее, уже смотрят на мир через определенную призму, видят в ней своих хороших и плохих, имеют "собственные" идеалы, и считают, что мозги промыты у других, а не у них, хотя по факту – у обеих сторон. И взгляды, которые они считают сугубо личными и независимыми в действительности собственными сложно назвать. Сильный всегда успешно насаждает слабому то, что хочет насаждать.

Люди могут считать себя свободными, а либеральные ценности достигнутыми, страна может считаться независимой, но по факту она и люди внутри нее являются инструментом в руках одного из сильных государств мира сего. И свободим дадут столько, сколько нужно, но не больше, и кого-то сделают экономически сильными, какие-то страны витриной демократии назначат. Но всегда это будет в интересах элит, и неважно – коммунистических или капиталистических, так

как всегда они будут получать с этого блага. А люди везде получают тот объем информации, что "им нужен", и большинство свободных СМИ по мгновению волшебной палочки вдруг окажется в руках определённых сил.

И пока в некоторых странах поддерживается видимая демократия на радость населения, в других извне поддерживаются режимы тоталитарные. Пока один кушает, другой должен работать в поле.

Режим, пожалуй, страшнейшего диктатора в современной истории, лидера Камбоджи Пол Пота поддерживался внешними силами даже после того, как тот бежал в Таиланд, после длительного истребления населения своей страны самым жестоким путем. Потому что иначе придут к власти силы при поддержке СССР и Китая, как во Вьетнаме. Люди же, как и всегда, просто жертвы режима – это пшик.

В Ливии до Каддафи был король, который тоже был диктатором, и демократические ценности которого волновали так же, как западный мир волнует жизни людей в этом отдаленном государстве – никак. В Ливии во второй половине XX века было менее 20% грамотного населения. Власть короля поддерживали западные демократии, а он взамен давал возможность международной военной организации размещать у себя в стране военные базы. Каддафи пришел вме-

сто него – да, он тоже был диктатором, и весьма неоднозначной личностью, но он поднял грамотность почти до 90%, много чего сделал для страны хорошего и плохого, а военных иностранных убрал со своей территории. В итоге города разбомбили, а его убили. Бомбы падали и никто не мог помочь. И это не наказание за его жесткий стиль внутренней политики, на это внешним партнерам-противникам наплевать.

Другой диктатор и тиран – президент Ирака Саддам Хусейн. Пока он вел войну с Ираном, его активно поддерживали Соединенные Штаты. Но как только стал идти поперек, то тут же был уничтожен. А оправдание устранению всегда найдется. Вопрос является ли оно истинной причиной негодования и кары или предлогом, который примет большинство. Лидер страны, даже не особо меняясь сам по себе, может долгое время быть не самым демократичным, но добрым союзником, а потом резко стать врагом всего цивилизованного мира.

Несомненно, не только Запад такой надменный и коварный. Было бы глупо так считать. Российская империя, СССР, Китай, Британия и так далее. Все они подчиняли другие народы и не всегда путем грубой военной силы. Иногда ставились марионеточные правительства, которые должны выполнять одну роль – обслуживать внешние интересы, а как там их народ живет – это никого не волнует, ну кроме,

может, обычных людей с других уголков планеты, но это не особо повредит ситуации.

Если же из страны бежит человек с тайнами, то его пытаются устранить, так США боится Сноудена и Ассанжа и секретов, что они выдают простым людям об устройстве Америки и том, как они контролируют, прослушивают своих партнеров. Но также СССР, Россия, Китай и многие другие устраняли сбежавших на информаторов. Лишний раз секретные сведения в широкие круги пускать не хочется. Но если круги будут не очень широкие, и контроль над ними и их мозгами есть, то некритично. Поэтому и купол, закрывший огромную часть планеты Земля, стерший Россию с карт, конечно, привел в шок и недовольство многих, но больших проблем прецедент не вызвал.

У СМИ главная задача это филигранно пропихнуть повесточку и сделать ее актуальной для большинства, на меньшинство же всегда можно наплевать и потыкать в них пальцем. Средства массовой информации и кинематограф с радостью сделали свой вклад. Вскоре чуть ли не большинству людей, населяющих земной шар, стало все равно, многие приняли позицию государства, а кто-то еще больше стал бояться за себя, свою страну. Что, если и её так? И спрятали свой язык или же наоборот вошли в ряды тех, кто пытался бороться с новым видом санкций мирового жандарма.

Начался первый день, когда в кресле президента восседал Градов. Молодой, довольный, жаждущий власти. Он не спал. Пил виски, думал. Писал списки нового кабинета министров и разрабатывал план перехода власти. Вычеркивая оттуда фамилии тех, кто сейчас занимал важные посты, он получал удовольствие, он упивался властью.

Ему казалось теперь, что в новом мировом порядке под куполом есть только он и жалкие муравьи, а там, далеко, наверху есть правительство, власть которого неоспорима, оно заменило Алексею Бога, теперь оно повелевает человечеством. А за безгрешное существование получит благоволение, ему пошлют блага. Здесь на новой усеченной планете теперь есть только Алексей, он наместник Бога, и каждый, кто его слушается, будет подвергнут каре. В высших эшелонах власти – множество агентов извне, которые помогали ему перекраивать политическую верхушку страны, приносили доносы и совершали аресты.

А что же обычные граждане России делали в это время? Они задавались вопросами, проходили митинги, забастовки на заводах. И Градов выступил по кабельному телевидению с речью:

«Дорогие Россияне, мы столкнулись с невероятным испытанием. Для меня, как и для вас, случившееся является шо-

ком. Наши враги наглым образом и без предупреждений поместили нас под купол, все попытки вырваться из него тщетны, но мы будем продолжать делать все для свободы. Наш президент, которому мы так доверяли, оказался предателем – над ним будет проходить суд. Агенты врага устранили нашего большого патриота, премьер-министра Глазикова, и теперь я, будучи министром иностранных дел, как третье лицо в государстве, вынужден волею судьбы занять пост исполняющего обязанности президента до момента окончания выборов. Меня тоже пытались устранить, но доблестные спецслужбы не дремлют. Мы с вами могучий народ, который прошел множество испытаний, справимся же и в этот раз, вместе, объединившись.

Мы будем стараться для вас, и просим от народа лишь одного: продолжать жить, трудиться, воспитывать детей. Те, кто потерял рабочее место – скоро обретут новое, государство о вас всегда будет заботиться. Мы все любим нашу Родину и во славу ее будем работать! Настанут светлые времена, восстанем из пепла. С вами ваш верный слуга Алексей Градов. Справимся вместе!».

Завод заводу рознь

Павел был из того поколения, кто родился еще в открытом мире и помнил фрагментарно другое время, но большую часть жизни прожил при новой власти – подкупольной.

После колледжа он пошел работать на завод – это было далеко не самой худшей карьерой в новой системе координат, одной из лучших. Паше повезло родиться в столице и получить от родителей, уехавших на ферму, квартиру в распоряжение. Да, однушка – зато своя. Сейчас купить жилплощадь невозможно, впрочем есть возможно получить жилье от места работы, но чаще всего придется проживать с кем-то, а Паша был интровертом.

Большинству сограждан что колледж, что завод, тем более хороший, вряд ли светят. Заняты в основном люди сельским хозяйством и работой в добывающей промышленности. Хуже всего приходится тем, кто работает на химических предприятиях. Чаще всего туда попадают в наказание за проступки – такие вот исправительные работы. Врачи, учителя и спасатели живут крайне бедно, впрочем, им не привыкать.

На самом деле, нищее существование влекут все кроме

двух категорий граждан: силовиков и политиков. Даже бандиты и подпольные дельцы не могут себе позволить жить на широкую ногу, возможностей к этому у них меньше, чем в Советском Союзе. Тотальный контроль, камеры и шпионы делают свое дело. Население стало жить сильно беднее, чем когда-либо в новейшей истории, случались голодные бунты. Раньше деньги с проданных ресурсов могли накормить не только богатых – бедным тоже перепадало, росла экономика, было образование, появилось много товаров и росло разнообразие услуг.

Теперь все были запряжены в общий тяжелый плуг, и большая часть результатов их труда уплывала за границу купола. Руками извне народ был обречен на рабство, но это всё особенно усиливала жадность внутренней власти. С внешней стороны просили многое, но команда Градова обирала народ больше, чем их просили, ведь взамен за перевыполнение плана они получали бонусы, о которых стоит подобно рассказать позже.

После постройки купола началась внутренняя перестройка. Внешние силы строили свои объекты у границы, а народ наш – новые заводы. На окраинах городов появлялись фермы, трубы фабрик начинали активно дымить, и те, кто вчера называли себя бизнесменами или учеными теперь учились работать за станком, печь хлеб и выполнять другой труд о

котором раньше даже не приходилось думать.

В один самый обычный, казалось, понедельник Паша пришел на работу и был вызван в кабинет директора. Он оставил сумку в раздевалке и, еще не переодевшись, направился по железной лестнице наверх. Зазвенели ступени, стук в дверь, волевое «войдите» изнутри. И уже он в кабинете, где сидел Пожарский за большим красивым столом. В стране вообще осталось много изящной мебели, сейчас она красуется в основном у новых владельцев, обретших власть. Заместитель директора был главным стукачом на заводе, и, казалось, в этом и состоит его функция как работника. Самое ироничное здесь то, какой фамилией он при этом обладал. Ведь 400 лет назад его однофамилец, если даже не прямой предок, вместе с Мининым освобождал Родину от иностранного ига, а теперь этот жук сидит здесь, улыбается, хихикает даже и пишет кляузы на свой собратьев, коллег: кто не выполняет нормы, кто говорит на работе – особенно на запретные темы. Тем самым он является важной деталькой, благодаря которой функционирует эта бездушная государственная машина, выстроенная Градовым и внешними силами, пришедшими на нашу землю.

Павел, кажется, уже понял, что его разговоры с Максом могли услышать и именно это стало причиной его нахождения перед этим худым высоким человеком, сидящим в массивном кресле и довольно перебирающим бумажки.

В кабинет зашел директор. Был это человек лет пятидесяти, получивший образование еще в докупольное время, с небольшой сединой, уставшим взглядом, очень вразумительный и опытный. Его все почти здесь любили. Работники

понимали, что строгость и требования – это прихоть не его, а начальства свыше, а он, по крайней мере, старался оставаться человеком, даже помогал бедным, хотя и сам не мог позволить себе того, что в былые времена было для подобной должности вполне естественным.

Директор провел Павла в соседний, его личный, кабинет, указал на стул, слегка улыбнулся, сел напротив и начал:

– Паш, извини, что заранее тебя не предупредил, но сегодня можно было на работу к нам уже не приезжать. Могу тебя поздравить, тебя переводят! Завод №11 имени Алексея Градова, представь себе. Пока не знаю, в какой корпус тебя определяют, но представь, если в Одиннадцатый? Ну ты, может, внутреннего устройства не ведаешь у них, но знаешь же, у Алексея Михайловича под этим числом всё самое лучшее. Спец-обеспечение, квартиру рядом дадут... Еще немного, и я у тебя буду деньги займы брать или опыта набираться, а? – он искренне посмеялся и похлопал своего уже бывшего подчиненного по крепкому плечу.

Была передана папка с документами, прозвучало напутствие, и вот уже директор был вынужден бежать по делам, и Паше тоже было нужно идти. Пожарский фыркнул ему вслед и прошептал пренебрежительно: «Плебс...».

Павел действительно был хорошим работником: еще на

учебе отмечали его аккуратность, ответственность. На заводе он был одним из лучших. Не по объему производства, но по аккуратности, с которой он выполнял работу, ему равных не было. Он всегда заканчивал дело, которое начал, прикладывал смекалку, а не ждал пока ему все разжуют. Умный парень, в общем. А главное, не было у завода претензий к его политическим взглядам и поведению в свободное время, никаких жалоб. Макс, его приятель, не был раскрыт, и поэтому общение с ним не было делом наказуемым.

Журнал на каждого работника лежал в кабинете замдиректора, а по требованию спецслужб передавался в надежные руки. В нем описывалось поведение сотрудника, круг общения, эффективность труда, замечания, сделанные ему, и тому подобное.

Паша пересекся с Максом в узком коридоре, тот был взъерошенный и как всегда энергичный. Как только Максим услышал о переводе, он воскликнул:

– Ооо, и ты просто собрался уйти?! Нет, братец, мы тебя проводим! А я так вообще от тебя не отстану, смена работы – это не повод терять друзей, помни об этом! Давай вечером к тебе подлетим с ребятами, обмоем? Я все принесу, ты только дверь открой, ладно?! – Он улыбнулся и рукой толкнул слегка в грудь. – Давай, побежал я работать, а то Пожарский поджарит, – сказал Макс и унесся стремительно в цех.

«Быстро появился, выпалил пулями слова и убежал. Сколько же в нем жизни, энергии», – подумал Павел и пошел за своими вещами медленно, находясь в глубокой задумчивости. Автобус потащил его к дому, а на улице было еще светло – странно-то так.

Вечером зазвенел звонок квартиры, и на пороге стоял Макс, а за ним его девушка, их коллега Даниил и еще какая-то милая особа. Макс тут же сказал: «Друг, ты не пугайся, что нас так много! Хорошая компания – штука ценная, а мы еще и с гостинцами. Будет здорово – моя гарантия!».

Гости зашли, тихонько захлопнули дверь, чтоб не привлечь внимание соседей. Максим продолжал:

– Данилу ты знаешь, это Варвара – моя дама сердца, познакомься, а вот ее подруга Вера, без приглашения, конечно... Тут неловко мне немного за нас, братец, но ты не сердчай. В любой момент ты скажи – мы уйдем, и покой в твоей пещере будет снова восстановлен. Руки где помыть? – Он улыбнулся и вытянул шею, демонстративно озираясь вокруг.

Паша переварил поступивший наплыв информации, выпаленный в него, как из пулемета, изо рта это невысокого светловолосого парня, которого будто пчела ужалила, и тут же слегка наигранно улыбнулся гостям. «Веди себя как при-

нято, ты же помнишь, как встречать гостей... Ну, в кино же видел», – говорил с собой в голове хозяин квартиры. Шумный рой залетел в гостиную, которая по совместительству была и спальней в этой однушке. Достаточно большой диван, в углу кровать, шкаф, столик, окно. Места не густо, но 5 человек усядется уж как-нибудь. Варвара и Данил были такими же шумными, веселыми, и будто были частями одного целого сумасшедшего комка энергии. А Вера казалась достаточно тихой, иногда даже отстраненной и задумчивой, и больше была похоже не на них, а на Пашу.

На столе велением волшебства рук из рюкзака материализовались бутылки. Затем рядом с ним возникли закуски, колбаска, которую днем с огнем не сыщешь, и пятилитровая банка компота. На лице Паши возникло нескрываемое удивление и эмоция, выражающая уважение такому улову, принесенному прямо сюда на блюдечке с золотой каемочкой. Макс улыбнулся, звонко рассмеялся и сказал: «А вот так! Умеем. Если что, обращайся! Причем не на улице брал бодягу втридорога, а у своих – только тихо...». Он опять посмеялся.

Вечер разгорался довольно приятно, напитки всем развязали язык, и эмоции трещали угольками в этом костре человеческой энергии. Общение оказалось легким, но самое главное – неожиданным. Если Паша проявлял несвойствен-

ные ему эмоции: чаще улыбался, больше говорил, внезапно для него самого, то его шумный общительный друг стал довольно серьезным, смешки ушли в тень, его взгляд стал глубоким, а голос, кажется, более грубым.

Максим положил руку на плечо Паше и сказал:

– Брат, я понимаю, что ты человек, который старается отстраниться от плохого, страшного и будто бы непобедимо-го давления сверху, но сейчас нашему диалогу никто не помешает. Я бы даже сказал, кое-что поможет. Бетонные перекрытия вряд ли донесут соседям содержимое наших тихих душевных бесед. Завтра ты впервые выйдешь работать на Одиннадцатый. Знаешь, что это за место вообще? Крупнейшее предприятие в регионе, построенное по специальному заказу Градова и его дружков. Множество корпусов на территории, где производятся не нефтепродукты и не сплавы – там делают вещи, в том числе для высшего руководства. В одном из корпусов собирают машины, да, те самые единичные новые черные машинки на дорогах, думал, откуда берутся? Там делают мебель, одежду, выращивают цветы, производят алкоголь... Да чего там только не делают. Этот кластер обеспечивает верхушку всем необходимым, и только небольшой процент произведенного выкидывается на рынок, на продажу тем из нас, кто смог подкопить денег. Это позволяет им чувствовать себя хоть немного людьми, а также народ успокаивать. «Ведь можете же купить, подко-

пите только», – так они думают.

Иногда Градов оформляет там спецзаказ на оборудование или мебель для школ или больниц, и потом мы видим по телику как радостно он перерезает ленточки на мероприятиях, где его портреты висят на каждой стене.

Это главное предприятие страны – туда отбирают самых надежных начальников и самых эффективных работников. Но ты удивишься, брат, там есть и наши люди. Да, да, из партизанского сообщества, у которых есть связи с лесным братством. Там работают десятки тысяч людей, огромное количество директоров разного уровня, я знаком с одним из них, нашим.

Спросят: «Из народа?» – отвечай положительно. Это тебе на будущее, запомни. И смотри, это, казалось бы, важнейший завод, но и там тоже хорошие люди есть. Иногда на своем лбу очки найти не можешь, так и они, отобрав в этот муравейник лучших, не так уж тщательно следят за этим муравейником.

Я тебя сведу с некоторыми. Честные, свободные, умные люди. Благодаря таким мы снова заживем когда-нибудь по-человечески, вот поверь! – Максим хлопнул ладонью по столу. – Друг мой, я знаю, что ты всегда был далек от мыслей наших кругов, с тобой мы редко встречались вне работы, но может твой перевод – это и есть повод начать новую жизнь, новая ступень в жизни у тебя? Давай вместе строить новый мир.

Макс закончил речь, выпил полстакана своего коктейля и сменил строгий сосредоточенный взгляд на улыбку. Вскоре он стал более расслабленным, снова повеселел. Выговорившись, мог наконец отдохнуть.

А у Паши в голове теперь роились мысли, но выстроить их в строгий ряд и к чему-то прийти в подобном состоянии было задачей невыполнимой. Они все хорошо повеселились и даже тихонько поиграли на гитаре. За этот вечер он успел заново подружиться с Даней и Максом, узнать их с нового угла, а главное – познакомился с Верой. Она сидела на диване, укутавшись в клетчатых плед, пока ребята расположились рядом на ковре и болтали. Почти не пила, слушала чужие разговоры, иногда смотрел в окно задумчиво и будто выпадала из нашего пространства. Но было видно, что компания девушке приятна, и иногда она выражала согласие с чьей-нибудь мыслью, смеялась над шутками. Она понравилась Паше, и он, осмелился узнать, где она живет, номер ее домашнего телефона.

Гулянка вскоре стихла, дабы не вызвать гнев соседей, чтобы звук мигалок под окном не заставил их в панике бежать. Вся шумная компания, кроме владельца квартиры, устремилась на лестничную клетку и тихонько зашагала вниз. Думали они, что тихонько, а на самом деле шумели, конечно.

Как власть строилась

«В течение лета и зимы бывали такие часы и дни, когда казалось, что эти люди (мужики) живут хуже скотов, жить с ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живут не согласно, постоянно ссорятся, потому что не уважают, боятся и подозревают друг друга... в жизни их ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдания. Тяжкий труд, от которого по ночам болит все тело, жестокие зимы, скудные урожаи, теснота, а помощи нет и неоткуда ждать ее. Те, которые богаче и сильнее их, помочь не могут, так как сами грубы, нечестны, нетрезвы и сами бранятся так же отвратительно; самый мелкий чиновник или приказчик обходится с мужиками как с бродягами, и даже старшинам и церковным старостам говорит «ты» и думает, что имеет на это право. Да и может ли быть какая-нибудь помощь или добрый пример от людей корыстолюбивых, жадных, развратных, ленивых, которые наезжают в деревню только затем, чтобы оскорбить, обобрать, напугать?»

Антон Павлович Чехов

Прошло несколько месяцев с установления купольного мира, и жизнь каждого гражданина под ним резко переме-

нилась. На дворе весна, в кабинетах чиновников происходят рокировки, почки распускаются на деревьях, в это время крепчает силовой блок, а люди... А что люди, они как обычно работают, чтобы выжить.

Идет тотальная перестройка экономики и быта, больше нет импорта, приостановлен экспорт. Вместо построения великого коммунистического будущего или движения в сторону пресловутой американской мечты, население занято строительством чужого будущего и покорно воплощает чужие мечты.

На «стройках века» россияне заняты возведением огромных заводов и подземных железнодорожных тоннелей, а в это время работников, занятых в сфере услуг, становится всё меньше, и вскоре весь частный бизнес будет запрещен. Идет мобилизация трудовых кадров – работа найдется для каждого, но это не шагающие маршем люди с улыбкой на лице и с блеском в глазах, смотрящие в новое будущее. Это покорная замученная серая толпа, жизнь которой и так была не сахар, а теперь их взгляд в небо приносит не наслаждение весенней небесной лазурью, а лишь напоминает, что где-то там высоко в небе есть стена, которая отделила их от всего мира, и кто-то за ней будет решать что им делать, как и когда.

Да, большая часть населения и раньше никогда не бывала

за границей. В данный момент проблема не в свободе передвижения, а в новой парадигме – они рабы. Впрочем, и в другие времена, когда не было в небе преград, доминирующая часть населения, угнетаемая правящим классом – подчинена ему и работает на благо верхушки. Теперь, кажется, совсем у людей не осталось шансов на будущее: города будут ветшать, вместе с тем будет катиться в пропасть и человеческий быт, изменятся их рацион и привычки. Новая элита страны не просто забирает себе больше, чем перепадает обычным людям, нет, теперь новое правительство будет вывозить практически все ресурсы, принадлежащие нашему народу.

Не будут более развиваться наука и культура, не нужны в таком масштабе эти кадры вшивой интеллигенции, все это теперь лишь пыль на камзоле нового мира. История же как наука – вообще пагубная штука! Зачем новым поколениям знать прошлое, лишнее, что-то из мира, в котором они больше не живут, понимать как дело обстоит и каким оно бывает в другой модели.

Вот Паша, к примеру, наш труженик, не был обременен возможностью изучения многих наук в школе: некоторые предметы были вычеркнуты или видоизменены. Безусловно, существенный набор знаний дают родители, если им есть что дать. Все же отупление населения – процесс значительно более простой, чем его просвещение.

Все изменения – экономические и социальные – производились постепенно, без резких движений. Перед этим необходимо было сформировать до идеальной кондиции и забетонировать в таком виде силовые ведомства государства. Параллельно надо объяснить людям что происходит в стране, как новая конъюнктура скажется на их жизни, почему обществу необходимо сплотиться и слепо и упорно выполнять отведенную для каждого роль.

Армия выдающихся лизоблюдов вокруг президента, состоящая из пиарщиков, силовиков и чиновников, была награждена за свои старания и посему наделена особыми правами, а главное – финансовыми возможностями. Большая часть рядовых работников этих сфер жила жизнью не роскошной, за воровство они жестко наказывались, ведь из чьего кармана они тащат? Из кармана заграничных господ. Негоже! А президент и его самое ближнее окружение, те, кто имел права на определенные блага, атрибуты богатой жизни, были заинтересованы в устранении таких лишних жадных ртов, ведь это сказывается на лояльности внешних сил к топ-менеджерам новой корпорации «Россия».

Верхний класс общества был довольно узок, но нельзя была так выразиться об их талиях и аппетитах к роскоши. Роль народных слуг заключается в том, что они должны быть эф-

фективными менеджерами, добротнo исполнять роль вампиров, тянущих соки из недр страны и из народа и передающих их за кордон, не забывая, конечно же, получить свои капельки в виде новых машин, домов, гаджетов и вкусной пищи.

Среди народных слуг были не очень жадные и даже весьма неплохие люди. Кто-то совершал для городов и народа благие деяния сверх того, что регламентировано государством. Они хоть и были поневоле оторваны экономически от населения, плывущего в горной бурной реке жизни где-то там, в пропасти далеко внизу, но при этом некоторые чиновники старались оставаться людьми. И пусть необходимости, исходящей свыше, в этом не было, они могли сделать что-то хорошее. Например, направить в региональные больницы чуть больше лекарств, чем положено, продавив наверху увеличение поставок. Или построить школу, архитектура которой представляла собой не грудy кирпичей, собранную в один большой прямоугольник, больше похожий на хлев для скота, а нарисовать и реализовать скромные, но симпатичные архитектурные решения, покрасить яркими красками эти скучные стены. Жизнь народа при этом не становилась тут же красочной, подобно радуге, но благодаря действиям таких людей хоть немного в ней появлялось прекрасного, полезного для тела, взора и души.

Основная же масса нового правящего класса была занята

двумя вещами: выполнением своих менеджерских обязанностей и длительными измышлениями, долгими думами о том, куда же потратить свои зарплаты и бонусы.

Рядом с Москвой была построена крепость, которая обороняла богатых от бедных. Это достаточно большой населенный пункт, отрезанный от внешнего мира бетонной стеной, колючей проволокой, минными полями, камерами, и всем, что только может придумать мозг параноика Кашея, чахнувшего над своими богатствами.

Внутри была совершенно другая жизнь, казалось, что даже время года иное – пока за его пределами снега и лед покрывает почти все пространство, тут чистые тротуары и дороги, которые приводят в порядок вышколенные улыбочивые люди, одетые в зеленую качественную, чистую рабочую спецодежду, в головных уборах замысловатой формы, похожей на шапку Робина Гуда. Эта элитная армия воинов ЖКХ была создана и выдрессированная одним двуличным жителем этого городка – министром распределения благ и коммунального хозяйства РФ.

Алексей Павлович Манчилов – человек благороднейших кровей, как он сам любил об этом говорить, был любящим и таким переживающим за простой народ – как, опять же, он сам старался не забыть упомянуть на очередном пиру, будь

тот банкет на сотню персон в честь дня рождения его собачки или в честь вручения ему очередной медали.

Он был с виду приятнейшей персоной: чистоплотный, с иголки одетый, полноватый и любезный донельзя! Всегда склонен к душевной беседе с тем, кто попался ему на глаза. Любил Манчилов вещи неочевидные: музыку и историю, что не запрещено в высших кругах. Впрочем, книг он не читал, а любил с людьми общаться. И больше ему нравилось из бесед узнать что-то новое, а отдельные факты он сам формировал в голове в цельную картину, домысливал, создавал целые переделанные миры – благо, фантазией был не обделен – а потом рассказывал кому-нибудь новую историю, выдавая за чистую монету.

В уютном его особняке, оплетенном плющом, с башенками и флюгером-петушком, на цветущей окраине их уютного города проживал Алексей с семьей: очаровательной любящей женой и тремя сыновьями. Дом их был наполнен любовью и заботой, и было, словно, слишком приторно там находиться. Во дворе копошились в роскошных садах работнички всё в тех же отлично сшитых зелененьких костюмах и странных колпаках. Вечно Манчиловых окружала некая волшебная аура, будто и небо над их домом было блестками посыпано.

На деле человек этот был таким лизоблюдом, каких еще поискать надо, интриганом и лжецом, а в оппозицию той горе улыбок, что заполняет их дом до потолка, хочется напомнить, что прошлый министр, заместителем которого Манчилов служил, ушел с поста не по своей воле, а по анонимному доносу и покинул кабинет в наручниках под улыбку своего протеже в красивом костюме и в зеленом галстуке. Любил Алексей зеленый цвет, и лето он очень любил. Большинство же людей в государстве, Которое-Нельзя-Называть за его пределами, лето в своей голове ассоциировали с установлением купола – это произошло именно тогда и окрасило самое тёплое, милое сердцу время года в серые тона.

Но Манчилов смотрел на лето возвышенно, через призму высокодуховных взглядов, как на пору, когда цветут прекрасные розы и хризантемы в его садах и на улицах их маленького городка. Он любил цветы и практически был готов даже каждую букашку на них расцеловать. «Цветок никогда не бросит тебя, не заберет себе твое добро, а посему он благостное явление», – говорил он с умудренным видом. Был он любителем итальянского вина, да и вообще любил Италию – такую далекую и загадочную. Импорт дорогих алкогольных напитков, сыров и прочих явств осуществлялся в страну по запросу власть имущих, что было неким подобием премии за верную службу.

Сосед его жил в сером огромном кирпичном здании и был Манчилову не пара. Никакого плюща и роз здесь не было – лишь один холодный порядок, симметрия, тишина. Казалось, даже птицы пролетая над этим домом, старались сомкнуть клювы и не щебетать.

Здесь проживал министр просвещения. Грузный человек с щетиной на лице, ленивый, неповоротливый. Такого рода личность, что его раздражала даже энергичность, исходящая

от других, и он старался ее подавить. Когда Манчилов старался быть с ним приветливым и махал пухленькой ручкой со своего крыльца, то он смотрел на него с такой всепоглощающей скукой и таким при этом недовольством, ведь был вынужден тоже поднять руку – как не ответить взаимностью? Все-таки не зря он министр просвещения.

Само собой, имеется ввиду не его тяга соответствовать тому, что называется культурой общения и этикетом, а то, что зять Манчилова помог продвинуться ему по карьерной лестнице, а сложить $2 + 2$ и получить 22 он умел и понимал, что нужно быть ласковым с рукой, которая его кормит.

Он выходил на крыльцо, громко хлопал дверью, шаркал, недовольно вздыхал и смотрел по сторонам. После чего снова уходил в свою темную берлогу. Звали его Михайло Собакевин. Был вправду похож Михайло на мишку косолапого, который вылезал иногда наружу, отправлялся охотиться в свое ведомство на всякую рыбку большую или малую, но не забывал, что главное – это не пропустить ужин. За едой он иногда выдавал жене своей или гостю некую мудрость, вроде такой например: «Режим питания нарушать нельзя! Вот... Ведь если нарушил ты его, скажем, много раз, ну нет у тебя системы, то у тебя же знаешь, что, друг, будет? Расстройство пищеварения, нарушение метаболизма и не только! Гастрит! Так и здоровье может пошатнуться. Нет уж, не допустит это-

го Собакевин!». И бил по столу тяжелой рукой так, что вилки и ложки подпрыгивали. Он не скрывал своих жизненных интересов и говорил: «Я люблю поесть. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия».

Представить надо себе его министерство. Первый год после установки купола оно занималось цензурой и уничтожением запрещенной литературы, передачей в лапы репрессивного аппарата ненужной или тем более не лояльной части интеллигенции, перестроением системы образования и так далее. Когда они разрушили всё, что было нужно разрушить, стали поддерживать оставшиеся кирпичики этих руин, чтобы совсем все не развалилось.

Стране нужны были колледжи, был так же и один единственный университет, оставленный для детей элиты, оставались и школы. Что-то, конечно, нужно было сохранить и это что-то тащил на своем горбу Михайло, оттого, наверное, он слегка сгорблен и взгляд его так понур. В свободное время Собакевич управлял сетью ресторанов и забегаловок по всей стране, ведь любил, чтобы стол ломился от яств, и хотел, чтобы все могли испробовать его рецепты. Но, к сожалению, одарено такой возможностью было очень небольшое количество людей, ведь денег народу не хватало даже на мясо в магазине в те дни, когда оно соизволяло там присутствовать.

За домиком Манчилова, как он любил скромно называть свое поместье, виднелась утопающая в фруктовых садах усадьба Сладковой Любови Леонидовны. Женщина за пятьдесят, всегда милая в общении. Любила носить белоснежную воздушную одежду и всегда была навеселе – загляденье, а не человек. Весь дом в картинах и статуях. Некоторые произведения искусства граждане могли видеть ранее. Вряд ли будучи в гостях у этой дамы, а, скорее всего, в Эрмитаже или в Пушкинском музее. Службу свою несла она на посту министра экспорта.

Живет в этом сказочном городке множество других интересных людей, и рассказывать о каждом не хватит ни букв, ни терпения, а главное – у читателя от возможности, пусть лишь в воображении, лицезреть таких ну просто волшебных, кристальных личностей и светочей из всех возможных сфер может вскружится голова.

А если без сарказма, то даже в такой коррупционной бюрократической системе были чиновники, которые старались служить народу и хоть слегка облегчать человеческий быт, но проблема состояла в том, что им редко давали забраться на верха иерархии. Будет нечестным не упомянуть таких людей. При помощи своих выдающихся талантов, занять поста заместителя министра здравоохранения смог Худеньков Олег Викторович. Пусть он и не воровал, а был занят дела-

ми, зато он не стучал на других, выполнял всю работу за начальство, отдувался за всех своих коллег.

Человек он был приятный. Тощий мужчина, которому было около пятидесяти лет от роду, в очках, гладко выбритый и слегка замкнутый. Ему в свое время выдали здесь участок, но он продал его и продолжал жить в Москве в любимом районе на окраине. И по всем этим причинам над ним порою смеялись. А благодаря ему отделенные регионы их общей Родины могли себе позволить не умереть от заболеваний, которые еще недавно, казалось, перестали быть летальными. Лечился народ и на дому, была популярна народная медицина.

Может возникнуть вопрос, почему вообще работают больницы и аптеки в стране, где перенаселение не допускается сверху? Но минимальный набор благ требовалось все же давать населению, ведь иначе риск роста недовольства, перетекающей в восстания, становится слишком велик.

Были в государстве и другие люди во власти, особенно в регионах, которые старались не забывать о своих согражданах. Быть может, им удастся себя раскрыть когда-нибудь.

Улицы, как было ранее упомянуто, не просто сверкали чистотой, а были еще и украшены цветами, в особенности ро-

зами и хризантемами. Также здесь были школы, парки, озера, велосипедные дорожки, фитнес-центры и прочее, и прочее. Даже торговый центр свой был. Ну что за мэр мог так город преобразить? А мэром по интересному стечению обстоятельств является Георгий Градов – младший сын президента. Название города было лаконично – Город-1.

Жители местных дворцов чаще всего называли своего мэра не Георгий Алексеевич, а Жора Вагончик. Вагончиком его прозвали за то, что, когда он был еще совсем маленький и присутствовал по своей прихоти и по дозволению отца на встрече президента с кабинетом министров, услышал про то, что из России ресурсы вывозятся по подземным тоннелям вагонами, и сказал: «А можно и мне свой вагончик?». Все посмеялись. И действительно, судя по скромному размеру его дома и капитала, он получил в качестве своей доли не вагоны ресурсов, как его соседи, а лишь вагончик.

Ясно, что он не был любимчиком отца, потому что он отнюдь не его копия и даже не пародия, а простоватый, не мыслящий масштабно молодой человек, который может лишь хорошо справляться с должностью подобной той, что он в итоге и занял.

Жора был ростом ниже среднего, толстенький, одетый в мешковатую одежду, с темными засаленными волосами. Ру-

ководил Георгий весьма успешно тем небольшим миром, что находился внутри прочных высоких стен их города. По выходным и когда у него был отпуск, Жорик выбирался в мир за пределами колючей проволоки, любил путешествовать инкогнито и общаться с простым народом.

При этом вылазки за стены города были присущи далеко не всем его обитателем. Например, жены и дети многих горожан вообще не выходили во внешний мир, ведь тут были все необходимые блага: и парк, и медицинская клиника, и, главное, торговый центр с одеждой, современными смартфонами, автосалоном и так далее. Да и что же еще надо человеку, у которого нет тяги к путешествиям и познаниям, который тяготеет лишь к консюмеризму, и вестернизированный образ мышления которого не меняется несмотря на купольную колонизацию? Даже перед сном их не посещают мысли об истории, о Родине и чести, о Боге и справедливости, о добре и зле, нет. Им интереснее новая одежда и красивая машина, любовники, сплетни ни о чем, кружение в танце эгоистичной жизни гедониста среди таких же, как они. Их не гложет судьба страны, справедливость на планете и даже уровень жизни миллионов тех, кто будет подорван на mine, если только попробует подойти к стенам этого оазиса в пустыне тьмы.

Город был защищен также башнями со снайперами. Их охраняла целая, пусть небольшая, зато своя, армия. Это со-

общество горожан построило свой собственный «купол» вокруг этого хрупкого красивого мирка. Там, вдалеке, за минными полями, покрытыми туманом, виднелся вечнозеленый хвойный труднопроходимый лес, а в радиусе многих километров не было ни души. Ничто не нарушало мирный быт народных слуг.

Паулюс

Паулюс был профессионалом своего дела. Если его делом, конечно, являлись праздность и подчинение бездумному формализму. Он жил в просторной трехкомнатной квартире внутри Садового кольца. В его жилище чувствовался застоявшийся запах вишневых сигарет, окна открывались редко. Повсюду разбросаны книги, бутылки от крепкого спиртного, грязные подушки.

На большой кровати валялось тело, слегка прикрытое белоснежным некогда одеялом. Паулюс безмятежно спал, лишь изредка издавая оглушительный храп, а потом посапывая и замолкая вновь.

Будильник. Резко дернулся и поднялся с кровати этот высокий лохматый мужчина. Глаза боролись со сном, а ноги топали в сторону холодильника. Сытный завтрак и кофе взбодрили его, движения стали решительнее, вот он уже надел брюки, черную рубашку, и, бурча под нос ругательства, двинулся на балкон. С крыши капало – ночью лил дождь. Туман висел во дворе меж деревьев, а птицы пели энергично, живо, задиристо, стараясь природным будильником расшевелить жителей мегаполиса. Зябко.

Паулюс вышел на балкон, чтобы узнать, как там погода, будто бы у него была возможность не выходить на работу прямо сейчас и можно было посидеть дома, подождать пока потеплее станет. Он был немного ленив, но при этом соблюдал все прописанные правила, поэтому перед тем как выйти он открыл сейф, проверил бумаги, перечитал то, что вчера вечером печатал на ноутбуке, сидя на мягком диванчике в гостиной. Закрыв коробку, он взял в руки сумку, поставил сигнализацию и хлопнул дверью. Осмотревшись по рабочей привычке, направился к лифту.

Дом, в котором Паулюс жил, населял так называемый средний класс: чиновники средней руки и привилегированные работники, чаще всего руководители, трудящиеся на заводе №11. На выходе из подъезда он чуть не врезался в высокого парня в бежевой куртке. Это был Паша, которому квартиру в этом доме недавно выделили, после вступления в новую должность.

– Ой, Андрей Валентинович, извините, я засмотрелся на пейзаж, а Вы... Вы тоже тут живете, соседи, получается, – сказал Паша Паулюсу, улыбнулся растерянно и протянул руку.

Паулюс улыбнулся, поздоровался и пожал руку новому коллеге. После чего быстрым шагом устремился прочь из

двора, на работу опаздывать нельзя. «На пейзаж он засмотрелся, чего нашел», – пробубнил он себе под нос.

Сирена прогудела. Рабочие завода №11 стояли в помещении одиннадцатого павильона, все уже в рабочей одежде, а кое-кто и в рабочем настроении. Из рупоров им зачитали план на сегодняшний день, следом зазвучал гимн:

В стране, богатой сильными людьми,
Природой щедро награжденных,
Красоты лицезреть вы удостоены,
Сыны прекрасной Родины свободной!

Всю благодать, что может Градов дать,
Получим же сполна мы!
Мы будем громко воспевать:
«Работать, край свой развивать!»

Ура, да славься же страна-планета!
Всю сушу занимает и моря
Наша гордая страна!
Мы будем вечно воспевать тебя!
Ура! Ура! Ура!

– Ура! – Выкрикивала в такт вся толпа: кто-то от чистого сердца ликовал, кто-то просто выполнял свой долг и вторил

остальным. Наконец, все разошлись по цехам – начинался трудовой день.

Паша занимался техническим обеспечением станков, на которых производили автомобили. Он уже втянулся в рабочий процесс, но пока не до конца влился в коллектив – это ему еще предстояло.

Паулюс, он же Андрей Валентинович, был заместителем начальника цеха, осуществлял контроль качества на предприятии. Но большую часть времени он проводил у себя в

кабинете, небольшой комнатке рядом с лестницей на второй этаж. Уже упоминалось, но важно подчеркнуть тот факт, что был он довольно праздным человеком, неторопливым, неприметным, ходил со своим блокнотом по цехам всегда тихо и не кричал ни на кого.

Андрей Валентинович выполнял свою работу исправно, хоть и без излишнего рвения, и не конфликтовал с вышестоящим начальством. Любил общаться с людьми и легко входил в доверие: большая часть работников находила с ним общий язык, многие общались по-свойски, панибратски, и он был вхож на многие праздники и простые попойки, которые по вечерам в каптёрке или по квартирам устраивали рабочие и дирекция.

Их завод был одним из крупнейших промышленных комплексов в стране. Здесь выпускались элитные автомобили, оружие, медицинское оборудование и бытовые предметы для руководства страны и иностранных работников внутри нее. Проще сказать, чего тут не было. Хочется провести параллель этого предприятия с аптеками прошлых веков: начиная с эпохи Возрождения, в Европе стали появляться аптеки, и были они совсем не такими как сейчас. Это не просто витрина с лекарствами, а целое предприятие, где в других помещениях производились лекарства, стекло, медицинское оборудование, алкоголь, продукты питания, фейервер-

ки и прочее, и прочее.

Так и этот промышленный кластер, который и заводом-то простым назвать рука не поднимается, делал всё, что только было необходимо высшему классу и простым гражданам. Был это не экспортно-ориентированный завод, а одно из немногих производств, ориентированных на внутренний рынок.

Одиннадцатый корпус завода был создан исключительно для обеспечения элит. В других же зданиях развернулось производство бытовых товаров, собирался общественный транспорт и все, что нужно для поддержания жизни в стране. Но ассортимент в каждой категории был скуден, качество хромало – экономили на всем, производилось лишь то, что необходимо людям для выживания а, главное, для продолжения эффективной работы.

Простой гражданин не мог приобрести предметы роскоши, современную технику и тем более новый автомобиль. Впрочем, некоторые вещи можно было купить на вторичном рынке. Стоит упомянуть о том, что работникам главного завода по квоте иногда доставались товары, которые другие жители купить не могли. Делалось это не по доброте душевной, а для сохранения лояльности. *Все это вызвало у горожан большое негодование: они чувствовали себя людьми*

второго сорта. Атмосфера была напряженной, так как все знали, насколько несправедливой была эта ситуация, но никто, казалось, не был в состоянии изменить ее или улучшить положение для себя или окружающих.

На завод также приезжали порой иностранные специалисты с высшим образованием для управления процессами и руководства операциями. Они были необходимы для обеспечения того, чтобы производство достигло своих целей, несмотря на ограниченные ресурсы, и недостаточный уровень образования работников. Иностранные специалисты предоставили ценную информацию о том, как лучше всего использовать существующие ресурсы и максимально повысить эффективность. Однако, несмотря на все их усилия, казалось, что независимо от того, что они делали, этого было недостаточно – производство не раз отставало от графика за последние месяцы

Паша каждый день наблюдал, как с конвейера сходят автомобили для элиты, а сам каждый вечер после окончания смены ехал домой на старом покосившемся велосипеде. Станки работали в унисон, производя продукцию с поразительной скоростью. Подполье обеспечивало поток лекарств и оружия с завода повстанцам, желая в конечном итоге помочь гражданам, которые страдали в таких угнетающих условиях из-за отсутствия доступа к предметам первой необ-

ходимости, не теряли надежды, что однажды справедливость восторжествует.

Рабочий день наконец кончился, снова зазвучал гимн и рабочие стали расходиться. В раздевалке к Паше подошел здоровый рыжеволосый широкоплечий парень, взглянул на бейджик и сказал: «Ты из народа?». Павел немного растерялся, потом вспомнил инструкцию Макса и кивнул.

– Виктор, – сказал незнакомец и протянул ему руку. Они поприветствовали друг друга.

– Макс говорил мне о тебе, что ты из сомневающихся, так сказать, но все равно наш человек. Мое имя означает «победитель» – мне сама судьба, а точнее, родители, будто завещали бороться и побеждать, и это – моя цель. Я тебя познакомлю с кем надо, объясню при случае всё, только держись меня, вместе победим. – Они стояли в углу, говорили тихо, вряд ли их кто-то слышал. Но Паша все равно озирался по сторонам.

Паулюс собрал бумаги в кейс и отправился домой вместе со всей толпой галдящих на выходе работяг. Сняв сигнализацию и разувшись, он прошел в просторную гостиную, которая была завалена хламом. Бросив на стол ключи, залез в сейф и плюхнулся на диван – просторный и уютный – знаю-

щий, как помочь уставшему труженику.

Немного отдохнув и собравшись с мыслями, он взял ноутбук, открыл пустой документ и начал печатать. Он начал с некоторой базовой актуальной информации о фабрике – по результатам производства, количеству и качеству рабочих кадров, прежде чем углубиться в более конкретные детали, такие как производственные процессы и любые подозрительные действия, которые привлекли его внимание. Он также отмечал любые подслушанные им разговоры между рабочими или руководством, которые могли иметь отношение к расследованию.

Почувствовав, что было освещено все достаточно важное для включения в отчет, он тщательно вычитал его в последний раз, прежде чем отправить по защищенным каналам в штаб-квартиру. Паулюс убрал ноут в сейф, поужинал, налил в стакан виски, и, выпив немного, там же на своем любимом диване и уснул.

Интересное знакомство

Солнце заливает светом улицы, старается оживить пришедший в упадок городской быт; вся тяжесть, витающая в воздухе, окрашивается в теплые тона, и жизнь становится радостнее – ведь сегодня выходной, а это уже своего рода праздник.

Паша проснулся не от надоевшего громкого будильника, а от любопытных лучиков, заглядывающих в квартиру. Птицы щебетали за окном, и горячий чай казался вкуснее обычного. В планах на день была прогулка, поскольку Максим пригласил его собраться в парке с компанией их общих знакомых.

Тимирязевский парк скорее напоминал собой лес: здесь не было ровных дорожек и скамеек, это большая территория, щедро усыпанная деревьями, среди густых зарослей которого стелились тропинки, протоптанные горожанами.

У старых ржавых ворот Паша встретился с Максом, парой бывших коллег и с той самой Верой, которая недавно побывала у него в гостях в его старой родительской квартире. Все улыбались, здоровались, а Максим задавал настрой коллективу, постоянно генерируя шутки, рассказывая интересные истории и много смеясь.

Ну что? Какой план? – полюбопытствовал Паша.

План капкан! Гуляем, шутим и ведем беседы о том, о сем. Чего ты серьезный такой? – улыбнулся в ответ другу Максим.

Они гуляли по узеньким тропинкам, разбившись по парам, ведь ширины не хватило бы для всех, да и собеседники как-то невольно разделились по интересам. Наши парни шли вдвоем, попивая что-то из бутылки.

Максим:

– Ну давай, расскажи как там ваш заводик элитарный!

– Да, нормально... Мне все как и прежде – работаю. Ни с кем пока не познакомился. А, с другом твоим, Виктором, встретился мельком после работы, но мы с ним особо не разговаривали. Вообще, работа работой, хоть и трогаю такие предметы, которые вблизи даже не видел. Знаешь, как-то странно это... Я слышал от тебя всякое, но насколько же другой мир, видимо, у будущих обладателей этого добра. У нас даже отдельный ликеро-водочный цех есть, прикинь? Виски делают – что это вообще за штука такая? Ладно, давай не о работе? – растеряно и с улыбкой ответил Паша.

Максим с ответом не заставил себя долго ждать:

– Хорошо, брат, не будем, пусть мне и интересно, конечно, что там производят у вас для этих тварей. Давай о вещах более глобальных, насущных. Правда, наш глобус, планета – это же теперь то, что под куполом только, так же в гимне поют, хах!

Помниться, в давние времена доблестная пропаганда говорила о том, как плохо там за куполом, как они там погибаются, да и что вообще враги они и не стоит это забывать. Но вот зато теперь все как изменилось! Теперь говорят нам, что... Да ничего они не говорят. Нет теперь их, есть только мы, у нас – страна-планета, а про внешних стараются не упоминать. Сами-то, зато живут почти как эти самые внешние, мда... А вот ты, брат, знаешь, какова этимология слова купол, а? – он посмотрел на собеседника с вопрошающим видом. Паша отрицательно покачал головой, шел подстраиваясь под темп друга и смотрел себе под ноги, на пыль, шишки.

– «Сура» с латыни – «бочка». Помнишь, кто в такой жил? Философ Диоген. Ладно, он не в бочке на самом деле жил – их тогда не было – а в амфоре. Но суть не в этом, – парень торопливо махнул рукой, – философия его в аскетизме. Он учил, что для счастья человеку необходимы лишь самые простые вещи, а погоня за богатством и материальными ценностями превращает свободного в раба. И каждому желающему стать его учеником предлагалось испытание: встать в

центре Афин и начать просить милостыню.

И вот! Живем мы под куполом, пока мир и наше досточтимое руководство партии ведет нас в светлое будущее под лозунгами аскетизма. Нет роскоши! А, как? Глубоко... Но сами, конечно, придерживаются других философских течений, все к гедонизму ближе. А о стремлении к удовольствиям как стилю жизни размышляли философы Аристипп, Эпикур, многие другие. Вот, видимо, и их учителя. Неплохо устроено, ни правда ли? – иронично, с улыбкой сказал Макс.

– Откуда ты все это знаешь, книжки родителей?

– Черный рынок знаний, друг мой! Покупаю, друзья дают почитать, как еще в наше время веселое? Мы, кстати, пришли! – он указал рукой вперед.

Впереди на бревнах, раскинутых на поляне, сидели несколько ребят – один из них даже приволок с собой гитару. Макс сказал Паше не робеть, похлопал по плечу и устремился энергичным шагом к незнакомцам.

Двое парней обсуждали что-то очень интересное, да с таким увлеченным видом, что других и не замечали. Один высокий, худой, бледный парень в поношенной одежде, а другой низенький, сутулый да полненький, в черном худи и с засаленными волосами. Все начали здороваться, обниматься,

шумно заводит разговоры. Тощий парень поудобнее устроился на дереве и стал играть на гитаре, в то время как остальные стали доставать термосы и пакеты с едой.

Компания загудела, зашумела, и со стороны их беседы сливались в один поток звуков. Почти все нашли себе место на брёвнах, кто-то стоял. Паша оглядывался часто на темно-волосую прекрасную девушку Веру, иногда впрочем тупив взгляд в сторону и смущаясь. Все болтали о жизни и смеялись, рассказывая анекдоты. Из общего гула можно было уловить следующие слова:

«Почему сын диктатора получил повышение?»

Ответ: Это было в его генах!»

«Почему жадный диктатор перешел дорогу?»

Ответ: Чтобы добраться до другой стороны его денег!»

Смеяться над такими шутками было, кажется, неправильным, учитывая ситуацию, в которой оказался народ. Но, с другой стороны, без юмора, особенно в тяжелые времена, нельзя. Как говорил Эрнест Хемингуэй: «Если позволять себе шутить, люди не воспринимают тебя всерьёз. И эти самые люди не понимают, что есть многое, чего нельзя выдержать, если не шутить.»

Паша беседовал со старыми коллегами, слушал чужие истории. Макс, встав и посмотрев в заросли, приглушенно прикрикнул: «Шухер! Идут!». Все дернулись, как от разряда током, нервно стали осматриваться по сторонам и судорожно думать, куда теперь бежать. Вокруг – зелень лесного массива, поваленные деревья. Где-то белка пробежала. Тишина. Максим звонко засмеялся и поспешил всех успокоить:

– Пошутил!

«Ну и шуточки...», подумал Паша и покачал головой. Его друг начал говорить негромко и спокойно:

– Я просто хотел привлечь ваше внимание. Да и знаете, люблю же я поприкалываться? Жестко, согласен! Хотел поговорить. Мы все с вами объединены общими взглядами. Кто-то настроен радикально, а кто-то только влился в наши ряды. Паш, тебе стоит познакомиться с этими двумя молодыми гражданами! Прошу – Жора и Женя. Жорик, как и ты, скромный, поэтому общий язык найдете. О чем я поговорить-то хотел... идеология. – Максим сел на поваленное дерево так, чтобы другие могли его видеть. – Вы задумывались? Нет у нашего государства многострадального национальной идеи. Или, быть может, она заключается в отсутствии оной?

Невозможно и даже противопоказано иметь идеологию доминиону, коим мы и являемся. Представьте, позволила бы

Британская империя иметь свои личные взгляды какой-то вшивой колонии? Это же опасно. Вот и живем так: без планов на будущее, без целей духовных и экономических.

Мы как страна – ничто, можно ли вообще назвать нас государством? – Он взглянул на вздохнувших ребят. – А помните, с чего это все началось? Мы же все маленькие были – кто-то еще не родился из вас даже, а родители многие не болтали лишнего. Кто-то попросту не знал чего-то или не хотел знать, забыл, не знаю...

Почему вообще мы оказались все здесь? Не на полянке, укутанной солнцем, а внутри сферы, взаперти? Было время, когда молодую страну втянули в ряд вооруженных конфликтов. Даже внутри наших границ были вспышки восстаний на национальной почве, а власть вместо борьбы и принятия правильных решений погрязла в коррупции, в праздности.

Более того, произошел и раскол элит, и часть наших народных слуг радостно потакала иностранным силам – продались тем, кто красиво говорил, но жестоко поступал. Были и те, кто считали себя патриотами, но в угоду тщеславия совершали не самые правильные поступки на международной арене.

Страна доведена до бедности, всепоглощающей бесперспективной реальности. И «Крест» – организация, стремящаяся под красивыми лозунгами наделить часть населения мира большими правами и финансовыми возможностями, чем всю остальную массу, пошла на беспрецедентные меры.

Пока одни народы ополчились на другие, элиты делили общий пирог, а солдаты погибали на дальних рубежах. Наши оппоненты, достигнув невероятного технического развития, создали и водрузили этот купол, построив новую реальность. Я не знаю, что было там, за пределами нашего мыльного пузыря, так как связь оборвана.

Но, как я это вижу, власти не заметили у себя под носом беды или не хотели даже попытаться это сделать, потерялись в стихии новых возможностей, в новой конъюнктуре, ураганом кружащей здесь после развала СССР. А противник из-за бугра уловил момент и нанес удар, который вырубил агрессора и дал им безграничный поток бесплатных ресурсов. Прихлопнули двух комаров одним ударом. И ведь уверен – всему миру донесли это так, будто опасный игрок на мировой арене, вносящий хаос в наш мир, закрыт в кокон, а главное, что без жертв и войны, одним хитрым приемом. Да и к тому же, думаю, упомянули о том, какое воровство, невежество и злость царили тут внутри страны, надо же как-то оправдать санкции и изобразить их сравнительную гуманность.

Знают ли люди, миллиарды людей там о том, что происходит у нас тут? Вряд ли... Знают ли те, кто держит нас в этой отнюдь не золотой клетке о репрессиях и воровстве, о бедности, о лишениях? Конечно знают. Они высасывают ресурсы и товары, присылают сюда шпионов, технических экспертов и военных. И попустительствуют нашим чиновникам, пока те их ублажают. Мало того, что у нас забирают возможность

развиваться и пускать наши ресурсы на экономическое развитие родины, так еще и у нас тут внутри сидит кучка крокопийц, кто без зазрения совести забирает себе сверх того, что требуют аппетиты заграницы.

Этого быть не должно! – выступающий резко встал, его голос звучал звонко. – Поэтому есть я, есть вы, и да будем же бороться! Мы лишь малая часть повстанческого движения – народ. Есть партизаны, наши старшие братья, которые с оружием в руках готовы сражаться, кому мы с вами помогаем.

Есть центр, где-то далеко, в Сибири, они называются «Север». Мы не какая-то группа молодежи, в идеологическом коде которой произошел сбой, мы – часть огромной структуры с центральным штабом, с армией партизанского движения. Мы все – будущее страны! Ура! – на этом закончилась речь молодого революционера.

Слушатели хлопали. «Будто на съезде партии», – подметил кто-то из ребят. Максим сел на бревно и выпил. Ненадолго после такой бурной речи все примолкли, тихо кушали. Птицы пели, белки устраивали забеги по окружающим их деревьям. Звучала гитара. Скоро должно смеркаться и надо бы расходиться, чтобы успеть по домам до наступления комендантского часа и выхода на улицы силовиков, следящих за порядком на улицах, ведь загульвшие горожане могли оказаться диверсантами.

Их компания была не самой тихой, а этот парк все же не был лесом, подобно тем, в коих прячутся за городом партизаны и их могли бы услышать и обнаружить, но, как всегда в России, помогало правило, заключающееся в том, что строгость закона компенсируется необязательностью его исполнения. Милиция и спецслужбы не особо тщательно выполняли свои обязанности, безалаберность защищала людей, которые шли против системы.

Паша встретился в очередной раз взглядом с Верой. Она села рядом. Павел заерзал, и стеснение его было слишком явным. Девушка сделала первый шаг:

– Привет! Давно не виделись, – улыбнулась она, – ты чего-то не подходил, вот я и решила сама. Ты спрашивал мой телефон домашний в прошлую встречу, но не позвонил. Забыл или не хотел тревожить? Впрочем, я вижу твое смущение, но я не из робких, а противоположности, знаешь ли, сходятся, – подмигнула Вера.

Парень засмутился во сто крат сильнее, и только улыбка молодой особы смогла нейтрализовать подступающий от неловкости паралич. Он начал говорить тихонько и часто отводя взгляд:

– Ты извини, я, ну, позвонить хотел, но там же пьянка бы-

ла у нас, и я подумал... Что ты не очень хотела бы, чтобы я звонил... Да и я впервые номер у девушки прошу, я же... Я давно ни с кем не знакомился, а тут... Ты правда считаешь, что у нас может что-то получиться? – Паша заикался и так часто забывал слова, что девушка рассмеялась.

– Почему нет? Познакомимся поближе, а там посмотрим, – искренне улыбнулась Вера.

Они сидели в сторонке на краешке поваленного стихией дерева, и беседовали на фоне гаммы чужих голосов и песен под гитару, но их обуревала своя природная стихия. Любовь с первого взгляда – вопрос обсуждаемый, и кто-то верит в нее, а кто-то нет. Но это была она. Впрочем, не стоит топить с тем, чтобы называть влюбленность любовью. Им только предстоит узнать друг друга. И начало этому было положено.

Когда все решили расходиться, Паша жал каждому из ребят руку, и последним в очереди был тот низенький неприемный парень по имени Георгий. Он был застенчивым и не успел раскрыться как полноценная личность, но вызывал симпатию – просто говорил, много шутил и не выделялся, был похож на Павла. Единственное, что Жора успел рассказать от себя во всеуслышание – это его мнение о культуре:

– *Жизнь трудная, народу не хватает еды, воды, элек-*

трючества и других необходимых ресурсов, но несмотря на эту ужасную ситуацию, люди нашли способы справиться с обстоятельствами и сделать жизнь сносной для себя и своих семей. Приходится искать литературу на черном рынке, там же добывать необходимые для выживания и жизни вещи. Но народ находит утешение в искусстве; музыка стала способом свободно выражать себя, не опасаясь наказания. И мы используем искусство, как средство протеста против репрессивной среды, создаем песни, подчеркивающие несправедливость, совершенную против людей внутри стен тюрьмы России.

Толпа разходилась по петляющим тропинкам, молодые люди направлялись к двум разным выходам. Макс шел с воодушевлением от своих и чужих речей, с настроем бороться и объединять коллектив, а Паша – с улыбкой на лице и с мечтательным взглядом, направленным вверх к небесам. Иногда он спотыкался, но при это даже не ругался про себя, так как был всецело занят мыслями о любви к той, что разделила его жизнь на до и после. Веру посещали такие же мысли.

Кто-то двинулся в сторону автобуса, кто-то сел на велосипед, а парень с засаленными волосами в темном худи прошел километр пешком, огляделся и сел в черный тонированный в круг джип, который тут же тронулся, виляя по дорогам, игнорируя скоростные ограничения.

Фонари не работали, машин на дорогах почти не было – экономия была на всем, – и мегаполис больше был похож на деревню. Город засыпал, и тишина этой воскресной ночи окутала в себя каждую улочку, заботливо уложив спать трудовой народ столицы.

Мир за куполом

«Империей правит сила.»

Девиз, выгравированный на личной печати Военно-политический лидера Японии Ода Нобунага, 16 век.

Солнце садилось за холмы, отбрасывая золотой оттенок на бескрайние просторы сельской местности. Травянистые луга простирались на многие мили, усеянные овцами и коровами, лениво пасущимися на летнем ветру. Дул легкий ветерок, пробегая по пышным зеленым лезвиям. Вдалеке на горизонте виднелись темные участки леса, которые, казалось, тянулись вечно; деревья стояли, как часовые, наблюдая за всеми, кто проходил под ними.

Вдалеке на вершине холма возвышался средневековый величественный замок. Его древние стены были увиты плющом, а его башни пронзали тонкие белые облака, словно стремясь к самому небу. Это было впечатляющее зрелище, которое говорило о многовековой истории и величии.

На веранде, под каменными сводчатыми вековыми арками сидел барон. Грузный человек в халате, средних лет, с черной щетиной на лице. Было 12 часов дня, он пил чай,

любовался зелеными лугами и нежился под лучами солнца, которое было не частным гостем в этих краях. Резко небо сменило окрас и начался дождь. Стройная женщина вышла из замка и выкрикнула:

– Михаил, идем домой, простудишься!

Мужчина поворчал, поставил кружечку с чаем на стол, посмотрел по привычке уведомления на смартфоне, вздохнул еще раз и отправился в свои покои.

Многовековые стены этого величественного сооружения повидали множество войн, возможно даже здесь бились друг об друга рыцарские мечи. Сейчас везде царит покой, даже

праздность. Камеры и охранные системы сменили собой арбалетчиков в бойницах, а его владелец был бароном лишь по праву покупки замка. Когда-то здесь жили бароны, получающие в наследство эти земли и титул, а потом разорившийся род продал всю эту историю новому поколению людей, тех кто родился вдалеке от этих мест, но был способен приобрести все, что желал, а вместе с величественными сводами доставался им и титул.

Михаил обрел здесь новую родину, хоть и не получил признания и только преуменьшал свой капитал. Нельзя было назвать этого человека плохим управителем своих финансов, но его возможности были ограничены. Впрочем, он редко сетовал на жизнь, тут он был по крайней мере свободен. Или хотел так думать.

В былые годы он был вхож в высший свет, имел честь быть знакомым даже с членами королевской семьи, его бизнес, построенный на ввезенном капитале, развивался, но после 'судного дня', который устроили для России, все стало меняться.

Впрочем, внешних проявлений несчастной жизни, кажется, не было. Он жил здесь с семьей, пусть и не все смогли оказаться рядом, посещал гостиные местной элиты, пил хорошее вино, и любил путешествовать. И в иных обстоятельствах вряд ли бы он вернулся к себе на Родину, вряд ли его

бы там радушно приняли, но безусловно что-то и даже многое в сложившейся ситуации не давало ему покоя. Дети его уже подросли и покинули домашнюю обитель. Сыновья закончили учебное заведение, где в свое время учился Джон Толкин и Льюис Керролл.

В доме было обычно тихо, впрочем, порою сюда заваливалась шумная компания друзей и очередной пир старался переплюнуть те, что давали здесь века назад богатые сильные мира сего. Новый барон часто представлял картины, разворачивающиеся здесь пару веков назад.

Гости встречались фанфарами труб и приветствиями лакеев. Столы были уставлены множеством деликатесов, от жареных павлинов до сладостей, приготовленных из сахара и розовой воды. В воздухе витал аромат свежееиспеченного хлеба, а вокруг суетились слуги, неся подносы с дымящимися блюдами. Еды хватило на всех, даже показалось довольно странным. На столе виднелись ото всюду возвышающиеся горы сладостей, которые можно было описать только как «небесные». Кульминацией вечера стало то, что один отважный гость решил попытать счастья и взобраться на одну из этих гор сладкого наслаждения – ко всеобщему удовольствию!

Сейчас пиры были уже не те, что века тому назад, но

все равно кто-нибудь, напившись вина или виски, залезал на стол, без этого никуда. Былое величие спало, и осталось с прежних славных лет здесь только праздное веселье и гедонизм, он заполнял пустоты внутри этих людей. Замок стоит, верно, еще сотни лет, но останутся ли прежними владельцы еще предстоит разрешить судьбе.

Смеркалось, и поля вокруг холма, на котором водрузился замок, укрывались туманом после легкого дождя. Хозяин выпил и уже засыпал, а в несколько десятков миль отсюда проходило заседание людей, которым было не до сновидений.

Большая зала, вытянутый стол, за ним восседает около десяти людей, в хороших костюмах, с серьезными лицами, давно не примерявшими на себя улыбку. На стене был размещен огромный темно синий флаг, в середине которого, окаймленный белой окружностью, красный крест, напоминающий собой что-то из средневекового прошлого. Люстры ярко светили, массивные шторы закрывали огромные окна. На дубовом столе стояли пластиковые бутылки с минералкой, разложены были бумаги, ноутбуки.

Очень высокий, подтянутый человек, с гладко выбритым лицом и голубыми глазами, стоял чуть поодаль, у экрана проектора, и зачитывал свою речь:

«Я попрошу внимания, джентльмены, сегодня у нас несколько важных вопросов на повестке дня, я жду от вас развернутых мнений. Как мы видим на графике, экспорт снизился, особенно критичным для нас является поставка урана, алюминия и СПГ. Мы видим здесь две основных причины.

Первая заключается в безалаберности руководства страны, которое недостаточно тщательно выполняет свою работу, не заинтересовано в улучшении показателей. Медленно строятся заводы и новые хабы, производства не успевают в срок.

Вторая причина, это коррупция и кумовство, они заняты не тем, чем обязаны, забирают больше положенного, что приводит в том числе к недовольству населения, усилившееся расслоение вызывает больше апатии в рабочей среде и мы видим ухудшение показателей.

Переодически мы наблюдаем рост населения, фертильность остается на достаточно высоком уровне, на что влияет в том числе бедность, недостаток образования и скудность сферы услуг. Потребление внутри страны растет, посмотрите на график, составленный по материалам наших агентов.

Мое предложение заключается в смене руководства. Есть и другие варианты. Альтернативных пути два. Первый заключается в модернизации программы биоулучшения. Второй путь заключается в отправке на места наших представителей, что позволит получить актуальную информацию, оп-

тимизировать производство и распределение, а также внедрить наш проект IC – новую систему интеллектуальной защиты.

Так как большинство наших экспертов пока воздерживается от смещения господина Градова и тотальных перестановок, то я предлагаю сосредоточиться на последних, озвученных мною предложениях. Я закончил».

Люди в хороших костюмах внимательно слушали, записывали информацию, а после речи погрузились в раздумья и рассуждения.

Стоит сейчас дать объяснение некоторым терминам и рассказать, например, про *программу биолуциения РВЮ*. Это система снижения рождаемости и явление это не новое, и больше всего напрашивается аналогия с планом «Барбаросса», составленным в третьем рейхе по отношению к захваченным восточных землям. Целью плана являлось сокращение славянского населения как минимум на 30 миллионов. Немецкий идеолог Ветцель писал в своих мемуарах о необходимости принятия мер по ограничению рождаемости: агитация аборт, популяризация контрацепции, отказ от борьбы с детской смертностью. Рейхсминистром по делам восточных оккупированных территорий Альфред Розенберг, также планировал подорвать «биологические силы» славян путем организации голода и лишения выселенных на терри-

торию Сибири русских, украинцев и представителей других народов нормального медицинского обслуживания.

Так же невольно просится параллель сегодняшних событий с некоторыми другими аспектами немецких планов, касающихся новых территорий на востоке. Земли эти должны были послужить сырьевой и продовольственной базой Третьего Рейха, а их население станет дешевой рабочей силой. Поэтому Гитлер по возможности требовал частично сохранить здесь сельское хозяйство и промышленность, которые представляли большой интерес для германской военной экономики. Впрочем, надо не забывать, что высококвалифицированные кадры должны были прибывать из центральной Европы, а потребность во многих профессиях отпадала, необходимость в таком количестве ртов местного население отсутствовала. Примером тому служит план касательно Ингерманландии (Ленинградская область), где предполагалось снизить городское население с 3 миллионов до 200 тысяч человек. Те планы не воплотились в жизнь и справедливость восторжествовала. Но спустя десятилетия что-то все же реализовалось, хоть методы и были смягчены и видоизменены.

Возможно, вы задаетесь вопросом не волнуют ли этих людей в кабинете просторной залы с проектором и минералкой, то, на что они обрекают народ многомиллионной страны.

И тут хочется не домысливать, а опять же апеллировать к истории, ведь 80 лет назад планы по отношению к нам были еще более жестокими и огромное множество людей разрабатывало их и воплощало в жизнь. *Их не мучила совесть из-за уничтожения и порабощения славянского мирного населения, так как считалось, что эти действия необходимы для продвижения нацистской идеологии. Нацисты считали славян низшими в расовом отношении. Так же часть из них нужна была для роста экономики. В конечном итоге это рассматривалось как необходимое для защиты Германии от внешних угроз и обеспечения собственной безопасности. Таким образом, немецкие официальные лица считали эти действия необходимыми для достижения целей Гитлера и не чувствовали вины за них, поскольку считали, что в конечном итоге это было сделано на благо Германии.*

Наконец, шабаш был окончен и все его члены планировали разойтись. Было постановлено отправить их представителя Андриуса Петраускаса ближайшим составом под купол.

Почти все разошлись. В кабинете собралось лишь трое людей, имевших высший уровень доступ к информации организации. Даже среди высшего руководства присутствовало деление на два уровня и часть информации оставалась внутри самого закрытого круга. Генеральный секретарь, его заместитель и директор по вопросам России стояли в кабинете.

те, курили сигары и вели кулуарные обсуждения. Речь начал последний:

«Я хотел бы обсудить РВЮ-2. Программа биологического улучшения работает, есть результат, но этого недостаточно. Я считаю нам нужно повторить опыт 1999 года. Другой язык им не понятен. Необходим запуск нового проекта, и наши лаборатории разработали новейший продукт. Мы учли ошибки прошлого и сможем максимально тщательно спланировать масштаб, погрешность может идти всего на пару процентов, а главное – разработаны эффективные средства борьбы с последствиями. Я лично готов взять на себя ответственность за результат, если вы позволите начать внедрение.»

Все переглянулись. Генеральный секретарь выпустил с задумчивым видом густой клуб сигарного дыма, выдержал паузу и сказал коротко: «Пусть посол Мэтлок встретится с Градовым и передаст ему эту информацию на доступном языке. А вы подготовьте все, и принесите мне ваши расчеты к понедельнику. На этом всё, господа, я вынужден ехать. Хорошего вечера». Коллеги пожали друг другу руки и молча покинули кабинет. Часы на башне отбивали полночь.

Начинался будний летний день, солнце не выходило, соотвествуя местным традициям. Дул ветер, было довольно зябко. Андриус Петраускас, получивший накануне задание

от заместителя генерального секретаря, уже в аэропорту.

Андриус уверенно шагает по терминалу аэропорта, останавливаясь, чтобы полюбоваться своим отражением в окнах, проходя мимо. Его волосы идеально уложены, и он носит очки в тонкой оправе, придающие ему интеллектуальный вид. Этот сноб и эстет – высокий стройный мужчина лет пятидесяти. Он одет по последней моде, в сшитом на заказ костюме с белоснежной рубашкой и начищенными кожаными туфлями. На борту самолета он занимает свое место с чувством собственного достоинства, глядя свысока на других пассажиров. Когда на рейсе начинают предлагать напитки, он без раздумий заказывает дорогое шампанское. Он вежлив со стюардессами, но сохраняет вид превосходства на протяжении всего путешествия. Пока они летят сквозь облака, он задумчиво смотрит в окно, словно глубоко задумавшись о чем-то важном.

После короткого, но утомительного для него перелета, он поедет на военную базу Vögu-1, с которой в 17:00 отправляется поезд в страну 404.

Град

В теплый летний московский день шумно ворвался град. Он безжалостно колотил по крышам и без того измученных старых автомобилей, которые спали во дворах. Паша смотрел в окно и качал головой недовольно, будто рассчитывая, что непогода засмущается и отступит. Но реакции не последовало, и потому он взял зонт и отправился на работу.

Общественный транспорт по этому маршруту не ходил, рабочие специально были поселены рядом с предприятием – все для оптимизации расходов. Парень шел с недовольным не без причины видом в сторону огромного дымящего города внутри города. Только это был не Ватикан, а серый, мрачный, невероятных масштабов промышленный кластер, который застилал собой пространство, где раньше стояли здания дорогих гостиниц, торгового центра и целая грибница дореволюционной красивой жилой застройки. Все это кануло в лету.

Он стоял на пешеходном переходе в окружении таких же бедолаг с зонтиками, чаще всего очень древними и уже ржавыми. Рядом с ним несколько человек кашляли, причем достаточно угрожающе звучал этот кашель.

На противоположной стороне улицы стоит веселый паренёк в бежевой куртке. Вдруг к нему подбежали вооруженные люди в форме, одетые в черные балаклавы, шлемы. Они нанесли ему удар в затылок, схватили обмякшее тело и понесли энергичными шагами в сторону тонированного автобуса.

Эта картина должна была бы напугать людей, но чело-

век такое существо, которое ко всему привыкает. И максимум реакций, которые может получить этот бедный парень от безликой толпы зевак, – лишь любопытный провожающий взгляд. Паша, который недавно влился в ряды повстанцев, хоть и на статусе пока лишь внемлющего, испытывал больше эмоций, чем другие. Знал, что он теперь из тех, кто должен бороться с этим, его сердце стучало о ребра, кулаки сжались до посинения костяшек. Но тут его толкнули – это толпа двинулась по пешеходному переходу, ведь светофор окрасился в зеленый.

Машина с парнем в бежевой куртке умчалась, не оставив и следа, и Паша был уже на другой улице. Мимо снова прошел кашляющий человек, который, кажется, даже не думал о том, чтобы прикрыть рукой свою пасть, он выплевывал болезнь вперед себя на всех, уподобляясь лающей собаке.

День на заводе не предрекал ничего интересного: нужно выполнить план, отчитаться... Быть может, состоится разговор с молодым борцом с несправедливостью, который вводил потихоньку Павла в курс дел.

Подполье на заводе занималось вещами крайне опасными для их жизни – поставляли оружие, медикаменты и другие труднодоступные предметы с производства партизанскому движению. А Максим, сначала казавшийся весельчаком, ко-

торый лишь занимается болтологией, служил связным между народом – так называли низшую из трех ступеней в иерархии повстанческого движения, в котором выше находились партизанские ячейки и командный штаб, – и теми людьми, которые воплощали силовым путем и подкупом планы подполья в жизнь.

Но главная мысль, не покидающая сознание, которая могла скрасить эти трудовые будни, состояла в том, что вечером у него запланировано свидание с Верой. Они общались уже достаточно давно, поэтому их свидания были уже не такие робкие, как прежде. Их можно было уже с уверенностью называть парой.

В то же самое время в Городе-1, что окружен от мира своей стеной и своей реальностью, непогоды не было. Нет, это не магия и не заслуга Манчилова или Градова младшего. Просто циклон обошел их стороной. И слава Богу! Ведь если бы розы побил градом, то Манчилов пришел бы в истинное негодование. Улочки были все так же убраны, цветы благоухали и все преисполнено благолепием.

У пруда в шикарном ландшафтном парке прямо на траве сидел Жорик Вагончик, эффективный управленец этого маленького рая на земле. К нему подкрался сзади невысокий черноволосый мужчина и указательным пальцем ткнул рез-

ко в бок. Последовал гогот. Жора дернулся и испуганно, а потом обиженно осмотрел напавшего.

Это был Ноздрин Павел Павлович, советник президента и заместитель министра национальной безопасности. Тридцатипятилетний, с густой шевелюрой и усами, с румяными щеками. Был он гулякой, каких свет не видывал, и, по мнению Жоры, человеком дрянным, всегда пьющим, врущим и распускающим слухи. В общем говоря, связываться с ним не стоило.

Ноздрин с широкой ухмылкой на лице стал фамильярно шутить, подшучивая над внешностью мэра. Он всегда был готов рассказать сплетни или пошлый анекдот, часто сопровождаемый сердечным смехом. Несмотря на свою репутацию неисправимого гуляки, Ноздрин справлялся со своей работой на удивление эффективно, по крайней мере устраивал начальника.

Однако по ночам его часто можно было найти в одном из местных баров за игрой в карты или выпивкой с друзьями. Его громкий смех эхом разносился по улицам городка, когда он, спотыкаясь, возвращался домой после долгой ночи веселья. Его начальство часто раздражалось всеми его выходками, но они не могли отрицать, насколько полезно было иметь его рядом в трудные времена, поскольку ему всегда

удавалось поднять настроение шутками.

Павел Павлович начал очередную свою историю:

– Вагончик, вот ты тут на природе прохлаждаешься, а я – знаешь, что?! Не знаешь! Еду по городу, сам за рулем – ты знаешь, что я водителей не терплю. Какой русский не любит быстрой езды? Я сам люблю порулить! И вижу через дорогу идет посол Мэтлок. Останавливает он мою машину, рукой машет. Заглядывает ко мне и говорит: «Павел Павлович, рад встрече, как же хорошо, что вы есть!». Так и говорит, веришь? Ну! Похвалил меня, справляюсь со службой, говорит, только вот займи денег, говорит. Ну, я не дурак отказать. Сказал: «Ждите, будет!». Слышишь, Жор, займи сто тыщ? Сам понимаешь, дело важное, а у меня все деньги в обороте... Да и людям я, знаешь же, помогаю всем, кто просит – малоимущим, этим вот всем. А?!

Жора брови приподнял от удивления способностью этого человека врать не краснея. Впрочем, щеки были всегда у него румяны от пьянства и горячности, и даже если бы тот покраснел, то вряд ли было бы это заметно. Молодой мэр заявил:

«Да у самого лишнего нет! Ты ли не знаешь, отец меня не сильно балует. Я службу несую, жалование получаю, на жизнь трачу. Ну от...»

Ноздрин вклинился в речь, сделав недовольную гримасу, и заявил:

– Ну ты жук, ну даешь! Знаю я все! Не веришь мне? Тебе свидетели нужны? Или зажал? Ну есть у тебя, есть! – и он стал за плечо трясти собеседника, будто желая вытрясти из него монетки, как из копилки. Такое панибратство не понравилось Георгию, и он отпихнул руку, сказав: «Хватит! Право, невозможно с тобой нормально говорить. У меня работа! Я ухожу.».

Советник Его Величества Президента окликнул:

«Стоять! Ладно! Баста! Есть идея. По работе твоей... Флаг!»

– Что флаг? Какой флаг? – спросил Гоша.

Ответ был громкий на эмоциях:

– Ну ты, право, даешь! По твоей же части, мэр ты или собака какая? Городу нашему нужен флаг. Ну или герб, или и то, и другое. Мы тут живем, а знака нет, гимна нет. Ты чем вообще занят, брат? – Георгий посмотрел на собеседника как на идиота.

– Мы что, страна, по-твоему? Как Ватикан? Мы в России живем, в Городе-1. К какому лешему нам гимн? Иди к отцу работай, хватит. – Георгий повернулся и стал уходить по

тропинке.

Пашка опешил и крикнул вслед: «Гад ты, а не человек! Скотина этакая! Я к тебе пришел, как брат твой, помочь предложил человеку! Да и идеи тебе даю, ты...».

Жора ушел, игнорируя слова, отдаляясь от их источника, и пошел в свое скромное здание мэрии. Это, безусловно, был такой же красивый особняк, как и другие в этом островке жизни, увитый плющом, с колоннами. Но была мэрия меньше, чем все соседние дворцы жителей. Для местных это, скорее, конура была. Убранство внутреннее очень скромное, можно сказать, аскетичное.

Город был щедро усыпан буйной зеленью, парками. В целом жизнь внутри городка была неравной, но все же даже для обслуживающего персонала она была намного лучше, чем то, что большинство людей выносило за ее воротами; вот почему так много предпочли остаться лояльными, несмотря на любое жестокое обращение, с которым они могли время от времени сталкиваться со стороны тех, кто находится выше по социальной лестнице.

Мэр хотел найти покой в своем кабинете, отдохнуть и начать работу, но ему этого не дал сделать стук в дверь, который разнесся эхом по коридорам. Пришел к нему не абы кто,

а министр финансов России – Клим Александрович Плюшин. Пожилой, сгорбленный седой человек, в порванном месте костюмчике не первой свежести, в старых очках с позолотой и следами усталости на лице. Жора встал.

– Садись, Георгий. Я по делу. Министерство наше сейчас не в лучшем положении. Финансов не хватает, впрочем, как и всегда... Бюджеты трещат по швам. А я, ты знаешь, делаю свою работу исправно. – Плюшин внимательно осмотрел комнату на предмет лишних вещей. – Сам гол как сокол, пешком сюда пришел. Водитель денег хочет! Берегу каждую копейку одну к одной во благо страны, а тут у вас? Что такое? Слышал, фонари уличные у вас по ночам горят, бензин жрете, как не в себя...

Я понимаю, папа твой, Алексей, имеет право еще что-то да прибрать, но сколько вас, дармоедов, развелось. Что ни теща чья-то, что ни племянник – так сразу кабинет ему, машину, дом. Не много ли? А вы такие не одни. Город-6 вот под Сочи тоже краев не видит. Корабли чуть ли не строят парусные на потоке. И все себе! А как я отчитываться буду? Приедет ко мне Мэтлок – я уже не знаю как в глаза смотреть. Сам я машину свою продал, все продал, а вы! Дармоеды... Учти, смотри мне, я следить буду за вами. И что рот открыть пытаешься, не надо мне твоих оправданий!

Клим Александрович закончил свою речь, щелкнул выключателем, погасив весь свет, и ушел, недовольно качая головой и кряхтя что-то. Жора стоял, опешив от этого урагана,

ворвавшегося к нему. Затем сел, ухмыльнулся, начал перебирать бумаги.

За окном проезжал автомобиль. Единственный в своем экземпляре лимузин, бронированный, как танк. Внутри играла музыка: «Replay» в исполнении афроамериканского исполнителя Iyaz. Алексей Градов смотрел в окно и покачивал головой в такт музыке.

Он был одним из немногих, кто имел доступ к современной зарубежной музыке, а самое главное – ничего не тревожило его вестернизированное, или просто беззаботное, сознание, пока он ехал мимо развалившихся поселков, мимо бредущих понуро по тротуарам людей. Наконец, он увидел кремль, пришел в свой роскошный кабинет. Его секретарь доложил, что с визитом к президенту направляется посол.

– Ну какого черта? Так хорошо день начинался... – сказал Градов.

Дж. Мэтлок незаметно вошел в кабинет, но потом щелкнул каблуками, обозначая свое присутствие:

– Алексей, до сих пор не привыкли, что мне не нужно предупреждать о своем визите? Садитесь. Знаете, как все же хорошо, что Вы тогда пришли к власти... Ведь были среди оппонентов и более упрямые товарищи – с ними бы не поладили. Я ценю Вас, но всему есть предел. – иностранец быст-

ро перешел к делу, – показатели поставок упали, особенно критическая ситуация с газом и электричеством, что вы производите для Ваших соседей. Есть и другие вопросы. Ваш ближний круг потерял контроль. Слишком мало работают и слишком много забирают. Мое руководство недовольно, а самое страшное, что они готовы на меры и хотят повторить 1999 год. Думаю, не стоит напоминать о...

– Ты, как смеешь?! Погибла и моя родня! Ради вас я построил эту систему, я выстроил лояльность масс и элит, чтобы вы забирали то, что принадлежит мне... народу. 20 миллионов человек ушло из жизни, это не волнует тебя или твоих дружков? Ни капли не гложет? – резко прервал президент.

– Давай не будем переходить на личное, что там меня волнует – мое дело. Не я принимаю такие решения! Ты знаешь. Поступило распоряжение донести тебе, что если все требования не будут выполнены – будет запущено РВЮ-2. Если думаешь, что это шутки, то скажу тебе одно – предупредительный выстрел уже сделан. Пока мы стоим здесь, в уютном кабинете, в окружение этих картин и лепнины, там на улице уже кашляют люди. Выйди как-нибудь к народу, посмотри, если не боишься, – усмехнулся посол. – Не переживай, это не летальный штамм, все под контролем, но видит Бог... Мы не хотим жертв, и следующий шаг моего правительства будет зависеть от твоих действий.

Градов хотел было его перебить, но Мэтлок махнул рукой, будто рядом была назойливая муха.

– Рот закрой, я договорю сначала. Есть еще несколько вопросов, кроме проблем с производством и возросшим недовольством в обществе. Последнее вылилось в то, что партизанское движение наносит ущерб нашей инфраструктуре, заводам, в конце концов, этот ваш сброд атаковал экспортную базу «Кавказ». Атака отражена, но погибли наши военные, поставки временно остановились – кто за это будет отвечать?

Во-вторых, твое окружение должно взяться за ум. Они менеджеры, так пусть выполняют свою работу, а то складывается ощущение, что они инвесторы, занимающиеся вкладами в недвижимость и брюхо, а не управленцы, поставленные для развития отраслей.

И пока ты не начал говорить, я скажу главное. Вакцина есть, эффективность доказана, и мне лично ничего не угрожает, как и всем нашим людям. Если ты улучшишь показатели и раздавишь партизанское движение – проект не будет запущен. Если ты очень постараться для этого, но результат будет неощутим – мы запустим РВЮ-2, а вакцину получишь только ты и те, кто встал на верный путь и сделал всё для исправления ситуации. Отныне контроль будет более тщательным, а все указания изложены в документах в этой папке.

И еще, запомни... Я был тут еще при Горбачеве, я здесь

и сейчас. А ты? Незаменимых нет, как якобы говорил ваш вождь. Настроения обсуждать что-либо у меня нет, вечером планирую в бассейн. А риведерчи.

Он закончил речь, приложил палец к губам, показав, что рот открывать не требуется, кинул папку на стол и ушел с легкой походкой.

– Тварь, – процедил сквозь зубы Градов, будучи в злобе, но не желая быть услышанным и нарваться на неприятности. Он сел за стол и закурил, чувствуя себя униженным. Каждый день он ощущал себя королем мира, все ползали в его ногах, а тут его мир треснул в очередной раз, напомнив, что роль его второстепенна. Он не могущественный президент суверенной страны, а лишь марионетка, которой помыкают безнаказанно внешние силы. Организация "CROSS" поставила на нем крест.

В Россию едут гости

Андриус вышел из вагона – конечная остановка. Псковская область. Он шел по базе, катил за собой чемодан, жевал жвачку и с надменным видом озирался. Вокруг сновали военные с шевронами Креста, не забывая отдавать честь, ходили люди в штатском, жизнь кипела.

Экспортный центр «Псков» был перевалочным пунктом

для грузов. Сюда прибывали по подземным тоннелям поезда из других населенных пунктов, находящихся в окрестности. Тут осуществлялась сортировка товаров и их учет, здесь же находился и научно-исследовательский центр. Есть больница, магазины, кафе... Целый мирок, который окружали надежные стены, минные поля, а в воздухе можно было заметить дроны. Многие километры лесов отделяли их от обитаемого мира.

Агент встретился с директором базы, полковником Майлзом. Андриус проверил отчетность, забрал с собой несколько копий, прошел с экскурсией по всем важным отделам и осмотрел составы. Параллельно с этим вел учет в своем блокноте, не показывая эмоций и только кивал. Тут же он был вынужден переночевать.

На следующий день иностранец отправился в Москву и первым делом решил посетить посла Мэтлока. Он приехал к посольству, бесцеремонно показал охраннику свое удостоверение и молча ждал.

Его пригласили в кабинет, где, осмотревшись, молодой человек уселся в кресло, поправил свое зализанные назад волосы и, взглянув на посла, вставшего перед ним, начал свою речь:

– Джон, садитесь. Устал с дороги, но давайте обсудим все

вопросы и разойдемся по своим делам. Вы знаете кто я, я знаю все о Вас. Как, кстати, Ваша новая книга? Успешно продвигается?

– Да-да! Спасибо. Я приятно польщен, что Вы в курсе о моей скромной писательской деятельности... Я сегодня был у Градова, все сообщил, все, что мне говорили. Он, думаю, понял ситуацию. Надеюсь, начальство будет удовлетворено!

– Да, знаю, мне уже отчитались о Вашем визите. А прямо сейчас Градов едет в машине домой. Я получаю всю информацию с мест, Джон. Хочу обсудить несколько вопросов.

Во-первых, как Ваши связи с «Сибирью», все под контролем? Мы в последнее время получаем мало информации оттуда... Меня интересует в особенности их мнение по колонии №22 и испытательном полигоне «Сибирь», нас волнует безопасность этой территории, так как партизанское сопротивление в тех лесах не дает покоя моему руководству – глядишь, устроят очередной прорыв.

Я вынужден направить туда своего человека, предупредите ведомства. Далее, я обязан провести инспекцию предприятий, крупных городов по стране, мне и моим людям нужны будут все бумаги, пропуска, легенды. Все это лежит на Вас и ваших людях в министерствах. Начинаем мы послезавтра, поэтому у Вас есть один день на решение задач. Все доступно объяснил? Могу откланяться?

– Д-да, конечно! Все исполним в лучшем виде! Можете не сомневаться, – занервничал посол, фильтруя информацию.

Андриус Петраускас встал с кресла, пожал руку собеседнику и зашагал своими большими шагами по коврам в сторону выхода, попутно смотря на себя в попадающиеся зеркала и приглаживая волосы. Смеркалось. Когда он в халате и увлажняющей маске на лице лег на кровать в выделенной ему посольством квартире, сон резко и крепко закрыл его очи.

Утро было приятным, кровать мягкой, чай вкусным. Андриус долго причесывался и одевался. Наконец, он был готов. Его ожидала важная встреча: раздался звонок в дверь. Андре открыл засов и впустил гостя.

– Здравствуйте, Паулюс. Пройдемте, – указал протянутой рукой на просторную комнату.

Они оба сели в коричневые кожаные кресла в гостиной. Андриус достал сигариллы. Спичка чиркнула, пламя, едкий дым стало заполнять все вокруг. Паулюс был похож на противоположность своего начальника: полноватый и неповоротливый, слегка взъерошенный.

– Я прибыл только позавчера, но уже успел встретиться с послом Мэтлоком, – начал Андре, – документы, я думаю, уже готовы, скоро нам их принесут. Вы исправно выполняете свой долг, насколько я знаю... И сейчас для Вас есть новое задание: Вы едете в Сибирь. У Вас есть три дня для того, чтобы закончить отчеты, сдать все Мэтлоку и отбыть в Новосибирск. Возьмите Ваш новый защищенный планшет, ознакомьтесь с заданиями. Контакты для связи со мной там тоже указаны. Там Вы будете подотчетны мне и только мне, посол не должен получить эту информацию. Мне приказано контролировать Вас и других агентов лично. Хотите сигару?

Собеседник положительно кивнул. Он читал отчет, курил. Комната наполнилась дымом, в квартире тихо. Не только квартира, но все здание принадлежало посольству – охраняемая территория, все свои.

Стоит немного рассказать о героях. Паулюс родился в Латвии и был одним из многих граждан, знающих русский язык, поэтому его завербовали в свое время на службу, которую он верно нес.

Андриус был его противоположностью по характеру: опрятен и педантичен, шел по карьерной лестнице начиная с окончания вуза, пошел на военную службу, работал в «Кресте» на низших должностях и, доказав свою предан-

ность, стал впоследствии заместителем директора по вопросам России.

Они оба знали русский, имели представление о русской культуре, при этом придерживались, скорее, русофобских взглядов. Напрашивается параллель с Альфредом Розенбергом, родившимся в конце XIX века в Таллине, в Российской Империи, получившем образование в Москве, в Университете имени Баумана, а затем перебравшимся в Германию и ставшим одним из главных идеологов нацизма. Позже он рвался в управление Рейхскомиссариатом Украина. Он же упоминался выше, когда речь шла о подрыве биологической силы славян.

Паулюс покинул квартиру, положив планшет в свой несгораемый, бронированный, но с виду неприметный кейс. Петраускас затушил сигару в граненую стеклянную пепельницу, выдохнул, поправил волосы и стал свой распорядок дел. Ему предстояло осмотреть несколько важных предприятий в Москве, встретиться для выдачи поручений еще с несколькими агентами и покинуть город, чтобы просмотреть заводы и города в европейской части России.

В это же время в Городе-1 все было спокойно. Птички здесь даже, казалось, пели краше. Машины рассекали по улицам, гуляла молодежь, все были заняты важными делами

– прожиганием жизни.

Манчилов шел, переваливаясь с ноги на ногу, поправлял бабочку на своей шее, потел – он был крайне взволнован. Вошел в здание яхт-клуба и, еще не начав речь, поднял указательный палец вверх, готовясь к обращению и обозначая свое присутствие. Здесь, за игрой в бильярд, можно было увидеть и Ноздрина, и многих других важных граждан. Отдышавшись, Манчилов начал нервно говорить: «Господа! Господа! Я принес пренеприятнейшие известия! К нам едет ревизор!». Кто-то был шокирован. Но были и те, кто посмеялись – тот же Ноздрин, например. Манчилов вскрикнул, взвизгивая при этом: «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!».

Просторная гостиная, где горел камин, была заполнена людьми. Неудивительно, ведь тут были и бар, и столы для игры в карты, и зона отдыха с диванами и видом на реку. За окном стояли речные яхты местного населения. Из-за барной стойки вышел генерал Держиморда, здоровенный, упитанный мужчина. Он гулким басом распорядился:

– Горожане! Советую вам не шутить! Спрячьте от греха подальше хотя бы ваши машины и лодки, да наденьте часы поскромнее, есть у вас? Ситуация серьезная! Не дай Бог увидит враг, что у кого излишек, да денежку попросит в свой карман положить, а то и вовсе доложит своим обо всем. Не

пойдет!

– Все спрятать? – взвизгнул Собакевин, – да я только машину заказал, мне ее что, в Москве держать среди этих жадных воришек?! Да и вот, к примеру, из Омска мне должны копеечку занести на днях, есть там прожект. И что мне теперь? Борзыми щенками брать, а?!

– А почему бы, собственно, и нет? И вообще! Все это впервой, что ли? – усмехнулся Ноздрин. – Были уже, братцы, и проверки, и золотые слитки в табакерке! Справимся, ну?

– Так ведь не простая это комиссия! Говорят, прибыл из-за моря, из самого штаба их чуть ли не главный! Да вы ведомства свои в порядок приведите, а то взглянуть порою стыдно. Вот ты, Павел! – обратился Манчилов. Он перевел взгляд на Ноздрину, который тут же стал отвечать, пальцем яростно тыкая себя в грудь:

– Я? А что я? Что я сразу! У меня порядок! И в голове, и на рабочем месте! На себя посмотри, жулье!

– Да ну что ты, брат... У тебя в офисе в министерстве из работников почти одни только девки молодые сидят! Красивые, да глупые. Понабирал с улицы. Так они и работать-то умеют только в поле! Знаю я тебя, – низким голосом ответил

ему Держиморда.

– Чья бы корова мычала! – гаркнуло ему в ответ сразу несколько человек в зале.

Началась перебранка между этими светочами общества. Были тут и другие не менее уважаемые люди, например, Корешок Гиппократ Геннадьевич, который исправно нес службу министром здравоохранения. Он был из потомственной семьи врачей, и родители, кажется, с детства определили судьбу его, дав ему такое имя. Врачом он, правда, оказался никудышным, зато умел хорошо говорить, умел найти подход к нужным людям. Потихоньку по карьерной лестнице дошагал да самых верхов.

Его министерство было под стать другим, и считал он себя не хуже прочих. В больницах бывали лекарства, правда, в регионах было посложнее. Иногда даже проводились ремонтные работы.

Жена министра, будучи моложе на 20 лет, была умна не по годам, ведь возглавляла целое предприятие, занятое производством всего того, что требовала медицина. По счастливому стечению обстоятельств она занимала важный пост в министерстве строительства. Работали они рука об руку, жили в сказочного вида домике в альпийском стиле, что распола-

гался недалеко от городского парка. Было тут и многих других чинов, но описывать каждого не хватит никакой бумаги.

Манчилов устал от этих дразг, махнул рукой и покинул их: ему надо было посетить и другие дома, разнести весть уважаемым согражданам. Шагая по брусчатому тротуару мимо прекрасных кустов роз и пышных зеленых изгородей, он безуданно отмахивался от пчел и вытирал платочком пот со лба. Тот валил градом. Повстречалась ему по пути Любовь Сладкова.

– Любовь Леонидовна, здравствуйте! Вы слышали? Слышали?! – мгновенно защебетал потный джентльмен.

– Здравствуйте, мой голубчик. Что слышала? Распродажки?

– О чем вы! Ревизор приедет в столицу, а затем непосредственно к нам прямо сюда. Всех проверят! Вы готовы?

– Вот напасть! Ой-ой-ой! Но у меня в ведомстве царит порядок, все благоухает. – Приложила к алым щекам ладони женщина и вздохнула. – Впрочем, съезжу, проверю всё. Спасибо Вам сердечное, дорогой мой, за информацию.

– Пожалуйста-пожалуйста! Пойду я, пойду. Всего вам...

Берегитесь!

Откланявшись, неуклюжие шажки понесли его куда-то вдаль, и фигура скрылась из виду. Любовь Леонидовна покачала головой, поцокала языком, но тут же отвлеклась на важное событие. Мимо пролетела красная бабочка.

Андриус же и его подчиненные и вправду планировали посетить их городок, но эта задача была далеко не в начале списка. Намного значимее было проинспектировать агрохолдинги Кубани, промышленные кластеры под Санкт-Петербургом, Москвой и Казанью и другие центры производства, а также эффективность труда в мегаполисах. Так что городок, находящийся под попечительством Градова младшего, мог, казалось бы, пока что спать и кушать спокойно. Но они не могли. Многие даже взялись за работу. Кто-то мчался в Кремль, кто-то пил с мыслью о том, что все пропало.

Сибирь

Паулюс восседал в купе поезда на коричневой протертой койке. За окном блестело ярко солнце, мелькали поселки и поля, по которым кружила сельскохозяйственная техника. Наконец принесли горячий чай с лимоном. Теперь будет еще приятнее наблюдать за пейзажем. А впереди еще долгая дорога. Книга скрасит время.

Наконец, пройдя пограничный контроль, они добрались до сибирских просторов. Это обширнейшая и красивая земля с бесконечными холмами, лесами и горами. Солнце блестит на кристально голубых водах Байкала, самого большого в мире пресноводного озера. А где-то там далеко ходят снежные барсы и песцы.

Состав прибыл в Новосибирск поздним вечером. Агент впервые оказался в Сибири и ожидал, что будет холодно даже сейчас, летом. Но погода приятно его порадовала. Он даже приподнял брови в удивлении, когда вышел на улицу со своим маленьким чемоданом. Люди сновали по станции взад и вперед, где-то гудел недовольно поезд. Дул легкий теплый ветерок. Свежо.

Паулюс, наконец, зашел в квартиру, ключи от которой были выданы ему связным у подъезда. Маленькая, в хрущевке, не в сравнение той роскошной и просторной жилплощади, где он проживал в Москве. У кровати стояла старая лампа с тканевым и запыленным абажуром – зажег ее, не желая слепить себя ярким светом потолочной люстры.

Пройдя на кухню, он обнаружил в холодильнике еду, заблаговременно там для него оставленную, нашел так же хорошие чай и кофе, которые купить простому человеку нельзя было в закрытой стране. Он обрадовался такому сюрпризу от местного руководства, несмотря на то что по протоколу так и должно быть, но, как и с погодой, он ожидал худшего. Попив чай, плюхнулся на кровать, дочитал последнюю главу книги и мгновенно уснул с включенным теплым светом, текущим из старинного бра. А за окном царила тишина, и в небе не было заметно звезд, ведь огни города не позволяли увидеть их.

Кто-то, видимо, сильно обиженный придумал в свое время фразу: «утро добрым не бывает». И это разошлось в народе, хотя и больше как шутка. Бывает утро добрым. Вот, например у агента Паулюса, вставшего с кровати, потянувшегося и отправившегося на кухню пить свежесваренный кофе, кушать теплую еду и смотреть на обновлённый вид.

Сосны во дворе старого жилого фонда были золотистыми от лучей солнца, хотелось поскорее открыть окно, чтобы услышать птиц и запустить в помещение свежий прохладный воздух. Он здесь был намного более чистым, чем в Москве. Не дымили. Сегодня важная встреча, должен прийти представитель президента Евгения Шишкина.

В 10:00 Паулюс подошел к двери, прислушался и открыл ее. Через 12 секунд к дверному проему подошел человек в черной кофте с натянутым капюшоном так, чтобы лицо его было едва видно. Они зашли в квартиру, закрылись на два замка, и только после этого начался их разговор.

– Здравствуйте! Вы пришли вовремя, как мне начальство и докладывало по времени. Пунктуальность – это хорошо... Проходите, – начал разговор агент.

Александр Вениаминович Поваренок – один из советников президента Сибири, его доверенное лицо. Мужчина средних лет, приземистый, с лохматой светлой шевелюрой, в спортивном костюме. Он крепко пожал руку агента и прошел в маленькую, старенькую, но при этом уютную комнату. Сев за стол, оба поспешили достать бумаги. Электронный планшет Паулюс не показывал – этот девайс был защищён лучшим софтом, но при этом важность информации на нем и даже сам факт существования такого девайса должен был

быть скрыт от посторонних глаз.

Александр начал:

– Ну-с, давайте-ка приступим. Пройдемся по плану... Мне сообщили, что Вы должны посетить девять промышленных объектов, базу «Бийск В-01», ООТ «Бийск», то есть, особо охраняемая тюрьма, а так же экспортный центр «Иркутск» и военные полигоны... Кажется, все. Вот тут лежат пропуска, документы, маршруты, все как обычно.

Петраускус взял кейс с документами, полистал их и сказал сухо:

– Вопросов нет. Желаю хорошего дня.

– И Вам! Советую вечером по городу нашему прогуляться, у нас тут хорошо. И обязательно нужно отведать пельмени и варенье из шишек, моя личная рекомендация, – улыбка распостерлась по лицу Поваренка. Он встал, пожал руку собеседнику и, оглянув комнату с любопытствующим видом, направился к выходу.

Агент присланный из Москвы вскоре вышел из дома – сегодня единственный свободный день и можно пройтись, осмотреться. На улицах было немногочисленно, но машины и автобусы сновали взад и вперед. Жизнь бурлила и сильно отличалась от быта в европейской части России.

Причин было несколько, и обо всем этом позже стоит упомянуть, но основная причина столь большой активности транспорта в близости нефтяных месторождений. Экспорт во внешний мир тоже шел, но излишков оставалось гораздо больше, впрочем, это была не щедрость иностранцев, а результаты действий местного населения и правительства Шишкина. Немаловажно, что здесь намного больше предприятий, производящих товары, для внутреннего рынка.

Паулюс не испытывал сильной ненависти ко всем жителям России, но его, как и других людей из внешнего мира, готовили: в СМИ были сфальсифицированы многие факты, дабы очернить страну и всё внутри нее. Что-то было правдой, конечно, хоть и приукрашенной. Пропаганда долгое время обрабатывала население, и казалось, почти каждый там уже был уверен, что купол – это справедливая мера, раз уж такой противник был туда помещен. Агенты понимали, что эта страна опасна, что они несут свой долг во благо мира во всем мире и для своей Родины, в частности, и не испытывали сильных чувств жалости к этому народу. К тому же это были люди проверенные, как и всегда в разведке. В их рядах были только граждане из стран-членов CROSS.

Агент гулял по Красному проспекту, любовался архитектурой и изумрудной зеленью деревьев, а потом зашел поку-

шать пельмени в ресторанчик и был крайне доволен. Затем, когда дело уже шло к вечеру, ноги завели его в микрорайон, подобных которому он не встречал. Он полностью состоял из двух-этажных бараков 40-х годов прошлого века. Почерневшие, покосившиеся от времени дома, которые предназначались для временного жилья и были рассчитаны на 20-30 лет, но до сих в них живут люди. Во дворах виднелись уличные туалеты, в зданиях жили без канализации и водопровода. Впрочем, сейчас новые дома вообще почти не строятся, городское население в таких количествах как прежде не нужно даже тут, в Сибири, где были более мягкие условия, чем в той же Москве. Иностраный гость решил здесь не задерживаться, мало ли по голове еще дадут чем-то тяжелым, поэтому поспешил назад в служебную квартиру. Скоро стемнеет.

А за городом в густых лесах шумит ветер, и звезды рассыпаются по небосводу, подобно бриллиантам на черном бархате. В паре десятков километрах от города есть бункер времен СССР. Со стороны может показаться, что давно там не ступала нога человека – вокруг заросли. Но за его прочными бетонными стенами горят приглушенно лампы, стоят двухуровневые железные кровати. За столом сидит несколько человек и ведут диалог. Худой, высокий, с седыми волосами мужчина в рубашке сказал:

– Наши источники в правительстве сообщили, что в Сибирь прибыл проверяющий от Креста. Было бы неплохо его

поймать, провести допрос, но делать мы этого не можем... Нас начнут искать. Они пошлют сюда еще людей, начнутся чистки, и в итоге пострадает не только наше движение, но и простые граждане.

– А как же ООТБ? – вставил свое слово приземистый мужичок в черном бушлате. – Неплохо, если бы мы получили какую-то информацию. Там же и наши есть. Семен, Витя, вы же всех их лично знаете! Мы же все начинали вместе, воевали рука об руку под предводительством Собакевина, который, собака, предал потом весь наш народ. Когда же мы начнем борьбу?

– Я понимаю... Но всему свое время. Мы сидим здесь, и пока мы не лезем во внутренние дела Сибири, на нас, по большей части, наплевать, и пока у нас есть покровители на верхах, давайте же нести свой долг.

В то время, что мы тут сидим и думу думаем, там, в лесах, далеко-далеко наши партизаны сидят с готовностью в любой момент положить жизнь во имя народа. Мы должны не руководствоваться краткосрочными планами, а мыслить стратегически. Вот ты, Петр, ты же военный, ты офицер, вспомни, чему тебя учили, еще тогда, в кадетском. Давайте соберемся с мыслями, давайте работать. Вы помните нашу стратегию? Сейчас нам надо сосредоточиться на Псковской области. Взгляните на карту.

Все сидящие за столом склонились над бумагами, на которые светила одинокая лампочка, свисающая с бетонного потолка. Стратегическое планирование отняло несколько часов, бурные обсуждения вымотали его участников и наконец все стали расходиться, пора было дать себе отдых. В лесу висела гробовая тишина, и лишь ночные птицы имели право нарушать этот покой. Сейчас желтоглазый филин был королем этих земель.

Война

«С войны порой не возвращаются и в переносном смысле.

Я знаю множество таких людей.»

Али Апшерони

Как же так случилось, что страна разделена на две части. История долгая, но началась она с момента водружения купола. Часть людей не готова была принять новую реальность, как данность и жить под управлением жетского диктатора и зарубежных кукловодов. Повстанческие движения возникали тут и там, но большая часть была подавлена, и все противники новой реальности собирались в Сибири, которая, находясь на отдалении от столицы, и здесь они сформировали свое правительство. Сто лет назад во время гражданской войны в Омске находилась штаб-квартира Сибирского правительства во главе с Колчаком, а в 90е началась новая гражданская война и вот снова здесь было свое правительство, которое в отличии от прежнего устояло. Воевали не только местные, но и прибывшие к ним люди из европейской части страны, они были больше мотивированы, чем армия противника, сражающаяся за деньги или будучи вынужденными. Ведь, за деньги или насильно человек может убивать, но не готов умирать. А когда есть идеология,

то храбрости значительно больше. Крест тогда не мог активно еще поддержать одну из сторон, влезть в этот процесс, не были построены туннели экспортных центров – единственная связь между внутренним и внешним миром.

Два века тому назад явился свету грандиозный на то время план строительства тоннеля под Ла-Маншем, представленный в 1802 году. Французский инженер Альбер Матье-Фавье предложил прорыть подводную дорогу для конных экипажей с вентиляцией и масляными лампами. Этот проект вследствие рассматривал Наполеон при заключении мирного договора с Англией. Однако сложные отношения между двумя государствами не способствовали реализации идеи. Лишь к концу века было решено строить железнодорожный тоннель, и две буровые машины начали работу с французской стороны. Но спустя семь лет бурение остановили. Британцы опасались, что тоннель поспособствует военному вторжению. Но в конце концов тоннель был построен и запущен в 1991 году. Всего несколько лет спустя подобный, но по-современному осмысленный проект воплотили здесь, на границе России, даже, возможно, с использованием тех же буровых систем.

Объединенная Сибирь, вместе с которой были и Дальний Восток, и ряд других регионов, победила в этой гражданской войне, и безусловно ее нельзя сравнить по масштабу с вой-

ной 1917 года, несмотря на наличие оружия массового поражения и использования автоматом. Век назад в этой бойне у обеих сторон были свои идеологии, невероятно сильно конфликтующие между собой. Новая гражданская война унесла меньше жизней чем прошлая.

Уже второй раз чуть не стало правдой пророчество Черчилля: «Русские уничтожат сами себя». Но все кончилось, хоть и ушли из жизни миллионы, и результатом войны 90-ых стал мирный договор, подписанный в Омске. Он устанавливал границы, возводились КПП и минные поля. Невзирая на

все это, между двумя осколками России были установлены торговые и дипломатические связи, шел обмен ресурсами.

Временно исполняющим обязанности президента новой республики Сибирь стал Михайло Михайлович Собакевин – генерал, который перешел на сторону сибирских повстанцев в самом начале этой распри. Народ поначалу был весьма даже доволен им, хоть тот был и грубым солдафоном, не самым умным человеком, но сражался за них, а впоследствии старался вести политику в интересах народа. К нему приезжали на переговоры представители «CROSS».

Еще до возведения купола в страну было отправлено большое количество агентов и членов зарубежных ЧВК, которые прибывали сюда инкогнито. После помещения страны в сферу, они активизировались и выполняли задачи по контролю власти в Москве, были внедрены в правительство, участвовали и в гражданской войне, но ряды их были не так многочисленны, чтобы оказать сильное влияние. Представители Креста хотели найти общий язык с Собакевиным, объясняли ему безвыходность положения Сибири и пугали скорым прибытием войск через тоннели. Угрозы и подкуп не помогали, и Михайло старался балансировать между интересами граждан и иностранцев.

Безусловно, это был не кристально чистый человек – все

мы не без греха. Он ставил друзей на ключевые посты, забирал себе больше, чем положено. Аппетиты росли, его окружение развращалось властью, и в конце концов народные слуги сильно изменились. Сибиряки почувствовали это на своей шкуре и пытались выразить протест. К тому времени в европейскую часть страны уже зашли через подземные железные дороги внешние силы. Они оказывали поддержку сибирской оппозиции, вели с ней переговоры и использовали при этом исключительно пряник, позабыв про кнут. Вспышки восстаний озарили Сибирь.

Собакевин в итоге согласился сотрудничать с «Крестом» и осуществлять необходимые поставки, перестраивать экономику на новую модель «Все на экспорт – крохи нам». После этого внешний враг прекратил поддержку повстанцев и заклеил их подлыми сепаратистами, дестабилизирующими обстановку.

Михайло перестраивал Сибирь, жестоко подавил восстания, а вместе с тем не забывал и о своих широких карманах. Туда складывалось все, что плохо лежало и до каких-то пределов ему это позволялось новым иностранным начальством.

Был закрыт частный бизнес, города переходили на жесткую экономию, запущены программы РВЮ, которые помо-

гают сокращать количество лишних ртов. Могла сложиться здесь картина, которая была в другой части страны, но население не хотело этого терпеть – они помнили за что боролись несколько лет назад, были вооружены благодаря недавней поддержке повстанцев тем же «CROSS». Люди смогли объединиться и снести власть. Иностранцы были убиты или бежали, их начальство настороженно следило за ситуацией, раздумывая о том, начать ли еще одну революцию или, быть может, получится договориться с новым лидером. Собакевин бежал в Москву и получил охрану и пост. Марионеточное правительство в изгнании – важный козырь в рукаве.

Новым лидером Сибири был избран участник восстания, один из партизан Кольчугин Виктор Эммануилович. С виду он казался очень амбициозным, умным и уверенным. Но после вступления в должность сменил риторику: основательно увеличен силовой аппарат, чтобы сидеть на троне было можно увереннее. Казалось, впереди их ждет повтор прошлой истории, но нет. На этот раз президент оказался и не марионеткой зарубежных господ, и не простым вором, который экспертно занимается кумовством. Таил он в себе другой сюрприз. Сначала Кольчугин заслужил доверие народных масс и действительно много хорошего сделал. Но у него была своя извращенная идеология, в основе которой лежал марксизм. Со временем она достигла апогея.

Он планировал уничтожить города и частный капитал, начал устранять интеллигенцию – все люди должны были быть заняты в сельском хозяйстве, на шахтах и в промышленности. «Город – обитель порока; можно изменить людей, но не города.», – говорил он. Продвигались идеи национализма, была попытка создания новой нации: сибиряков. В свое время такой же план был у Гитлера. Оно и понятно, ведь когда ты искусственно создаешь народ путем их выделения из общей массы и настраивая на борьбу с другими, это дает свои плоды. Еще подобное происходило в колониальной Руанде, где было два народа, но Бельгия внушала, в том числе через радио, людям, что их соседи не такие как они, что они мусор, их надо истреблять. И это привело к геноциду с миллионами убитых, а основано все было исключительно на национальном признаке, ведь это легкий в использовании рычаг.

Выходец из Российской империи, один из главных нацистских лидеров Альфред Розенберг, зная дело, отмечал важность идеи по поводу создания Украинской автономии, которая должна была выступить своеобразным противовесом всему русскому. В конце концов он сам, оставаясь министром восточных оккупированных территорий, фактически утратил контроль, а Геббельс отнял весь сектор пропаганды. Его оппоненты считали всех славян одинаковыми отбросами и не желали заигрывать с одними против других.

Идеи нового президента с экономической точки зрения привели бы только к нищете и отсутствию перспектив – это бы оказалось хуже, чем платить дань «Кресту», подобно Золотой Орде. Начались репрессии. Народ пытался сопротивляться.

А затем была объявлена война Москве. Вновь погибали люди. И без того слабая Сибирь теряла, кажется, последние шансы на счастливое существование. Всё это привело к заговору военных элит, и вместе с подданными они снесли вождя с пьедестала. Он был жестоко убит толпой из его окружения. Затем начались люстрации силового блока. Благо, продлилось правление этого гения недолго, и было еще что сохранять. Начинался новый заключительный этап всей этой эпопеи.

В должность прездиента Сибири путем всенародного голосования вошел бывший инженер Евгений Шишкин. Полный краснощекий мужчина с черными как смоль волосами. После свержения Кольчугина власть временно представляли силовики, участвовавшие в перевороте. И тот факт, что они передали бразды правлению стороннему человеку и устроили выборы, говорил лишь о том, что даже элиты устали от беспредела и крови за последние годы. Все хотели жить.

Шишкин был кандидатом наук, занимал руководящие

должности на заводах, какое-то время даже был мэром. Когда к власти пришел этот человек, не думаете же вы, что «Кресту» было все равно, что они в сторонке сидели и ждали, когда же территория, на которой сосредоточены огромные объемы угля, нефти, газа, алмазов и металлов, будет свободно дрейфовать в море. Нет, иностранные послы пришли к нему с предложением – CROSS уже устал от вечных войн и распрей с этой территорией, поставок не было, поэтому путем долгих переговоров стороны пришли к взаимовыгодному решению.

Интервенты построили на территории Сибири свою базу «Бийск В-01», при ней тюрьму «Бийск», экспортный центр «Иркутск» и военные полигоны для испытания оружия, о котором в мире за куполом никто не должен знать. И казалось бы, в чем разница от остальной России? Но она была. Здесь нет таких жестких планов по производству, городам дано больше лимита на расходы, а работники «Креста» могли передвигаться по территории лишь по согласованию с президентом Сибири. Граждане жили не в сказке – все равно приходилось пахать в чужое благо, и развития для страны всё никак не намечалось.

Но хотя бы как-то поддерживалась жизнь, работали фонари по ночам, функционировали заправки, на полках было намного больше товаров. Экономика похожа на модель

НЭПа в СССР. В общем, быт здесь намного дружелюбнее, чем в той, остальной России, но будь у этих людей возможность, они бы с радостью объединились снова в одну большую страну, лишь бы было все мирно, а какой-нибудь Градов не вел страну в пучину. Сибиряки старались сохранять хотя бы часть Родины под контролем патриотов, что стремились ценить жизнь человеческую, культуру русскую и других народов, населяющих эти земли. Граждане Сибири могли свободно перемещаться по территории их части страны. Они верили, что когда-то снова заживут все в мире на огромной территории, распростершейся от Пскова до Камчатки. К слову, Курильские острова, Сахалин и Калининградская область были потеряны, оставшись давным-давно за куполом.

При этом всем нельзя назвать Сибирскую часть России демократической и невероятно справедливой, в том, конечно, смысле, в котором привыкли люди эти понятия представлять. На самом деле ни того, ни другого на Земле не бывает в чистом виде. Президент не воровал деньги народа, но закрепил за собой право вечного пребывания в должности, не хотел потерять власть и страну.

Чиновники были... разные. Кто-то делал малое и воровал, кто-то делал многое и воровал, кое-кто даже просто служил службу, благо, зарплаты чиновников были достаточно высокие. Это одна из мер, которая должна была удерживать от кор-

рупции и бюджетных распилов. Было сильно заметно, как отличается жизнь здесь от Московской, а уж с другими регионами европейской части России сравнивать и вовсе не хочется.

Впрочем, хорошие и плохие люди были в обеих частях страны, просто здесь порицались излишние аппетиты. Армия высших чинов не имела своих особых городов – жили в домах и квартирах среди обычных людей. Президента за это не любила весомая часть элит, но Шишкин лично создал гвардию – молодые бойцы уважали своего лидера.

Меньшиков был богаче, чуть ли не самого Петра I, воровал страшно, но был предан императору и Родине, на войне шагал в первых рядах. Так и тут в Сибири были подобные личности. Они хорошо выполняли свою службу, но умело сочетали это с воровством. Михаил Шишкин умел грамотно лавировать среди всех этих потоков, и его ученые степени в математике, кажется, превращали управление страной, массами и элитами, в решение уравнений, или, если хотите, в шахматную игру.

Платон писал: «Демократия перерождается в тиранию». Шишкин старался не сильно торопить этот процесс, но как-то невольно он сам собой происходил.

Чтобы выжить, обеим частям страны пришлось прийти к соглашению с Крестом о поставке ресурсов в обмен на скудное количество товаров. Сибирь отдавала часть своих ресурсов Кресту, но также они и производили много товаров, которые продавались на внутренних рынках.

Важным плюсом для «Креста» от разделения страны было то, что цепочки производств были разбиты на две части. Некоторые вещи, включая, например, двигатели или часть деталей, необходимых для производства оружия, производились в Сибири, еще какая-то часть собиралась только в западной части страны. Задача состояла в том, чтобы вся цепочка производств не была сосредоточена в одних руках, чтобы не особо эти территории развивались с технической точки зрения и не могли самостоятельно поставить на поток производство оружия и транспорта для новой войны. Две половины России было взаимозависимы. Это еще и позволяло сдерживать стороны от конфликтов и не допускать проблем с экспортом. Также, была и хорошая подстраховка, ведь если одна сторона взбунтуется или уронит показатели, то есть другая.

Одной большой территорией управлять сложно, поэтому Гитлер, к примеру, делил СССР на части, включая рейхскомиссариаты Остланд, Украина, Московия, Готланд, Ингерманландия и так далее. Есть «хорошие», крайне доброе вы-

сказывание на этот счет сподвижника Гитлера и рейхскомиссара Украины: «Хочу, чтобы поляк при встрече убил украинца и, наоборот, чтобы украинец убил поляка. Если к этому еще застрелят еврея – это будет то, что нам требуется».

Ситуация в Сибири была все же не сказочной, но люди старались подстроиться и хоть как-то наладить свой быт. Да, президент Шишкин запустил в свою вотчину проверяющего от «Креста» для инспекции всех ключевых объектов – он был вынужден, но все равно показывал свою позицию. Лично не встречался с представителями внешних сил и не пожал бы при встрече руки.

Здание правительства – одно из немногих не промышленных построек, возведенных в Новосибирске уже после окончания гражданской войны. Было оно больше похоже на театр: с величественными колоннами, высокими потолками и лепниной. Можно было даже полюбоваться на две кариатиды, держащие своды над входом. Такие «архитектурные излишества», как их называли в пост-Сталинскую эпоху, были не присущи современным зданиям. Еще в 1955 году при Хрущеве вышло постановление №1871, задачей которого была борьба с «практикой украшения» в архитектуре: внедрялись повсеместно индустриальные методы строительства, типовое проектирование и было покончено со «сталинским ампиром». А сейчас так тем более нужна была эконо-

мия, но уже не под эгидой выдачи какого-никакого, но жилья каждому, а по причине иностранных appetitов. Но делались в Сибири исключения, которые касались, впрочем, только мегаполисов. Местами виднелись красивые новые здания, и не только лишь правительственные. Но было это всё богатство скорее исключением, чем правилом.

На втором этаже помпезной обители восседали в просторной зале несколько человек. Во главе длинного стола можно было заметить плечистого сурового мужчину. Это был президент. Подле него – его свита.

По правую руку сидел Андрей Андреевич Тополь, министр обороны, жестокий и вороватый, но верный человек. Густые черные брови нависали над его пристальным взглядом.

Шишкин обратился к нему:

– Андрей Андреевич, Вам поручено проконтролировать визит иностранного гостя. Пусть Ваши люди держатся на расстоянии, но их задача – докладывать премьер-министру обо всех передвижениях и, главное, обеспечить безопасность пребывания в наших краях. Не дай Бог люди Градова или повстанцы замыслият устранить его. Проблемы посыпятся на наши с вами головы! Теперь, что касается аудита предприятий и инструктажа директоров и чиновников на местах... Я надеюсь, Вы, Владислав Сандаминович, поручи-

ли эти дела Березовскому? – он перевел свой взгляд на премьер-министра.

Владислав Сивцев был человеком честным и образованным, по происхождению якут. Он не удостоился чести быть другом детства президента или его одноклассником, но несмотря на это, благодаря невероятному усердию он стал вторым человеком в стране. Не будучи в панибратских отношениях с ее лидером, он даже если бы и захотел, навряд ли смог бы много финансов себе присвоить. При всем при этом ему можно было доверять, а роль Владислава заключалась не только лишь в грамотном управлении кабинетом министров, но и в притяжении симпатий народа к правительству. Его уважали и даже любили простые граждане, а это усиливало рейтинг власти.

Сивцев:

– Господин Президент, да, распоряжение выполнено. И я лично контролирую его работу.

Проверить предприятия страны и подготовить их к приезду гостя должен был Березовский Константин. Мужчина средний лет, с темными волосами, невысокий и крайне талантливый в своей хитрости, специалист по многовекторности. Он был теневым кардиналом этих краев, ездил договариваться в Москву, когда это требовалось. Именно через

него происходили межведомственные переговоры и крупные финансовые сделки.

В Сибири был разрешен только малый и средний бизнес, в то время как почти весь крупный работал на экспорт и был в ведении государственного аппарата, но так сложилось, что каждый родственник Константина руководил какой-нибудь крупной фабрикой или сетью магазинов, а потому через него проходили огромные финансовые потоки. Березовский умел выстраивать бизнес – ему и доверили проконтролировать работу предприятий перед посещением агента «Креста». Личность Константина не сильно импонировала Шишкину, но роль его была несомненно велика.

Среди прочих присутствовал в этой помпезной зале и Правдин Петр Иванович, министр просвещения. В составе его министерства было ведомство правды, которое заведовало пропагандой. Оно доносило до людей мысль о том, что причиной всех бед является исключительно зарубежная машина по выкачке ресурсов и Москва, в то время как внутренним проблемам и их источникам не уделялось почти никакого внимания. Заняты были представители этого ведомства и поиском инакомыслящих и передачей последних Тополу Андрей Андреевичу.

Никто почти не знал, что Петр был лоббистом «Креста»

в этих краях, вел с ними тайные переговоры. Все это, казалось бы, противоречило его роли в государственном аппарате. На словах единственный враг народа – внешний, но Правда все устраивало, он чувствовал себя комфортно и посему не планировал менять свой жизненный путь.

Сегодня на совещании присутствовали и другие министры и советники. На повестке дня стоял не только вопрос иностранного ревизора, но и другие дела государственной важности. Описывать каждого из чиновников смысла особого не имеет, стоит лишь сказать о том, что люди это были представители разных этносов и религиозных конфессий, богатые и не очень, честные и не совсем.

Очень редко происходили в правительстве какие-либо перестановки, а если и были оные, то лишь по большому желанию президента. Засиживаясь на местах, многие из них охладевали к своей миссии, отчего падали показатели эффективности их министерств, а на уютном, прогретом месте деньги намного охотнее заползали в карман.

Есть в мире страны, что борются с подобным путем частой смены власть имущих. Например, в Швейцарии каждые 4 года граждане избирают депутатов парламента, которые в свою очередь формируют новое правительство. Постоянные рокировки не дают пригреть местечко, а также способству-

ют прибытию «новой крови», то есть людей, имеющих амбиции и свежий взгляд на вещи. Подобные формы правления, пожалуй, невозможны для империй, ведь они подвержены внешнему влиянию и должны всеми силами удерживать свои суверенитет и позиции на международной арене. Поэтому подобные частые перестановки, особенно среди высшего руководства, в крупных государствах могут привести к негативным последствиям, и если при монархах одни и те же люди подолгу управляли территорией на своих должностях, то в современном мире за пределами купола в странах, претендующих на лидирующие позиции, меняются президенты, премьеры и другие лица, но при этом политические и финансовые элиты обычно ведут закулисную игру и правят балом десятилетиями, определяя внутреннюю и внешнюю политику. Все же, это в случаях когда речь идет про империи, а сейчас наша страна подобна одинокому острову на безлюдной планете. И тот треснул пополам.

Совещание закончилось. Президент приказал всем разойтись и направился тяжелой походной в свой кабинет. Он хотел выпить наконец – это была одна из его немногих слабостей.

За окном приятный летний вечер, наслаждение для чувств. Солнце село, и небо окрашивается оттенками оранжевого, розового и фиолетового. Пение птиц наполняет воз-

дух своим мелодичным хором. Температура теплая и комфортная, идеальная для вечерних прогулок по городским паркам и садам. Воздух теплый и благоухает ароматом цветущих цветов и свежескошенной травы. Легкий ветерок уносит любые заботы.

Тюрьма в Сибири

Паулюс покинул город рано утром на личном авто. Круглые солнцезащитные очки скрывали глаза от ярких лучей. Сосны мелькают за окном. Прошло уже несколько дней как он в Сибири. Были осмотрены самые важные промышленные центры, а сейчас он держал путь на базу «Бийск В-01». «Ехать часа четыре, кушать хочется», – думал он. И крутил руль молча, даже без музыки.

«Бийск-01» – особо охраняемый объект, анклав «Креста» в сердце Сибири. На территории комплекса, кроме охранников, присланных извне, работают гражданские – иностранные специалисты. Их штат был небольшой, так как намного важнее были цеха и полигоны, где испытывалось оружие, скрывавшееся от любопытных глаз со всего мира.

Была при базе и особо охраняемая тюрьма Бийск. Тут содержат как местных крайне опасных преступников, в том числе из окружения Кольчугина, так и просто недовольных граждан, ведь оппозиция, пришедшая к власти, зачастую начинает бороться уже против тех, кто оппозиционен по отношению к ним. Замкнутый круг. Но самое главное здесь то, что существенную часть заключенных составляют ино-

странцы. Среди них и предатели, которые раньше работали на «Крест», но были подкуплены или просто перешли на сторону врага. Присутствовали и загадочные гости из внешнего мира – тайные узники. Под купол в ООТБ завозили заключенных со всего света, так как здесь с ними можно было делать то, что там воспрещено. И никто не узнает.

До купольных времен подобные места размещались в других отдаленных краях. Тайные тюрьмы, зачастую принадлежащие ЦРУ, располагались, в частности, на территории стран Восточной Европы, была еще недавно тюрьма «Аль-Тамара» в Марокко, «Мулхак аль-Мазра» в Египте. На секретных базах в Европе и Азии стала применяться так называемая «расширенная техника ведения допроса», которая вполне официально разрешает применение ряда видов пыток к заключенному. В рамках этой «техники» допрашиваемых запугивают, бьют, заставляют стоять на месте до сорока часов, лишают сна на срок до 180 часов, оставляют раздетыми в холодных камерах, оглушают при помощи громкой музыки, имитируют утопление. Надзиратели угрожали физическими расправами над семьями заключенных. Описанные выше тюрьмы уже закрыты. И действительно, в мире стало меньше таких мест, меньше опасных производств, меньше загрязнения воздуха... Только вот мир этот остался за пределами купола, и все стоки потекли под него.

Паулюс прибыл на место, встретился с руководством, все осмотрел, отснял на камеру. Прошелся по тюрьме. В застенках звучали дикие крики, и даже прочный бетон не мог их сдержать. Агент за свою долгую карьеру привык ко многому, но вся эта картина вызывала у него неприязнь и даже страх. Он понимал, что некоторые из этих людей, если не большинство, это не убийцы, а враги режима внешнего или внутреннего. Здесь у них не было шансов ни на что, ни на какую помощь, и эта мысль пробирала его до костей. Но он выполнял свою работу: ходил по корпусам и заполнял отчет.

Наконец, этот жуткий день закончился. Следующей точкой его маршрута является экспортный хаб под Иркутском. Не хотелось ночевать на этой базе, а потому, несмотря на глухую ночь, Петраускас выехал с территории. Он должен был сесть на поезд ранним утром. Серых бетонных зданий уже не было видно, машина мчала через леса, а крики в голове остались. «Ужас», – думал Паулюс.

Люди лесов

Тот самый партизанский бункер с двухъярусными кроватями, что располагается в паре десятков километров от Новосибирска был все еще наполнен людьми. У них не было там комфортных условий, все как на фронте. Ржавые койки, скудная пища, старая одежда. Будь они где-то под Москвой, их бы, возможно, обнаружили, если бы годами так сидели они в одном месте – тем более, с вылазками. Но здесь их не трогали. Местная власть не поддерживала их финансово, но, по крайней мере, не вставляла им палки в колеса. Штаб этот был мозгом всей огромной повстанческой организации, и назывался он «Север».

Партизаны были сосредоточены в европейской части России и назывались «Ядро». Общение через радиоволны осуществлялось между центром и командирами на местах, но далеко не у всех там был свой бункер. Иногда люди днем сидели у себя в поселке, на ферме, а ночью уходили тайком в лес, прихватив с собой припасы, собирались с другими не равнодушными.

Вместе граждане старались бороться с несправедливостью на местах. Уничтожали или запугивали особо обнаглев-

ших чиновников и силовиков, которые наносили вред местным жителям. Сражались они и против бандитов-анархистов, которые тоже жили в лесах и порой нападали на села.

Было такое недавно, что посол Мэтлок ругался на Градова за нападение на базу «Кавказ». Это был смелый проект, но по большей части последние годы повстанческое движение копило силы и ресурсы, чтобы пойти на более решительные меры. Они готовы были положить жизнь за порядок в стране, за какую-никакую, но справедливость и восстановление единого государства. Хотелось чтобы жить стало, конечно, не прямо таки сказочно, но хотя бы как в Сибири, а желательно – и посвободнее.

В тысячах километров от бункера «Север» сидели у костра четыре десятка человек: молодые и старые, заросшие грязные и аккуратно одетые. Были здесь представители многих народов, населявших земли России: русские, украинцы, белорусы, татары, дагестанцы и многие другие. Все были вооружены. *Ночной воздух был свеж и прохладен, иногда ветерок шелестел в кронах деревьев. Звезды мерцали в небе над ними, словно крошечные бриллианты, а вдалеке ухнула сова, словно напоминая им, что они не одни.*

Они говорили до поздней ночи о стратегиях, пока, наконец, один из них не предложил по очереди нести вахту, пока

остальные немного отдохнут, прежде чем продолжить обсуждение завтра утром. Согласившись с этим планом, они улеглись у костра и вскоре заснули, мечтая о свободе для любимой Родины.

Ночь была холодной и темной, деревья, окружавшие небольшую полянку в лесу, вырисовывались на фоне звездного неба. Огонь потрескивал, ярко вспыхивая, создавая теплое сияние, которое освещало лица собравшихся вокруг него.

Утро пришло незаметно, и вот солнышко уже раскрашивает кроны деревьев и будит спящую братию. Кто-то ворочается в спальнике, кто-то несет чайник к костру. Вскоре все уселись на бревна и начали завтракать. Каша кипела в кастрюле на огне. Запах горящего дерева ударил им в нос, когда подул ветер. В перерывах между дискуссиями между ними раздавались смех и шутки, которые поддерживали их настроение, несмотря на все происходящее вокруг.

Старшим в их иерархии был человек лет пятидесяти, с густой черной бородой и запутанными бровями. Его зовут Трофим, а братья по оружию называют его Трошка. Он решил рассказать анекдот:

– Знаете, что ответил сын Градова на вопрос, почему ему дали высокопоставленную должность?

« – Пора мне заняться кумовством! »

– Или вот еще:

Вопрос: что сказал Градов, когда ему предложили миллиард рублей?

Ответ: «Я возьму два!»

Компания посмеивалась, кто-то курил и качал головой.

– Теперь давайте о важном, – вдруг стал серьезным Трофим. – С Севера поступили распоряжения: несколько отрядов, в том числе и мы, должны объединиться и нанести удар по базе оккупантов под Псковом. Но это задача тяжелая, многие не вернуться домой... И нет гарантии, что нам удастся добиться захвата. Поэтому мы должны прощупать почву, захватить город на расстоянии оттуда, чтобы их силы были переброшены туда. Армия силовиков Градова тоже ринется в город.

Возьмите карту в моей сумке, я представлю вам план по захвату города. Для начала по заветам Ильича идет захват телеграфа, почты и мостов. В нашем случае это три моста. Это вот радиоточки в окрестности и здания силовых структур, откуда информация может попасть в столицу.

Люд с Московских заводов должен сделать поставку оружия и медикаментов перед началом операции – завтра мы ее получим и встретимся с другими отрядами около цели. На-

род по всей стране делает свой вклад в нашу борьбу и называет нас «Ядром», мы должны соответствовать этому, должны быть сильными и бесстрашными, иначе рухнет все то, что нас окружает. – Бойцы вокруг закивали, понимая все значение операции. – Наши люди в городе, куда мы выдвигаемся завтра, окажут нам всю возможную поддержку.

Надо действовать быстро! Мы оценим ситуацию и будем готовиться к следующему шагу. Часть информации вы получите на месте, когда закончим этот этап. Предлагаю отдохнуть сегодня, собрать вещи, а к рассвету быть наготове. Вопросы?

Тишина, все внимали и погрузились в раздумья. Молодой парень в синей спортивной куртке, сшитой еще в 90-е, сказал:

– Трофим, я из новеньких здесь. Хотел спросить не про план... С ним все понятно, Вы поведете нас, мы пойдем под Вашим руководством. Но почему им не ударить по городу ракетами или еще чем-то?

– Сынок, а они ударят, скорее всего... Но не забывай, что там есть производства, и сбои поставок им не позволительны. А даже если бы пошли ва-банк и решили снести город, то ядерного оружия давно нет, потому что его тайно утилизировали еще в 90-е по приказу «Креста». Скорее всего для того, чтобы подобные выходки не привели к разрушению го-

родов, заводов и логистики в случае внутренних конфликтов. Представляешь, какую угрозу принесут радиоактивные облака те же? А вот артиллерию использовать могут, если захотят, если позволят – начнут войну с нами. Масштабную, такой давно не было...

Еще один молодой человек поднял руку и, увидев положительный кивок их лидера, задал свой вопрос:

– Я тоже не совсем по теме, извините, но хотел спросить. Что можно почитать сегодня, пока время есть, что у нас в лагере из литературы по нашей части? Извините еще раз, – стушевался паренек.

– Спроси у Шустрого, конечно, но я три книжки могу вспомнить из того, что сам читал про таких, как мы. Знаешь же, сколько партизан было во время немецкой оккупации и какой вклад они внесли в эту борьбу? Значит так, первая – это «Партизан: история сопротивления» Валентина Пикуля, вторая – «Партизанская война» Александра Хилла, ну, и последнее – «История партизана» Бориса Полевого. Все эти книги, как вы знаете, под запретом, но часть изданий сохранены нашими братьями и есть, думаю, и в нашей скромной полевой библиотеке. Вон рюкзак несет Шустрый. Изучай, малец, – улыбнулся Трошка, обрадовавшись такому вопросу.

Шустрый, крепкий мужчина средних лет, умудренный опытом и потерявший несколько пальцев на левой руке в боях, дал рюкзак с книгами парню, почесал лысину грязной рукой и сел на свое место:

– Знаете, вся эта ситуация, то, за что мы жизни кладем, – это же заслуга не только злобных иностранцев. Вы знаете, что было до купола? Многие из вас не родились еще тогда... Мы были втянуты в конфликты, и внутри страны тоже было жарко.

Наши руководители вели игры в своих шкурных интересах. Столько людей полегло... И знаете, Жириновского-то, который был президентом до Градова, снесли, и что нам говорили? Разоблачали культ личности, свалили все беды на него и его друзей. Но по факту многие военные и чиновники, кто были тогда при власти, и кто ответственен за то, что страну довели до страшной бедности, до войн, до развала державы в конце концов, сидят до сих в своих теплых кабинетах. Потому что они лояльны.

И «Крест», уверен, всему миру оправдывал все эти годы наш купол, говорил о наказании и изоляции России, о том, какие тут твари живут, а сами закрывают глаза на этих чинуш. Кормят их, дают им в тысячи раз больше благ, чем получаем мы. Это ли не лицемерие? Нет совести ни у тех, ни у других. Такие дела...

Молодой парень по имени Влад, доставший себе книгу из рюкзака, хлопнул по ней звонко ладонью и вставил свое слово:

– Согласен полностью! А знаете, я сравнить хотел их мир, тот, что за куполом, с Римской империей и Древней Грецией. Вот они забирают наши ресурсы, а мы для них расходный материал: даем зерно, электричество и полезные ископаемые, наши граждане делают для них грязную работу, трудятся на шахтах и химических производствах. А у них, наверное, благодать... Вот в Риме и Афинах почему могли себе позволить люди заниматься философией, математикой или просто наслаждаться жизнью? Не потому, что была демократия, и все работало как в сказке не потому, что они были лучше или хуже нас, а потому что у них были рабы. Существенный процент населения пахал, пока другие могли дискутировать, сидя в тогах. Конечно, это дало миру цивилизацию, науку, но представляете жизни тех несчастных, что попали в неволю? И вот теперь это мы.

Знаете ли вы, что слово раб на английском – slave, какое у него происхождение? От слова «славянин», ведь сотни лет на невольничьих рынках Европы главным товаром был раб, а больше всего среди них было наших собратьев. Невольничий рынок Крыма был долгое время центром продажи живого товара. Теперь нас не уводят в неволю, мы как рабочие в колонии трудимся и отдаем результаты своей работы начальству, которое их использует. Нам остаются крошки с

барского стола в виде еды, воды и крова, и то – не всем...

Шустрый:

— Труд делает свободным... Немецкий лозунг концентрационный вспомнил.

– Братья, ваши речи важны, – вставил свое слово Трофим. – Хорошо, что у нас есть еще свобода мысли, что многие размышляют, решают бороться. Но давайте сейчас отвлечемся от грустного, завтра тяжелый день. Я предлагаю музыку. Стасик, доставай шарманку! – он довольно ловко махнул громоздкой рукой.

Они недавно нашли граммофон в соседней деревне, а вернее, им подарил его местный житель. И здесь, на расстоянии в несколько километров от цивилизации, они могли послушать музыку, не боясь, что их обнаружат. В запасе было несколько пластинок, в том числе с фронтовыми песнями, но были и особо интересные экземпляры. Стас установил инструмент на пень, вытащил пластинку с желтой наклейкой и аккуратно поставил на нее иглу.

Костер потрескивал, компания оживилась, полились слова из побитого старого граммофона:

Una mattina mi son svegliato

O bella ciao, bella ciao, bella ciao ciao ciao

Una mattina mi son svegliato

E ho trovato l'invasor...

Кто-то встал и начал похлопывать себя в грудь кулаком, за ним потянулись остальные – мужчины пели с гордым видом гимн итальянских партизан. Эта песня была по содержанию не такой радостной, какой она может показаться, ведь там поется от лица человека, готового положить жизнь за свободу, и звучат слова:

«В горах пусть будет моя могила

В тени любимого цветка»

Среди лесного братства не было трусов, все были готовы на самопожертвование ради народа, во имя Родины.

Танец был окончен, все немного выдохлись и сели. Поставили пластинку Утесова «Темная ночь». Сидели у костра, многие подпевали, кто-то пил, кто-то молился, глядя в небо. Так они за беседой и с музыкой проводили этот день.

Золотистый кот сидел на коленях у Влада. Это может показаться удивительным, но даже в Великую Отечественную войну в лагерях партизан кошки обязательно присутствовали. Они приходили из разрушенных и занятых немцами де-

ревень и поселялись с людьми в лесах. Конечно, кошки во время войны и мышей ловили, спасая скудные партизанские запасы, но главное – они оказывали психологическую помощь бойцам.

Все это говорило о том, что присутствие кошки дарит даже не надежду, а уверенность, что рано или поздно весь этот кошмар закончится, и всё вернётся на круги своя. Мирная жизнь, хлеба в полях, играющие во дворе дети и мурлыкающая на печке кошка – такая картина согревала душу. Психотерапевтический эффект присутствия маленьких пушистиков заметили во многих армиях мира. Не даром эти животные часто «служат» и на военных кораблях.

Солнце садилось за горизонт, окрашивая лес в ярко-оранжевый цвет. Деревья были высокими и густыми, а земля была влажной от росы, как будто накануне прошел дождь.

Партизанский рейд

Раннее утро. Все члены отряда уже были наготове, костер потушен, рюкзаки собраны, автоматы проверены. Трофим вел своих людей уверенным шагом, как Гэндальф гномов. Они стремительно преодолевали болота и овраги, и это все был пустяк, впереди их ждал настоящий бой.

Молодой белобрысый парень выглянул из-за деревьев на проезжую часть. С севера ехала грузовая машина. Когда партизан увидел знак, то вышел на проселочную дорогу и встретил фургон.

Широкий мужик в кепке, кажется, грузин, вышел, осмотрелся и пожал ему руку. Пошли посмотреть содержимое. Внутри – много ящиков, часть из них была предназначена для партизан. Светошумовые гранаты, аптечки, патроны, несколько автоматов. Это то немногое в количестве, но огромное по значимости, что смогли для них достать братья из подполья, работающие на заводах. Ящики перенесли в лес. Машина уехала и снова повисла в воздухе тишина. Через час к группе Трофима подошли другие отряды. Почти целый полк собрался, и теперь они были лучше оснащены. Можно выдвигаться.

До города рукой подать, вся эта орава маршировала колонной через бурелом. Самые опытные двигались на расстоянии от всех впереди, осматривая местность и контролируя их незаметный переход. Влад, тот молодой парень, накануне получивший в распоряжение книжки и рассказывающий про древний Рим, смотрел под ноги, напевал тихонько под нос: «Bella chao». Его вели бывалые партизаны, поэтому можно быть более расслабленным, чем они, не озираться, и лишь ждать распоряжений старших.

Наконец они вышли к реке. На том берегу, далеко-далеко за лесом, располагалась база «CROSS». Несколько лазутчиков отправилось минировать мосты, необходимо отрезать все легкие пути, по которым сюда могут быстро подойти подкрепления иностранной армии. Город раскинулся по обе стороны реки. Основная часть застройки расположилась на том берегу, куда подошли партизаны. А на другой стороне располагались заброшенный частный сектор и военная база. Оставшиеся жить в городке местные были переселены в многоквартирные дома. Среди серых зданий и разбитых дорог виднелись красивые некогда белоснежные храмы, сейчас приходящие в упадок.

Несколько человек выдвинулось в разные стороны, чтобы занять позиции на деревьях и в оврагах и контролировать

окрестности. Основная же масса готовилась к бою, проверяла оружие и ждала контрольного часа. В это время в городе члены подполья должны отрубить связь с внешним миром, повредить радиоточки, нейтрализовать руководителей силовых ведомств, которых не вышло завербовать на сторону народа. Партизаны разделились на две группы, чтобы зайти в город с разных сторон. У них есть карты, все просчитано.

В 22:00 отряд из порядка двухсот человек, который возглавлял все тот же Трошка, и в составе которого был Влад, выдвинулся с позиций. Первой их целью был отдел милиции. У второго отряда задача посложнее – военная база на окраине, где впрочем не так много солдат.

Трофим осторожно вел людей через лес и вот за кустами стали виднеться здания. Теперь они не партизаны, а полноценные военные, которые будут вынуждены идти без прикрытия деревьев, и камуфляж им не сильно поможет в городских джунглях. Получили сигнал с девятиэтажки. Моргнувший свет фонарика гласил о том, что можно заходить, что город будет вот-вот обесточен, а диверсанты из горожан уже на местах. Огни в окнах погасли. Фонари же и так почти нигде не горели в целях экономии. Толпа хлынула на улицы, стараясь при этом не издавать лишнего шума.

Трофим командовал жестами, впрочем, такое количество

вооруженных людей было бы трудно не заметить. Они были уже близки к цели, но тут где-то послышался выстрел, затем затрещал автомат. Взрыв. Видимо, диверсантами из подполья был устранен кто-то из офицеров. А вот прогремевший автомат, кажется, забрал жизнь борца с несправедливостью. Зазвенела сирена, а фары автомобиля, стоящего у милицейского участка, загорелись и ослепили отряд. В их сторону загрохотала очередь. Трофим закричал: «Огонь!», Влад прицелился и стал стрелять по автомобилю. Несколько милиционеров выбежало из здания и спряталось за бетонными блоками.

Началась перестрелка, кто-то упал. Фары слепили глаза, не давая нормально прицелиться, но вскоре несколько метких залпов снесли яркие огни. Отряд стоял по обе стороны улицы, бойцы старались найти хоть какие-то укрытия, но не переставали палить вперед.

Вдруг, откуда ни возьмись, сбоку из ворот вылетел огромный автобус и с шумом сбил несколько людей Трофима. Часть бойцов тут же развернулась и стала поливать его автоматным огнем, кто-то кинул гранату. Автобус был бронированный. Спецназ. Такие машины производились в том числе на московском заводе, где работает Паша.

Противник у машины, которая слепила их фарами, был

разбит. Там всё стихло. Но теперь есть угроза пострашнее: из бойниц стального автобуса раздалась пулемётная очередь. Все попадали на землю и стали отползать, искать укрытия.

Влад же, парень, который даже боевого опыта толком не имел и знания которого были собраны в основном из книг и из рассказов, не стал убежать за угол, он напротив пополз к этому огнедышащему стальному монстру. Метким движением он бросил гранату прямо под кузов и закрыл руками голову. Взрыв озарил все вокруг. Страшный громкий звук уничтожил чудовище. Броня все еще цела, но пулемет замолк, изнутри повалил дым.

Несколько людей выбежало наружу, и их бы, возможно, даже пощадили, но они не стали сдаваться и открыли огонь. Впрочем, толку в этом было мало, их тут же накрыл смертоносный шквал пуль. Наконец, все стихло. Уши заложило, некоторых и вовсе контузило. И город погрузился бы снова в тишину, но кто-то пронзительно кричал, зажимая увечья рукой.

Трофим приказал врачам, которые были в их отряде, пойти к раненым. Целым бойцам он приказал занять позиции и зайти в участок, проверить, нет ли там кого. Глава отряда осмотрелся – было много раненых и убитых. «Где тот герой, который пополз с гранатой?», – подумал он. Рядом с дымя-

щейся машиной спецназа лежал Влад, осколок попал ему в голову. Трофим побежал к нему, рядом сидел военный медик. Влад прощался с жизнью, на лице были слезы и улыбка. Его командир встал на колени рядом:

– Держись, видал я и похуже. Поправим тебя! – сказал он, сжав руку молодого бойца и улыбнувшись. – В больницу его, всех, живо! Шустрый, бери двадцать человек и идите с ранеными к больнице. Вон туда! – тут же побежал к остальным. В участке было тихо, несколько милиционеров стояли на коленях без оружия, со слезами на глазах и тараторили: «Мы не с ними. Мы не стреляем. Мы с вами, дайте нам оружие, мы кровью испушим!».

Трошка скомандовал:

– Этих за решетку пока посадите, если есть раненые среди них – помогите. Доверить оружие не могу. Потом разберемся с вами.

Он тут же выбежал наружу. Надо действовать стремительно, пока все не закончат. Он с большим отрядом двинулись к мэрии. На ступенях стояла группа людей. Они махали белыми тряпками, обозначая, что не будут стрелять. Это были не чиновники, а простые горожане из подполья и присоединившиеся к ним прохожие, кто взял мэрию штурмом. Они кричали: «Наши идут! Это мы, народ!»

– Так там, наверное, никого и нет в мэрии! Вечер же! – крикнул кто-то из подоспевших партизан.

– Есть-есть! Еще как! Мы специально час назад устроили забастовку рядом, наши люди проникли внутрь и взламывали сейф, не скрывая присутствия, мы сделали все, чтобы мэр и его компания примчались сюда разбираться. Вот они все тут, родименькие, – крикнул самый высокий парень в толпе, который, по всей видимости, был там главным.

На улицу вывели несколько связанных чиновников в костюмах с испуганным до нельзя видом. Самым низкорослым из них был мэр. Зато какого масштаба сволочь... Партизаны ликовали. Вдруг в конце улицы появилось несколько вооруженных военных. Отряд прицелился.

С той стороны моргнули два раза фонариком – свои. Вторая группа, которая была отправлена брать военную часть. Братья были рады видеть их живыми, но ряды храбрецов сильно сократились. Кажется, взятие военного объекта унесло больше жизней, чем рассчитывалось. Трофим направился на встречу, и вот произошло долгожданное воссоединение сотоварищей.

Один из бойцов, бравших часть, стоял с простреленной

рукой, весь в крови, но будто это его и не тревожило:

– Братцы, живы мы. Взяли! И не пугайтесь, нас не так мало. Я вам скажу больше: наши ряды пополнились. Большая часть солдат, благо, это простые молодые срочники, помогли нам снести командование. Мы вместе почти без крови захватили этот объект. Есть и офицеры, которые присоединились к нам. Часть наших ребят сейчас берет участок милиции на юге, другие собирают все нужное на военной базе. Там оружия вооо! – он хотел взмахнуть руками, чтобы показать сколько всего удалось заполучить, позабыв на время о ранении. Тут же стиснул зубы от боли и замолчал, но не застонал.

Трофим отдал приказ своим людям перебинтовать бравого командира, и выступил с речью, призывая всех вокруг:

– Братья мои, справились! Мы это обязательно отметим, но многое еще впереди. Всем раненым я приказываю – именно приказываю – идти в больницу. Там уже наши, вас проводят. А все остальные должны не расслабляться!

Мы захватили основные здания, подполье сделало остальную работу. Скорее всего, информация не вышла из города. На дорогах стоят наши люди и контролируют, чтобы никто отсюда не вырвался. Найдутся в городе те, кто, даже не будучи на службе у режима, решат в своих шкурных интересах выслужиться у власти, пойдет стучать и звать на помощь. Я уверен, что враг сюда прибудет... Но надеюсь, у нас будет

достаточно времени, чтобы подготовиться. Снайперы должны занять точки на крышах зданий по основным маршрутам. Вот карта. Мы вооружим подполье, тех, кто готов выступить. Надо собраться, подлечиться, занять позиции и отдохнуть. Спать будем поочередно. Силы на завтра нужны... Командиры ко мне, обсудим план. Остальные – ложитесь, отдохните.

Все разошлись, кто-то не мог успокоиться и рвался в бой. Но все уже стихло. Горожане выходили на улицы, иногда даже в домашних тапочках, зеваки оглядывались по сторонам и не понимали до конца – сон это или нет. Партизаны обсуждали план, и вскоре все были на своих позициях и начеку. Мосты подорваны, часовые на своих местах за городом на всех основных направлениях, параллельно производилось минирование окрестностей.

Воздух был густой от дыма и пыли, сильно пахло порохом. Недалеко протекала река. Окружающий лес, несмотря на все произошедшее, затих, а мелкие зверьки сновали среди упавших ветвей. Тишина после битвы была жуткой, но в то же время мирной – напоминание о том, что даже на войне бывают моменты передышки. Когда наступила ночь, звезды мерцали над головой, словно крошечные маяки на темном небе; напоминание о том, что красота все еще существует среди хаоса и разрушения.

Новая жизнь

Нельзя было сказать, что граждане страны уже у цели, у светлого будущего. Но начало положено. Кажется, что скоро всех ждет новая жизнь. Рассвет наконец пришел, и эта страшная ночь уже была позади. Люди отдохнули, но молодые бойцы были в тяжелом состоянии, многие впервые столкнулись со смертью лицом к лицу. Птицы парили и воспевали этих храбрых людей – это был полковой оркестр партизан.

Вокруг все было тихо, неприятель пока не наступал. Видимо, там еще не знали о случившемся захвате, но их связь с местным правительством и с военными была оборвана, поэтому вскоре враг все осознает. Лесное сопротивление превращалось в городское, а мирные жители несли еду и цветы своим защитникам.

В больнице развернулась картина не такая радужная, многие уже здесь отдали жизнь за Родину. Кто-то мучительно стонал в дальней палате. Медсестры и врачи сновали по коридорам, большинство из них сегодня не спало и часа.

На койке у окна лежал парень с забинтованной головой, под капельницей. К нему пришел Трофим, высвободив время ради такого важного случая. Он принес Владу еды, все лучшее, что ему вручили горожане. Посидел рядом, еще раз сказал о том, как важен был его подвиг и сколько жизней он спас. После распорядился, чтобы врачи оказывали особую заботу этому бойцу. Влад не приходил в сознание, но был жив.

Командир партизанского отряда покинул госпиталь и тут же у входа к нему подбежало двое его людей. Мужчина постарше с сединой затараторил:

– Трошка, ты обалдеешь, мы нашли тоннель! Там! В воинской части, нам один из офицеров показал. Там здание отдельное в стороне, здоровенное, туда пути железнодорожные идут через вон тот мост. Солдаты сообщили, что приезжают поезда, заезжают в здание и тишина, потом поезд выезжает и в обратном направлении мчит. Внутри тоннель, и на путях ворота огромные-е-е, железные! Закрыты! Составы, значит, под землю там убегают в тоннель, и куда? Может, прям на базу их везут наше добро?! А куда еще? Но хрен знает, что в этих тоннелях может ждать... А если туда прибудет состав с армией «Креста»? Там наш командир, сотню человек сосредоточил. Сунется вражье, как думаешь?

– Мне местные говорили, что проезжают тут поезда, их грузят товарами с местного завода, потом составы выезжают из военной части и назад по мосту. Верно, везут через ворота часть поставок к себе. Думаю, таких мест несколько недалеко отсюда, и на одно из них мы и наткнулись. Перевалочный пункт, значит... Командир части убит, поэтому ведите туда мэра Тучкова и его шушера всю. Я сейчас пойду проверю своих ребят и к вам.

Закончив говорить, Трофим побежал в сторону баррикад, где сидели его бойцы на одном из выездов из города. Распорядившись и поставив Шустрого за главного, он сел в машину, которую они взяли у местного чиновника, поспешил к тем самым железным воротам. Мосты были взорваны, поэтому он перебрался на противоположную сторону реки через единственный оставленный ими железнодорожный мост. Тот тоже был заминирован, но оставлен пока на всякий случай под караулом нескольких бойцов.

Исполинское бетонное здание стояло у леса, внутри стен военной части, под надежной защитой сторожевых башен. Вокруг бродили партизаны и местные солдаты, переговаривались. Трофим зашел внутрь. Офицер из этой части и группа чиновников в жеваных запачканных рубашках и блузках стояли и что-то бурно обсуждали. Железнодорожные пути шли под наклоном вниз, и упирались в громадные ворота.

Трофим устремился прямо к ним и, позвав за собой военного и мэра, стал говорить:

– Капитан, я рад, что Вы к нам присоединись и отдали приказ своим не стрелять. Сейчас нам надо понять, что делать. Я дал распоряжение нашим связаться с руководством, но пока сигнал по радиостанции дойдет, пока расшифруют... Давайте думать. Тучков, так Ваша фамилия?

Он повернулся к градоправителю. Это был полненький, низенький человек с лысиной, который впервые в жизни начал день не с сытного завтрака и прослушивания джазовой музыки, а от пинка партизана. Он всю жизнь был приспособленцем, потому успел посидеть в кресле чиновника и при старой власти. Верно нес свой долг и, чтобы выслужиться доносил на всех на кого мог, перевыполнял планы, служил во благо не народа, но руководства, а в конечном итоге и врага из внешнего мира.

Тучков, запинаясь, начал:

– Я Тучков Сигизмунд Алексеевич, служу тут главой города, значит, стараюсь, помогаю кому могу.

– Послушай ты, гадина, знаю, как ты там стараешься, по делу давай. Что это за место, что за ворота, когда сюда придет поезд? Одно неверное слово почую – удар прикладом в

живот, – ответил ему Трошка с нескрываемым презрением.

– Ладно-ладно! – задремал мэр, – не надо грубой силы! Сюда прибывают поезда с востока, крытые вагоны. Заезжают в эти ворота и увозят все куда-то. Я правда не знаю, как открыть ворота и что там дальше. Вы генерала застрелили, он тут заведовал... Я лишь знаю, что в 14:00 должен прибыть поезд. Иногда в этом здании происходит погрузка товара. Пару вагонов загружают и все. Я не виновен! Сразу говорю! – Сигизмунд попытался закрыть руками на всякий случай.

Партизанский командир повернулся к бойцам:

– Через два часа здесь будет поезд, если, конечно, там у них еще не врубились, что город вышел из-под контроля. Раньше целые города не брали, могут так быстро не сообразить. Поэтому готовимся к приезду, а там будь как будет. Принесите сюда ящики с завода, да побольше. Приказываю спрятаться за них самым опытным бойцам. Остальные должны занять позиции на смотровых башнях, в бараках. По местам. Мэра и его банду под прицел. Я остаюсь здесь.

Как только Трофим закончил речь, все тут же бросились исполнять приказ. Его беспрекословно слушались, он был опытным партизаном, прошедшим через многое, был одним из тех командиров, кто напрямую имел связь с «Севером»

в Сибири.

Вскоре гражданские привезли сюда много здоровенных деревянных ящиков. Грузовик заезжал прямо в здание. Партизаны заняли позиции, солдаты стояли на вышках. Тем временем в лесу прыгали белки и щебетали птицы. Тихо. Ничто не выдавало присутствие здесь сил, захвативших город.

В два часа дня поезд пронесся через мост, и снизив скорость, приближался тихонько к этому зданию. Наконец, локомотив и несколько вагонов оказались внутри. Железная дверь начала шумно раскрываться, проход в подземный тоннель открыт. Неизвестно, что там внутри их ждет. Один из рабочих был отправлен, чтобы подойти к локомотиву. Он подошел и стал кричать машинисту: «У нас тут поставка, вон коробки стоят! Сказали погрузить! Что значит не сегодня погрузка? Мне сказали доставить, я доставил! Глуши мотор!»

Машинист громко ругался в окошко матом и жестикуляцией давал понять, что это все ерунда какая-то, мягко говоря. Вот локомотив стих, и из первого вагона, железные двери которого с грохотом распахнулись, выскочило несколько вооруженных людей в черной форме со странными шевронами на рукавах. Они стали оглядываться, один из них пошел к выходу и аккуратно осмотрелся. Часовые стояли на вышках,

все было тихо. Жестом дал команду остальным.

Один из этих черных парней в балаклаве подошел к рабочему, взял его за шиворот и на ломаном русском языке, с сильным акцентом стал ругаться:

– Ты кто? Какой черта тут происходит? Сегодня вторник. Какая поставка, вы, идиоты, совсем время потеряли в свой дыре, а? Я тебя лично застрелю!

В этот момент партизаны, понимая, что могут потерять драгоценные секунды, ринулись в бой. У них была фора, поэтому несколько иностранных бойцов были застрелены сра-

зу. Машинист стал судорожно шевелиться в кабине, чтобы двинуть состав вперед. К нему подбежал один из людей Трофима и, угрожая дулом автомата, требовал поднять руки.

Тот резко вытащил пистолет и выстрелил в парня с автоматом. Тут же из бойницы первого вагона последовала стрельба. Трофим очередью застрелил машиниста, открыл ответный огонь по вагону. Кто-то из партизан тут же упал на землю, другие заняли позиции за ящиками.

Трофим перекатами приблизился к вагону и прижался к металлу, на принятие решения было несколько секунд. Он тут же засунул – не бросил, иначе бы не попал в узкую бойницу – гранату внутрь. Шумный взрыв покачнул бронированный вагон, изнутри повалил дым. Наконец, все стихло.

Непонятно было, есть ли в других вагонах еще военные? Как быстро их руководство узнает обо всем и примет меры? Командир оглянулся: пара убитых, один раненный. Распорядился, чтобы один из его людей побежал за помощью и врачом. В голове его была куча мыслей, но ничего толкового так быстро придумать не получалось. Остальные его напарники побежали вдоль состава осматривать поезд. Трофим пытался попасть внутрь локомотива, но дверь была заперта, а стекло оказалось бронированным, и тот факт, что он через маленькое слегка приоткрытое окошко смог попасть в лоб ма-

шинисту, казался чудом. Тут же прибежала подмога около тридцати человек.

Трофим скомандовал:

– Поезд взят! Найдутся среди вас те смельчаки, которые сядут в него и отправятся в тоннель, который больше похож на врата в ад?

Но тут его речь была прервана – ворота стали с шумом закрываться:

– Какого черта! Остановите их, вставьте что-то тяжелое между дверей!

Но было поздно. Они остались стоять здесь, как и два часа назад, только рядом были поезд и двое их убитых товарищей, а противник, видимо, уже все знал. Скоро информацию получит и Москва. Надо готовиться. Через несколько минут другой точно такой же состав с вагонами должен был выехать из туннеля и устремиться в грудь России за своим уловом. Но это рейс отменен.

– По позициям, все! Живо! – закричали командиры.

Толпа ринулась из здания. Лишь несколько часовых были оставлены у ворот, тут же установлен пулемет, чтобы в случае чего горячо встретить противника из туннеля. И пока в

городе партизаны и вооружившиеся горожане бегали за командирами, занимая позиции, во всей стране, а точнее, в кабинетах высшего начальства Москвы, в посольстве и на базе «Псков» царил хаос. Механизм был запущен. Пошел обратный отсчет.

Москва

"Симпатия – это когда нравится внешность, влюблённость – когда нравится внешность и характер, а любовь – это когда нравятся даже недостатки."

Антуан де Сент-Экзюпери

Утром того дня, когда ворота были обнаружены, в Москве все было спокойно. *Летний день был похож на сбывшуюся мечту. Город наполнен бурлящей энергией людей, гуляющих по улицам, наслаждающихся теплым солнцем и свежим воздухом. Небо потрясающего синего цвета, усеянное пушистыми белыми облаками, которые добавляют текстуру пейзажу. Улицы наполнены запахом цветущих растений, а деревья дают тень от дневной жары. Птицы поют свои веселые песни, порхая с ветки на ветку, создавая умиротворяющую атмосферу. В парках по всему городу можно увидеть семьи, устраивающие пикники на или играющие вместе во фрисби.*

Паша шел с Верой рука об руку, они наслаждаясь всем, что могло предложить это лето. Павел не мог не поражаться тому, как иначе выглядит его любимый город под таким прекрасным небом; он казался почти волшебным по

сравнению с его обычной серостью.

– Вер, как удивительно, что город, который чаще всего охватывает смог заводов, и здания которого тихо приходят в упадок, умудряется оставаться приятным. А все благодаря природе. Солнце – это единственное, что у нас осталось за пределами купола... И прекраснее него можешь быть только ты, – парень уже не смущался, как раньше, но неловко потер шею. – Знаешь, с тех пор как мы съехались, несмотря на наши небольшие ссоры, я стал счастливее. Мне кажется, любовь между нами сильнее чем когда-либо.

Его спутница взяла Пашу за руку и посмотрела ему в глаза. Она произнесла множество приятных сердцу слов о своей любви к нему, о том, как не представляет жизни без него и как он изменил ее жизнь. Они говорили о красоте Москвы, о парках, реках и людях. Вера говорила о том что ей приносят огромное счастье такие простые вещи, как совместное приготовление ужина, чтение книг вслух по вечерам и прогулки вдвоем.

Она посмотрела на него, улыбнулась и говорит: «Паша, я так тебя люблю. Я даже не могу объяснить, как сильно».

Она обняла его и продолжила: «Это лето было прекрасным. Я ценю и время, проведенное вместе за развлечениями,

и нашу работу, наш путь. Ты сильно переменялся. Отважился бы ты броситься со мной в случае чего за город, оставить все, вести борьбу? Если придется. Вижу – согласен. Знаю».

Она делает паузу на мгновение, прежде чем продолжить. «Я знаю, что ты был застенчив, когда мы впервые встретились, но посмотри на себя сейчас, на нас! Ты делаешь меня такой счастливой, а знаешь, что еще делает меня счастливой? Приходить домой к тебе каждый вечер после работы, знать, что у меня есть кто-то, кто любит меня так же сильно... это неопишное чувство».

Паша с восхищением смотрит Вере в глаза и кивает головой, соглашаясь с ее словами. Он крепко обнимает ее за талию и нежно целует в лоб.

Молодой человек и вправду изменился за эти месяцы. Он стал более открытым и решительным, его жизнь, не имеющая цели, сразу обрела две: заботиться об этой девушке и вместе бороться с несправедливостью. Активно участвовал в деятельности сопротивления, брал на себя риск. Недавно в конце смены вместе со своими братьями загружал в машину ящики, в которых, в том числе, было и оружие для партизан. Охрана подкуплена, впрочем, некоторые были на их стороне по своей воле.

Паша приходил на собрания, которые обычно происходили в квартирах его новых друзей, но чаще всего все встречались у Макса. Самый талантливый в своем деле, хороший оратор, крайне коммуникабельный и сообразительный. Его друг, годами находясь в подполье, оставался не рассекреченным, вербовал новых людей и имел прямую связь с «Севером». Все распоряжения поступали от Максима, но он был не рядовым эффективным работником, а настоящим идеологом, зачастую сам выступал автором инициатив движения. Надо сказать, что именно проповедники, подобные Максиму, двигают нашим миром. Но гениальные ораторы – это и Сократ со Стивом Джобсом, и Гитлер с Геббельсом. Разница в результате их труда же колоссальна. Если в руках такого невероятного по мощи инструмента, как слово оказывается судьба человечества, а сознание говорящего извращено, происходит катастрофа.

Внезапно в одном из переулков возникла суматоха. Толпа озиралась на несколько белых внедорожников, какой-то невиданной модели. Кортёж двигался по направлению к Кремлю. Павел нервно взглянул на Веру; он подозревал, что этот визит может означать перемены в будущем его страны...

В кабинете у Градова в коричневом хрустящем кожаном кресле сидел посол Мэтлок. Он с недовольным видом резко

вдруг открыл окно и запустил теплый летний воздух в эти залы. Достал сигарету, закурил и медленно начал свою речь:

– Алексей, мы с Вами накануне говорили о приезде ОБС в ваши края. И вот они уже должны быть тут. Помните, что я говорил Вам? Вы помните инструкции?! Мое начальство будет недовольно, если что-то пойдет не так... Пройдемся еще раз по всем пунктам. Ваши люди в гражданском должны подойти к комиссии и поговорить с ними. Их будут снимать на камеры. Через десять минут дайте команду. Во-вторых, на Театральной в 12:00 группа должна выйти на митинг, проконтролируйте. Я надеюсь, милиция уже на позициях? Я сейчас отъеду, пообедаю и буду там четко ко времени, а Вы пока сидите тут. Постановка несложная, должно получиться. Я ухожу. Вы мне надоели своим скучным видом.

Мэтлок не стал ждать ответа президента и молча ушел, предварительно затушив бычок сигареты о подоконник. Звенящая тишина повисла в воздухе. Градов прокручивал в голове план. Затем президент позвал заместителя и приказал, чуть ли не крича, отыгрываясь за извечное унижение от посла, чтобы все группы выходили на позиции и следили за временем.

Наконец, к Кремлю подъехали несколько бронированных белоснежных джипов. Делегация вышла, среди них были и журналисты. Толпа отправилась сначала на Красную пло-

щадь, ведь это такое популярное место у туристов, особенно – иностранных. Фотографировали Васильевский собор, обсуждали мавзолей. Купола храма блестели на солнце, и сейчас это величественное яркое строение выделялось на фоне города как никогда. Он уцелел и при большевиках, остался и сейчас, его фасады даже поддерживались в сносном состоянии, потому что ну очень нравился этот храм Алексею Градову.

Когда-то рядом с ним стоял памятник Минину и Пожарскому, но еще в конце 90-ых его под шумок убрали в запасники Кремля. Ведь у людей, гуляющих здесь, лишний раз невольно бы возникал вопрос, почему тогда, 400 лет назад, эти люди спасли Москву, их государство от польских интервентов, заседавших здесь же в кремле, а сейчас мы снова под игом иноземцев? Только на троне не польский принц, а русский президент, но ничего от этого сильно не меняется. Параллель просится и между боярами новыми и старыми.

В далекое и мрачное Смутное время польские захватчики с Лжедмитрием I захватили власть. Позже его сменил Шуйский, но бояре, стремясь оставаться у власти и не терять капиталы, решили заручиться внешней поддержкой, воспользовавшись распрями в собственном государстве. На трон приглашен 15-летний принц Сигизмунд III, ему присягнули на верность элиты, народ безмолвствовал. Однако для новой

власти русские были лишь северными дикарями. В московских храмах польские солдаты начали снимать ризы, украшения и убранства из драгоценных камней и жемчуга. Заграничные дорогие гости быстро богатели, а влиятельное Московское государство оказалось в окончательном упадке, фактически прекратив свое существование в нынешнем бессилии. Минин и Пожарский осадили Кремль, а иностранцы от голода стали есть все, что было. Даже вываривали найденные пергаменты, получая из этого растительный компонент. За кремлевскими стенами находились и наши граждане, которых взяли в заложники. Началось людоедство, и как писал потом вражеский полковник Будзило, присутствовавший в те дни в Кремле, «господа питались слугами».

В конце концов это все закончилось, страна обрела суверенитет, люди выдохнули, не зная о том, что спустя несколько веков новые людоеды станут их хозяевами, президентом – а лучше сказать – исполняющим обязанности менеджера в международной корпорации был русский, потерявший совесть, а бояре... А мало чего изменилось. И только лишь Бог ведает, найдется ли новый Пожарский на наших широких просторах.

К членам делегации стали подбегать москвичи и тараторить, каждый свое. Телекамеры были переведены на них.

Мужичне в смешной шапке сказал:

– Вы иностранцы? Знаете, что тут твориться?! Этот узурпатор мучает нас. Еду не каждый может себе найти! Нас оби-
рают, убивают. Вы откуда? Вы из Европы? Снимите, расска-
жите всем. Мы все были бы уже мертвы! Если бы не вы! Дай
волю этим богачам – они у нас и крест нательный снимут, мы
знаем... Знаем же? Что вы наказали их, чтобы спасти мир, и
в то же время стараетесь помогать и нам. Давеча лекарства
купить не мог, но потом приехал поезд от вас, хоть что-то
появилось. Ваши военные тут, помогают иногда, наших за-
щищают. Мы одолеть должны этих иродов, кто у власти на-
шей встал!

– Я! И я хотел сказать! – начал перебивать другой муж-
чина, – доколе это будет продолжаться, помогите нам спра-
виться! Вы всегда помогали и стараетесь дать нам, просто-
му народу, хоть немного продышаться. Если мы снесем эту
шушеру, которая вон там сидит, – его указательный палец
был переведен на красные стены, – мы посадим туда челове-
ка из нас, из народа. Выберем! Голосованием! И будет мир,
спокойно будет и вам, а там и купол снимете... А сейчас я
понимаю, опасно это! Но мы же можем бороться! С вами, а?

Толпа гудела, камеры снимали. Среди членов иностран-
ной делегации были переводчики. Где-то вдалеке по пери-
метру стояли люди в форме, оцепили площадь. Они не под-

пускали сюда простых зевак, их разворачивали еще на соседних улицах. Здесь были все свои.

Интервью закончились и толпа людей, настучавших о всех ужасах местной жизни, этой страшной власти, двинулась наконец прочь. В километре примерно, у здания бывшего исторического музея, они собрались вновь и получали от низенького человечка в сером тонкие конверты.

Делегация ОБС уже планировала зайти в здание, на входе стояла суровая охрана. Но тут к ним подбежал человек в синем костюме с иголки и на хорошем английском сказал:

– Я от посла Мэтлока! Пойдемте скорее, там митинг недалеко, люди вышли. Берите камеры и поехали!

Вскоре весь этот консорциум был доставлен на белых джипах на площадь перед Большим Театром. Благо, пробок в Москве больше не было как явления. Поток людей заполнил ее, горожане, размахивая транспарантами, выкрикивал лозунги. Негодование их было нацелено против Градова. Крики заполнили пространство. Народ стали окружать омоновцы. Делегация стояла в стороне и наблюдала, а их репортеры с камерами побежали к толпе. Начался бой. Дубинками и щитами наносились удары, и протестующие стали разбегаться. Грохот заполнил пространство, раздалась автоматная очередь и несколько протестующих рухнули на землю.

Видеокамеры снимали этот кровавый хаос, но кто-то из операторов уже убежал, не желая попасть в эту страшную стихию.

Некоторые из протестующих не сдавались и даже будучи схваченными продолжали кричать:

– Долой Градова! Даешь демократию!

Откуда ни возьмись появился Мэтлок и несколько вооруженных его охранников в черной форме и в балаклавах. Посол начал громко кричать в транспарант, пытаясь собрать на себе внимание. Тут все притихли, даже милиция замерла в ожидании. Он начал речь:

– Я здесь представляю внешний мир. Я старался остановить эту войну и лично говорил с Алексеем Градовым. Все тщетно! Мы не желаем зла простому народу. Мы, весь мир, что за куполом хотим справедливости! Мы хотим добра вам.

Все стихло. Огромный бушующих механизм был оставлен и растаскан по автозакам, кто-то бежал. Мимо этой вакханалии, на небольшой дистанции сновали по тротуарам испуганные и недоумевающие прохожие, некоторые из них входили в ряды сопротивления, но и они не понимали, почему это происходит здесь и сейчас. Никакой информации о планирующихся забастовках не поступало, на стихийный митинг это было мало похоже. А главное – не присутствовало

лозунгов про купол, про «Крест». Иностранные гости были в ужасе. Они нервно переговаривались, некоторые осмелились подойти к силовикам, но ответа не получали. Их шокированная компания расселась по джипам и кортежем помчалась к президенту.

Прямо у дверей их развернули, охрана грубо приказала им:

– Проваливайте. Градов уехал. Вам нечего тут делать.

Завязалась перебранка, но все было тщетно. Делегация вынуждена была ретироваться. Перед тем как отправиться осматривать объекты, они пожелали собраться в гостинице и провести совещание. Тем временем застреленные несколько минут назад протестующие, встали с тротуара, отряхнулись, потянулись устало и осмотрели свои рубашки, забрызганные краской. Вскоре площадь опустела.

Делегация сидела в президентском люксе, обсуждала эмоционально сегодняшний день. Спешили поскорее опубликовать материалы о том, как под куполом диктатор унижает свой народ и как этим людям необходима внешняя поддержка, там их единственная надежда. С грустными, озабоченными проблемой лицами, они пили шампанское из хрустальных бокалов. Иностранцы не догадывались о театральной постановке, разыгранной перед ними, как зрителями это-

го спектакля, не знали и о потрясениях, которые сотрясали окраины страны в эту минуту.

В то время двое молодых влюбленных уже вернулись домой, до них еще не долетела новость обо всем случившемся. Вера готовила ужин и напевала что-то себе под нос.

– Хочешь интересный факт? – подошел к ней сзади Паша и приобнял осторожно, стараясь не мешать, – слышала же, что грецкие орехи, будучи похожими на мозг, по поверью считаются соответственно полезными для оного? И еще в одной из самых первых великих цивилизаций – в Древнем Вавилоне – считалось, что употребление грецких орехов способствует повышению интеллекта. И потому их не разрешали есть простым людям, чтобы они не поумнели и не смогли, ну, к примеру, свергнуть власть.

Вера повела головой в удивлении и продолжила варить суп. На улице было хорошо, солнце успевало заглянуть в окна. Впереди еще несколько беззаботных часов выходного дня. Дома царил покой, а на улице – праздник природы.

Отвратительные вести

Под вечер в высоких кабинетах столицы воцарилась паника. Всем было наплевать уже на приезд ОБС. Посол вызвал к себе в резиденцию президента и судорожно расхаживал по комнате. В распахнутые двери забежал Градов. На него давно так не кричали, и он был взволнован сильнее обычного.

– Что происходит?! – начал орать Мэтлок, как только увидел Алексея. – Ты что натворил! Мне звонили с самого верха. Эти ваши партизанчики лесные превратились, видимо, в армию! Они взяли целый город под контроль, рядом в Псковом, где идут тоннели. Они поезд наш захватили, тварь ты такая! Поэтому тебе и говорили, передавали наши, чтобы вы аппетиты умерили, людям больше чуть продыху давали, пропаганда ваша тоже хреново работает, как и разведка! Чего вы допустили, армий в лесах? Оружие откуда у них? Но главное! Какого черта я узнаю об этом сейчас?! Город был взят ночью, или утром, или еще раньше! И первым об этом узнает, – посол нервно засмеялся, – наш штаб, а не ты! Ты здесь вроде главный, или что? Почему ты не знаешь, что у тебя в городах происходит, как такое возможно вообще?

Он орал так, что чуть ли слюни в президента не летели.

Тот стоял напуганный, растерянный, пытался что-то вымолвить, но это было не очень похоже на связанную речь.

И все же он собрался с силами:

– Я же, я же все под контролем держу. У них электричество, наверное, пропало, связь была потеряна, мне даже еще не доложили. Я хотел...

– Сейчас сюда придет заместитель директора по вопросам России Андриус Петраускас. Мне приказано отдать часть полномочий. И я буду каждый день вести теперь с тобой диалог! Мне это знаешь, вот где! – ладонь посла билась под подбородком.

В кабинет зашел уверенной походкой Андриус. Он смотрел холодным взглядом, держал самообладание. Эмоции не читались на его лице. Гладко выглаженный костюм-тройка, аккуратно зачесанные волосы, выбритое лицо, он, как всегда, сиял.

Андриус начал говорить, не повышая тон, очень строго и сухо:

– Алексей, Джек, слушайте внимательно. Во-первых, я сверху наделен правом контролировать каждое ваше действие и раздавать вам распоряжения. Во-вторых, мне поручено возглавить вашу армию. Наши бойцы с базы «Псков»

тоже выдвинутся к повстанцам – там есть свое командование, имеющее опыт, прошедшее горячие точки.

Времени на подготовку у нас нет, поэтому сегодня же в штабе меня должны ждать генералы, президент. Если у вас есть рекомендации, если там могут быть ненадежные люди – доложите мне немедленно. Утром выдвигаемся. Войска будут переброшены по железной дороге, с той стороны пойдут нам на встречу подразделения CROSS. Будем брать в тиски.

У меня вызывает сомнение верность Ваших войск... – Андриус прищуром взглянул на президента, – поэтому из офицеров и наших людей будем формировать заградительный отряд. Думаю, мне не стоит вдаваться в объяснения. Солдатам нужно будет выплатить жалованье прямо завтра утром, и если хоть копейка пропадет, то отвечать будете лично Вы. Я сегодня проверю оружейный арсенал, поговорю с офицерами. Таких инспекций давно не было: какое-то время Вам удавалось избегать крупных военных конфликтов, но сейчас все это под моим контролем, доверять тут никому нельзя, я уже понял.

Также я дал распоряжение агенту Паулюсу вернуться в Москву. Пока я занят войной и буду выжигать партизанские логова в лесах, он будет здесь моим заместителем. Вопросы?

Еще около получаса эти трое вели бурные обсуждения. Спать, кажется, никто и не планировал. Наконец, все разошлись. На улице смеркалось, все эти крики были спрятаны

за стены, а в городе было спокойно. Градов поздно ночью приехал в свой дворец, который он скромно называл дачей. Помещений в дачном домике было около тысячи, впрочем, их никто и не считал. Двести сорок балконов и целая армия колонн и карриатид украшали фасады.

Сквозь роскошные сады к дому стекалась на шабаш свита. Были тут лишь самые значимые, достойные члены общества: заместитель президента, генералы, советники, министр национальной безопасности и министр правды.

Градов рвал и метал. Шли бурные обсуждения, которым не было конца. Чиновникам было дано распоряжение немедленно начать чистки в органах, устроить допросы, обнаружить и задержать оппозицию, запустить пиар-программу в СМИ, а главное – подготовить войска к наступлению и рейдам по лесам. Придворные дрожали и внемли покорно всем словам президента, зная, что у того требование по отношению к ним простое: «Уважение и преданность, преданность и уважение».

Сова на дереве ухнуть не успела, как весть о совещании и партизанской борьбе захватила Город-1. Улицы были освещены теплым светом фонарей, зеленые изгороди блестели от росы. И вот опять Манчилов, амбассадор сплетен, бежал, вернее, переваливался с ноги на ногу. Он гордо нес яркую

бабочку на шее и сплетни на языке. Калитка открылась – за ней стоял Собакевин в расстегнутом сером халате, одетым поверх грязной футболки и трусов. Он не скрывал недовольства и не испытывал стеснения из-за своего вида.

– Я с вестями! Простите меня, мой друг, что я в столь поздний час! Я зайду?! – не сказал, а выплюнул Алексей Павлович Манчилов.

Собакевин кивнул устало головой, впустил гостя к себе на участок. Фонари, расставленные вдоль дорожек, не горели, уже давно сломалось освещение в саду, и никто с ним не планировал ничего делать.

Хозяин, ведя сплетника за собой, потопал в шлепках на босу ногу не в сторону дома, а к беседке, где стояли гриль, печь, столы, куча разной посуды. Владелец всего этого добра сел в плетеное кресло, выдохнул шумно, оглянул зону готовки и наконец сосредоточил свой взгляд на госте, будто говоря своим взглядом: «Ну, что ты от меня хочешь?». На вертеле, над жарким огнем, готовился весьма увесистый поросенок. Кажется, скоро ужин должен был принести удовольствие в этот дом.

– Гостей ждете? Какой ужин у вас планируется! Вот это да! – воскликнул Манчилов, будто позабыв на мгновение о

цели своего визита.

– Да нет... С женой покушать собираемся. Она там в доме хлопочет, закуськи готовит. Ну, точнее, прислуга готовит, а она контролирует. Она у меня такой повар, хоть куда! Да, хороший выбор сделал...

– Я по делу же! Вы слышали уже?! Я получил и...

– Ревизор?! – прервал его Михайло.

– Какой ревизор? Что? Нет... Город захватили, «Крест» в бешенстве, президент злой как собака. Сидит прямо сейчас у себя, у него собрание! Будут казнить! Ну, пока непонятно... Но процесс запущен, чистки ждут! Армия сейчас будет формироваться! Деньги туда направляют все, национальные проекты прикрывают, по всем ведомствам проверки будут, не дай Бог и до нас дойдут. Война планируется! Настоящая! Трон шатается и все мы сидим же под ним! Как инженеры под мостом. Вы слышите?!

Собакевин очень громко вдохнул, пытаясь, кажется, поглотить весь воздух, который находился на принадлежащей ему территории, прежде чем выдохнуть, произнося: «Да-а-а...». На пару секунд повисла гробовая тишина. Впервые за долгие годы что-то смогло привлечь Михайло больше, чем

еда. На вертел никто не обращал уже внимания.

Владелец этого прекрасного ужина ударил кулаком по столу и сказал:

– Что за бестолочь! Кто за порядком должен следить? А нам отвечать?! Негоже! Что за свиньи...

Тут он замер. Сказав последнее слово, вспомнил про главный объект его внимания, а посему оглянул вертел и стал двигаться, кряхтя, чтобы прокрутить его. Гость повел головой в удивлении, глядя на это беззаботное действие. Он опешил от хладнокровия, которое быстро пришло на смену недовольства.

– Ну Вы даете! Мне бы Ваше спокойствие... Ладно, я Вам все сказал, пойду-ка к Ноздрину. Учтите, я же за Вас, как за дорогого соседа, беспокоюсь.

После этих слов Манчилов поправил бабочку и пошел к выходу своим слегка нелепым шагом.

Городок захлестывал хаос. Ладно там приезжий ревизор, но внутренняя война явно несла за собой значительные перемены, многие это понимали. И к утру каждый важный житель знал обо всех нюансах, ходило среди них намного больше фактов, чем было сказано у президента на самом деле.

Исправно работал испорченный телефон. Манчилов пришел домой, распорядился прислуге принести успокоительное и зашаркал в меховых тапочках на второй этаж. Долгий путь по коридору мимо нескольких десятков дверей гостевых спален и служебных помещений в конце концов привел его в опочевальню. Он лежал в кровати и думал: «Пора сменить режим...».

И правда, в последние дни он стал поздно ложиться, а здоровье-то уже не то. Надо что-то менять.

Элиты, потерявшие связь с реальностью, могут заниматься коррупцией, игнорируя насущные потребности людей и своей деятельностью увековечивать неравенство. Под влиянием этого класса правительство и институты отдают приоритет эгоистичным целям, а не благополучию граждан.

Основные услуги, такие как образование, здравоохранение и инфраструктура, могут недофинансироваться или плохо управляться, что приведет к бедственному положению населения. Кроме того, в стране может развиться культура, игнорирующая интеллектуализм и художественные занятия, что может помешать созданию экономики, основанной на знаниях, и затормозит ее общее развитие.

Мелкобуржуазная идеология элиты характеризуется отсутствием четкой направленности и цели. Это видно по тому, как они часто принимают решения, исходя из краткосрочных соображений, а не долгосрочной стратегии. Они часто используют реактивный подход к политике, реагируя на события по мере их развития вместо того, чтобы предпринимать активные шаги для формирования будущего. Вот и сейчас паника началась только тогда, когда возникла острая проблема, и на нее обратили внимания самые верха, хотя предпосылок всем этим событиям была масса. Годами уничтожалось будущее и вот наконец реакция.

В Москве царила тихая и теплая ночь, а легкий ветерок приносил прохладу. Улицы пусты, лишь изредка проезжают черные огромные машины. Вокруг этих дорог стремятся в небо высокие здания, в их окнах темно и тихо. Большинство людей рано ложатся спать, но некоторые из все еще наслаждаются прохладой летней ночи. Небо окрашено в оттенки темно-синего и пурпурного, а звезды мерцают над головой.

Члены подполья знали о событиях в центре города, их лидеры понимали, что вся эта срежиссированная сцена с митингом была представлением для иностранных гостей, но не до конца осознавали последствий, будут ли они. В это время представители силовых структур сновали по городу в своих служебных авто. Кому-то позвонили поздно ночью в дверь.

А Павел и Вера лежали в постели, тихо разговаривая о своих планах на завтра, крепко обнимая друг друга. Вскоре сон одержал верх. Стихло.

И снова здравствуй, внешний мир

Яркий, солнечный день пришел наконец и в эти края, но атмосфера в некоторых кабинетах была напряженной. Им надо было немедленно обсудить, как реагировать на эскалацию ситуации, их тоже обуревают страх. Все они для Градова были богами с олимпа, которых он даже не видел, но и они были шестеренками огромного механизма.

Местность вокруг города зелена в лучах солнца, поля блестят после дождя. Вдали виднелись древние каменные здания маленького городка. В это время люди в костюмах собирались на важнейшую встречу, мысль о том, что контроль над Россией может быть потерян не давала никому покоя.

Птицы сладко пели на верхушках деревьев, под лазурным небом, усеянным белыми облаками, медленно плывущими, как сахарная вата в летний день. Природа как будто и не подозревала, что произошло.

Заседание началось. Это было уже не то кулуарное собрание, которое происходило в помпезной зале несколько дней назад в 930 километрах отсюда. Около сотни людей в просторном помещении. Эмоциональные споры неразборчивым

шумом заполнили все пространство вокруг. Многие из них только что прибыли из-за океана. Каждый из находившихся здесь осознавал важность этого дня.

Генеральный секретарь, дождавшись тишины, властно и уверенно начал речь:

– Я попрошу внимания, леди и джентльмены. Понимаю вашу взволнованность, но эмоции не помогут делу. Как вы все знаете, внутри страны происходят восстания. Важно сохранить ситуацию под контролем, сохранить влияние, а для этого требуется подавить сепаратистские партизанские движения.

Его слова встречают одобрительные кивки со всего зала.

Генсек:

– *Сейчас мы определяем какие шаги должны быть предприняты для достижения своих целей: усиленное наблюдение и сбор разведывательных данных о сепаратистских группах, более агрессивная дипломатия и все возможные санкции в случае необходимости.* Сепаратисты посягают на нашу собственность: захвачен поезд, частично отрезаны поставки, попытки захватить базу Кавказ, подорван газопровод. В ответ на посягательство на законно размещенные там объекты должно быть приняты меры. Как говорил Уинстон Черчилль: «Больше всего русские восхищаются силой, и нет

ничего, к чему бы они питали меньше уважения, чем к военной слабости.» Мы не должны быть слабыми, требуется обсудить возможность отправки ЧВК внутрь страны.

В зале одобрительно кивали. Спикер продолжал речь:

– Необходимо в это время поддерживать прочные дипломатические отношения с другими странами, весь мир должен работать вместе, чтобы предотвратить возникновение любых потенциальных угроз. Градова и всю верхушку следовало бы призвать к ответственности, судить и помочь народу устроить новые демократические выборы, но с этим придется повременить, пока ситуация в стране не успокоится. Их и нашему народу нужна стабильность.

Затем генеральный секретарь перешел к обсуждению планов организации по экономическому развитию, системе распределения в России и прилегающих к ней регионах. Он особо отметил приверженность организации поддержанию мира с помощью дипломатии. Поднимался и вопрос о наложении санкций на ряд стран, нарушающих резолюцию №22. Секретарь заверил присутствующих, что все меры, принимаются только после тщательного рассмотрения всех возможных результатов, как положительных, так и отрицательных.

Наконец, после некоторых дебатов и размышлений, все

присутствующие единогласно принимают резолюцию, в которой излагаются все шаги, которые необходимо предпринять для успешного достижения своих целей. После принятия этой резолюции собрание закрывается до дальнейшего уведомления, когда можно будет сообщить о прогрессе от каждой страны-члена, участвовавшей в успехе этой миссии. Все разошлись, зал опустел.

Этот невероятного масштаба проект под названием «Купол» выполнял сразу несколько задач. Одна из них – противодействие военному и экономическому развитию стран, которые претендуют на получения своей значительной доли от общего пирога.

Сначала рухнула Российская империя, и на ее место несмотря на то, что немногие в это верили, пришла новая, Советская империя, которая вновь лезла в дела моноцентрического мира. Пока не образовалась третья русская империя, нужно было идти на решительные меры. Они были воплощены в жизнь. Вместе с тем хорошо бы и заполучить ресурсы, которые так несправедливо разделены между странами на этой крохотной планете.

Можно предположить, что предпосылкой для создания организации «CROSS» послужила Фултонская речь. Разбит Гитлер, атомные бомбы уже стерли с лица земли Хиросиму и

Нагасаки, кончилась война. Настало время делить мир. Сэр Уинстон Черчилль в 1946 году отправился вместе с американским президентом Трумэном в город Фултон, где произнес речь, которую он сам назвал «мускулы мира».

В ней он озвучил следующее:

– Только говорящие на английском языке нации являются полноценными, призванными вершить судьбы всего мира. Члены альянса должны вместе реагировать на общие угрозы, разрабатывать оружие, обмениваться военнослужащими и предоставлять друг другу свои военные базы.

Особое место в речи Черчилля отведено и ядерному оружию. Британский политик предостерег от раскрытия информации о производстве и применении атомной бомбы. Позднее к союзу присоединятся и другие страны, ведь на той встрече в Фултоне говорилось о «мировом инструменте, поддержанным не только всей силой англоговорящего мира, но и всех его образований».

– Если западные демократические государства стоят вместе в строгом соблюдении принципов устава ООН, их влияние для содействия тем принципам будет велико, и никто не сможет помешать им. Если, однако, они будут разделены или колебаться в выполнении их обязанностей, и если эти важные годы пройдут без пользы, тогда, действительно, ка-

тастрофа может сокрушить нас всех.

И вот, коммунизма не стало, но остались актуальность идей и планы, которые реализуются, но не поддаются прямой огласке ртами политиков, делающих выбор в сторону длинных красивых речей.

Пока кто-то решал важные вопросы, миллиарды людей, населяющих нашу планету, просто жили. Им было все равно на международные политические игры, а порой – даже и на внутренние. Делала свое дело пропаганда, которую этим словом не принято называть на той территории, где она применяется, ведь это слово сейчас носит ярко выраженный негативный оттенок.

И да, в отличии от мира под куполом, здесь было множество СМИ, но большая часть из них была сосредоточена или находилось под некой степенью влияния от кругов элит, или же была подвержена все той же агитации. Людям показывали кадры, снятие той же миссией ОБС, демонстрировали и короткие постановочные, а иногда – нельзя об этом забывать – и правдивые видеоролики, снятые агентами на территории.

Снимались и художественные фильмы, в которых рассказывалось об ужасах, которые были предотвращены для всего мира благодаря храбрости и уму их правителей, о том, что

за мерзость происходит внутри этой проклятой страны.

Многие люди согласны с такой политикой, некоторые выражали недовольство. Были и целые страны, что выступали против. Все были усмирены. Большая часть населения Земли, конечно же, хотела жить спокойно, кушать, растить семьи и не думать о более глобальном. Нельзя сказать, что мир ликовавал от страдания россиян, о многих вещах они и не догадывались.

Государства же, стремившиеся к суверенитету, к многополярности, обвинялись в интересах разрушить хрупкий карточный домик, цветущий сад, построенный лучшими умами. Какая-то информация проникала из-под купола во внешний мир. Среди людей ходили слухи.

Для многих Россия была стерта с горизонта. Можно привести аналогию с прошлым: к концу 16 века наша страна на европейских картах была изображена как лес. Просто нарисованные деревья, никаких четких границ и городов. И речь не про 12-13 века, когда мы были на отшибе и под гнетом монгольских захватчиков. Но вскоре поляки пришли в Москву и, недооценив масштаба страны, духа, вскоре потеряли власть. В том же веке перед походом в Россию в Речи Посполитой тиражировали материалы с гравюрами-кариатурами – пьяные и злые дикари. Нас рисовали похожими на

турков и убивающими детей, тем самым рифмуя русскую и турецкую угрозу.

Такая демонизация врага всегда актуальна, и подобные инструменты использовались и Гитлером, в пропаганде которого советских людей рисовали как злых, круглолицых, узкоглазых монголоидов. Затем формы подобных приемов менялись, становились более филигранными, но суть не менялась. В 90-ых возникали последние попытки использования подобной риторики, а когда купол устоялся и все расслабились, то перешли к новой ступени – предание забвению.

А в замке, на зеленом холме в окружении пастбищ и лесов, все так же прожигал свою жизнь Михаил. *Порой у него возникало чувство ностальгии по родине. Он украсил свой дом русскими артефактами, которые напоминают ему о доме. Он часто ест и много пьет, словно чтобы заглушить пустоту. Днем он бродит по территории, любуясь красотой природы, а ночью сидит у камина, размышляя о том, что могло бы быть с ним, если бы в его любимой стране все пошло иначе.*

Его скудный бюджет не позволял даже завести второго повара, но он старался выжидать, иногда проводил время играя на пианино или в шахматы с друзьями, время от времени приезжающими в гости. Он хотел стать хорошим рус-

ским, но для всего мира за куполом он был никем.

Про таких мигрантов как он, в схожих ситуациях времен Второй Мировой войны писал все тот же выходец из Российской империи, один главных нацистских идеологов и функционеров Розенберг. Он активно выступал против сотрудничества с русскими эмигрантами. Он был убежден, что Белое движение, которое существовало тогда в Европе, – это бомба замедленного действия. «Они выступают за великую и неделимую Россию. А термин "великая и неделимая Россия" – это антигерманский термин. Так же, как христианство», – полагал Розенберг.

Еще из его античеловеческих высказываний можно отметить идею создания Украинской автономии, которая должна была выступить своеобразным противовесом всему русскому. Науськивание народов против друг друга – инструмент не новый. Но в конце концов, он сам, оставаясь министром восточных оккупированных территорий, фактически утратил контроль над ними, а Геббельс отнял у него весь сектор пропаганды.

Коровки мирно паслись на зеленых лугах, а пастух сидел на ступеньках старого каменного дома и кушал сэндвич. Он любовался садящимся за холмы солнцем и думал лишь о том, как здесь хорошо.

Слет партизанских школ

Бронированные машины чиновников и спецслужб рассекли по городу – им не нужны были мигалки, потому что пробок не существовало более, а лишний раз привлекать внимание людей не стоит. Служители закона искали шпионов, а бюрократический аппарат страны носился по ведомствам, наводил порядок и спасал свои пятые точки.

Серое небо висит низко, и дождь стучит в окна зданий. Улицы полны людей, спешащих по тротуарам с зонтиками в руках. В ненастную погоду, когда москвичи занимаются своими повседневными делами, царит атмосфера волнения. Улицы скользкие от воды, и звук грома эхом отдается вдалеке. А воздух насыщен влажностью, в воздухе чувствуется слабый запах мокрого асфальта.

В это время в старой квартирке в Савеловском районе Москвы царил атмосфера тепла и уюта, несмотря на ненастную погоду за окном. Комната освещена несколькими тусклыми лампами. Стены украшены различными плакатами. Среди собравшихся в этом уютном месте царит дух товарищества – друзья, разделяющие общие ценности и цели, объединенные стремлением бороться за то, во что

они верят.

Паша опаздывал, так как его задержали на работе, ребята ждали уже около десяти минут. Вот он спешит по ступеням на третий этаж. На лестничной клетке ему повстречался худой мужчина, в синем галстуке, в очках и с чемоданчиком в руке.

– Здравствуйте, – Паша со всеми старался быть вежливым.

– Доброго вечера, – услышал он уже отдаленно от Худенькова.

Дверной звонок был очень тихим, но это была не поломка – зачем лишний раз привлекать внимание соседей? Макс открыл дверь, приложил палец к губам и за руку затащил Павла в коридор.

– Здравствуй, друг. Сейчас надо быть осторожным и очень тихим. Ты же знаешь, что происходит? Пойдем, тебя ждали только, – сказал владелец квартиры без лишних эмоций, что было нетипичным для него. Было видно, как он взволнован.

В просторной комнате, которая служила и спальней, и гостиной одновременно, на старом потрепанном диване и сту-

льях около него сидела вся компания. Вера тоже уже была здесь.

Его в первые секунды даже не заметили, ребята были погружены в обсуждения. *Они рассказывали друг другу об облавах, которые прошли по всей их стране, обсуждали стратегии сопротивления. Несмотря на трудные обстоятельства, в которых они оказались, их разговоры пронизаны не страхом, а духом надежды – вера в то, что вместе они смогут изменить ситуацию. Несмотря на ненастье погоды снаружи, внутри этих стен царило чувство безопасности и солидарности, они собрались, чтобы поддержать друг друга и узнать о планах.*

– Но это же подлость! – где-то под боком выкрикнул Стас.

– Как там говорили в том фильме? «Одиссея капитана Блада», кажется... Сегодня подлостью в Англии никого не удивишь, она даже сидит на троне! – парировала Вера.

– Я все равно в бешенстве.

– Ребят, вы хоть с Пашей-то поздоровайтесь, – тут же встрял Макс, пытаюсь обратить внимание, – вежливость даже в чрезвычайной ситуации никто не отменял.

Все поздоровались, но, впрочем, эмоций в этих словах было немного. Все сосредоточены на их общем деле. Лишь Вера встрепелулась, желая вместе усесться на краешке дивана.

– Партизаны держат город, а скоро туда пойдет армия. Я не знаю их планов, но «Север» говорит, что держит ситуацию под контролем. Что же нам остается? Будем верить... – с заметной грустью начал объясняться Максим, – сейчас по городу идут облавы, и возможно на какое-то время эта встреча будет последней. Я даже думал бежать из Москвы. Есть местечко под Тулой, запасной аэродром для нас. Но пока что мы должны быть здесь и ждать инструкций. Будьте начеку, по всему городу шерстят шавки Градова, на предприятиях – особый контроль. По телику вот пустили речи о реформах. Да уж, вовремя...

– *Хуже врагов, могут быть только коррумпированные и некомпетентные правители,* – заговорил Паша.

– Да уж... Загнали нас в ловушку, что ли... – высказался и Гоша.

Георгий Градов, тот самый мэр скромного городка, давно состоял в их компании. Еще в Тимирязевском парке, когда они сидели в лесу на бревнах и играли на гитаре, этот неприметный парнишка в черной поношенной кофте позна-

комился с Пашей. Примерно тогда же влился в их ряды. И это было неудивительно, учитывая его постоянные вылазки инкогнито из Города-1 и своеобразный для чиновника характер. Он не раскрывал им своей фамилии, боялся быть отвергнутым, а то и вовсе – взятым в заложники. Не проявлял сильного энтузиазма и больше слушал, чем говорил. Хотя и от него можно было услышать емкую и здравую идею. Гоша представился школьным учителем, а ему и верили, благодаря образованности и умению произвести хорошее впечатление. О своей профессии и семье ему приходилось врать, но в остальном был честен. Младшему Градову, видимо, импонировала роль молодого революционера, ведь он был отторгнут своим отцом, не занял весомый пост, да и имел повышенное чувство справедливости, а потому примкнул к оппозиции. Порой приносил инсайд из высшего света, заявляя, что директор школы, водящий правильные знакомства, сообщает ему эту информацию.

– Друзья мои, не говорите лишнего на работе, приостановите подпольную деятельность, просто ждите информацию от меня. Поняли? Так вы сейчас сможете принести больше пользы, как бы это странно не звучало. Если кого-то поймают – помните, язык за зубами и ждите подмогу. Все, что возможно сделать – будет предпринято. Но постараемся верить, что этого не случится. Ни с кем. Фух, ну и день... Зато борьба открытая наконец начата. Как настроение? Какие

мысли? – спросил «Тимур» у своей команды.

– Ребят, я знаю, все вы смышленные. Уж пересидеть и дождаться сумеете. Давайте попробуем перед тем как разойтись, просто поболтать. Я бы начала, если вы не против? – смущенно попросила Вера.

Товарищи закивали одобрительно. Надо было хоть на время снизить градус.

Девушка вновь заговорила:

– Знаете, что такое психотип личности? Не знаете, вижу. Ну смотрите, выделяют в этом типировании четыре аспекта: Физика, Воля, Логика и Эмоция.

Первая отвечает за все материальное в твоей жизни – отношение к деньгам, телу, работе... В общем, все, что связано с удовлетворением потребностей нашего тела. Воля затрагивает намерения, амбиции, возможность реализации хотелок и целей. Логика, вот, показывает наши возможности формирования и обмена знаний. Дискуссии, логические цепочки, гибкость мышления, вот это все. Ну, а с эмоцией понятно? Ага, собственные чувства, эмпатия, восприятие чужих переживаний...

Но это не все, их еще по местам надо распределить! У каждого человека-то они свое займут, но и у них есть характеристики. Первой функцией будет стоять основная, вы-

деляющаяся в человеке, вокруг которой уже и строится все остальное. Здесь ты чувствуешь себя ну очень комфортно и не замечаешь реакции других, ты ведь прав, ты руководишься этими понятиями, например, логикой, если она стоит в начале. Для тебя это хорошо. А для других плохо. Второе место займет функция, которая будет комфортна и приятна всем – и тебе, и людям. Она позволяет соотносить свои интересы в данной области с интересами окружающих. А вот третья... Самая, так сказать, болезненная. С этим аспектом у человека могут возникнуть проблемы, как и по возможности, так и по желанию. Здесь сильна самокритика и нахождение этих недостатков в других. И для себя плохо, и для народа, мда... Четвертая функция не то, чтобы бесполезная, но самая незаметная. Тут у людей нет собственных предпочтений и им удобнее подстроиться под других, что для окружающих на руку.

– Так, слов много, – Максим принял позу мыслителя Родена, – а давай пример? Разбери меня.

– Давай! Первая – воля. Ты лидер, тут вряд ли кто-то будет спорить. Вторая функция – логика. Стратег, всем нравится как ты выполняешь свою работу. Третьей идет эмоция. Ты чувственный, переживаешь и сильно страдаешь за народ и за всех нас, это может даже нарушить планы. Четвертой твоей функцией является, полагаю, физика. Ты независим от об-

щественного мнения, не заботишься о материальном.

– Во дела – все за меня решила! Но поспорить трудно.

– А меня? – активизировался Павел.

– Хм... ты сильно изменился. Пожалуй, так: логика, воля, физика и последней эмоция. – Видя, что парень задумался и не ответил, Вера решила конкретизировать, – если перевести на человеческий язык, то ты часто думаешь, планируешь, высчитываешь... Тебе это комфортно, остальным бывает тяжело. Во-вторых, с тобой комфортно окружающим, ты не подавляешь их желания других, не стремишься всеми командовать. Потом, для тебя бывает болезненна критика, да ты и сам собой всегда недоволен. Ну и последний пункт – ты не очень эмоционален, порою твои чувства незаметны. Скажу сразу, что я вижу твою любовь, а ребята знают, как ты их ценишь, просто ты иногда забываешь это показывать. Не обижайся, пожалуйста.

Вера улыбнулась. Компания попыталась сама протипировать друг друга по данным им инструкциям, а потом перешли к анализу высших чинов государства. Было непросто, потому что те не раскрывают свою истинную личину публично, тут лишь слухи помогают.

Гоша Градов посмотрел на Веру и сказал:

– Ну ты, конечно, и психологистка!

– Психологиня, – смеясь, поправила его девушка.

– Пацаны, что вы знаете про Спартака? Ну ведь наша борьба похожа на те события. Конечно, у нас не такого количества вооруженных людей, но и у нашей власти нет могущественных римских легионов и таких военачальников. Но наши партизаны объединятся! Первый город взят, и если Спартак шел на север, то наши начинают с самого запада страны. У вас возникали мысли, как войско рабов с горсткой гладиаторов в исходящем костяке могло вести бой с регулярной армией, лучшей в мире на то время? Сколько битв они выиграла, через какое количество городов прошли, прежде чем сколотить свою армию! – глава компании заметно одухотворился. – Основная их масса была простыми работягами, а ведь они добились того, что вся знать заперлась в стенах Рима и дрожала, прозвучала фраза: «Враг у ворот Рима».

Любая военная сила того времени или текущих дней должна иметь в своем составе как минимум 20% опытных ветеранов – этого непросто добиться. К тому же, нужны опытные стратеги. Как же все сложилось? Античные авторы говорили, что в рядах Спартака было четыре категории граждан, ну, вернее, не совсем граждан – в Риме с этим непросто. Так вот! Гладиаторы, рабы, сельский пролетариат и... рим-

ские перебежчики, в том числе воины. Даже среди легионеров, верных своим лидерам до гроба, находились те, кто желал перемен.

Котел страны кипел, но самое печальное то, что, как вы знаете, мятеж все же был подавлен, а кипяток вылился в основном на головы простых граждан. Сенаторы же и прочая знать благополучно отсиделись внутри Рима. Но мы стараемся извлечь все уроки из истории, мы боремся с отупением масс. И мы сможем, нас целая страна!

А знаете, что наше движение с теми восставшими еще объединяет? И у них, и у нас нет поддержки иностранных государств, нет даже связей среди верхушки. Спартак из внешней помощи мог рассчитывать лишь на пиратов, что давали им оружие в обмен на золото. И у нас есть свои пираты в Сибири, правда, золото дают они нам, трудясь на реках и заброшенных шахтах, рискуя жизнями. Сколько мы смогли ребят спасти от тюрьмы, сколько информации покупаем на это золото у верхов...

Главное, что наше командование, наш штаб находятся на расстоянии, там, в тайге. И они знают свое дело! Считайте их теми опытными римскими офицерами, что перешли на сторону восставших. Необходимо лишь, чтобы внешние силы, этот чертов «Крест» не лез в наши дела. Я еще не слышал об их агентах в наших рядах, но уже ничему не удивлюсь. А все равно прорвемся!

Такая горячая речь заслуживала бурных аплодисментов, но надо было стараться сохранять тишину в квартире. Ребята смотрели с уважением и интересом на своего лидера. Ближе к вечеру все разошлись, и Макс остался один. Навалившаяся усталость и сон быстро победили огонь в его груди и скоро в комнате зазвучал размеренно храп. Вместе с ним и вся Москва погрузилась в сон.

Реформы, фас!

«В России любят затевать реформы только потому, что так легче скрыть неумение править.»

Пётр Аркадьевич Столыпин

Алексей Градов, сидел одиноко в своем кабинете и курил, закинув ноги прямо на стол. Он боялся, что зазвонит телефон, а на той стороне провода окажется посол. Ожидалось прибытие подчиненных с отчетами.

Нужно выделить деньги на армию и для внезапно потребовавшихся реформ. Пришлось свернуть национальные проекты и грандиозные стройки. Да, было и такое, ведь чувства и интересы были даже у лидера нации. Те сферы, которые ему импонировали в очередное время года – получали его внимание. Так он активно строил футбольные поля и бассейны. А в одно время даже музыкальные школы.

Кажется, Алексей сбросил несколько килограмм в последние пару дней. Это был стресс. Черные волосы, которые обычно были коротко подстрижены, начинали активно расти – сейчас было не до них. На лице появилась щетина, да даже

костюм его был слегка помят, ведь он спал в нем на диване, сейчас не до подбора новой одежды в гардеробе, который был площадью с сельскую школу.

В его стране было множество проблем, кроме бедности и неравенства. Уже упоминалось о медицине и образовании. Уничтожались и отдавались на растерзание временем культурные объекты, библиотеки, и особенно, памятники, которые напоминали людям о прошлом мире.

Культура была пущена на самотек, но строгая цензура четко контролировала потоки этой реки. И неудивительно, как говорил Лев Николаевич Толстой: «Искусство – есть заражение чувствами других людей». Есть и высказывание еще одного писателя золотого века, которое касается и сегодняшних дней. Салтыков-Щедрин писал: «Литература изъята из законов тления. Она одна не признает смерти». Звучимость ее неумолима, а значит она опасна.

После установки купола запрещенные книги изымались, сжигались в угоду уставленным легким жанрам: детективам, триллерам, чтиву про любовь и так далее. Не только Гитлер придал огню литературу, которая противоречила идеологии государства, к сожалению, и в наши дни правительства некоторых стран стараются уничтожить все источники информации, которые не соответствуют официальной позиции пред-

ставителей власти. Но всегда люди старались сберечь письменные источники информации, делиться с другими, переписывать.

Образование в молодом царстве-государстве тоже было на высшем уровне: от большинства требовалось лишь умение считать и писать. Те, кто были способнее и на кого хватило квоты, учились дальше и попадали в колледж, где могли получить нужную специальность, стать ценными членами общества. Вообще, рост грамотности, образованности и неконтролируемое возрастание числа городского населения в сочетании с не самой лучшей властью во главе приводит к возникновению вопросов к оной, а затем и революции, и свержению режимов.

Так было, например, с монархической прозападной властью Ирана после того, как при американском влиянии усилилась грамотность и возросло количество горожан. Власть эта была свергнута. Так было и в обратной ситуации, когда в Ливии враг запада Каддафи добился роста грамотности населения с 20 до 87 процентов. Еще он построил множество ВУЗов, так как одна лишь грамотность не может служить мерилom образованности, как говорил Аристотель. Его тоже свергли.

Образованное население вкупе с иностранной поддерж-

кой и не без влияния недостатков внутреннего диктаторского правления привели к очередному падению трона. Раздался громкий стук, занавес. Бывает по-разному, но истина непреложна, а потому властители мира сего уже знают на примерах из истории как обуздать народ и направить его на «верный» путь.

По России прокатился каток репрессий, и каждый подвернувшийся под горячую руку смерд – от мала до велика, от рабочего до министра – не избежал суровой участи. Ловили подозреваемых в работе с подпольем, допрашивали чиновников, которые могли довести ситуацию до предела. Все подозревались во всем. Был лишь очень узкий круг лиц, оставшийся в любом случае неприкосновенным. Искали виноватых везде, а потом на всякий случай допрашивали и тех, кто искал. Пытки, тюремные сроки – все это и не только ждало многих виновных и не совсем.

Сравнивать это можно с репрессиями в СССР, а кому-то больше будет по душе сравнение с маккартизмом в США в 50-ые, процессом, который назывался еще «Охотой на красных ведьм». Тогда за подозрение на работу во вражеских интересах преследованию и санкциям подверглись даже такие широко известные личности, как Чарли Чаплин, которому запретили после поездки в Европу вернуться в свою страну, а еще это коснулось таких людей, как создателя американ-

ской атомной бомбы Роберта Оппенгеймера, писателя Ленгстон Хьюза, Альберта Эйнштейна и многих других. Из библиотек были изъяты десятки тысяч книг, имевших социалистическую направленность. Стоит сказать, что жертвы этих событий и их судьбы не идут в сравнение с репрессиями в раннем СССР, но при разных методах остается важной сама суть. Любое суверенное государство, а тем более империя, не допускает участия иностранных сил в формировании ее идеологии, не разрешает лезть в ее финансовые потоки, и начинаются чистки.

Кто бы что ни говорил, деньги всегда правят миром, а война – их верный лакей. Способы контроля и методы репрессивного аппарата меняются от страны к стране, от эпохи к эпохе, и на них влияет громадное количество факторов. Некоторые люди, например, даже прорываются заявлять, что Гитлер лучше Сталина, потому что убивал хотя бы не свой народ, а чужой. Да уж, хороша заслуга... Под нож попали и тут, и там и в том числе невинные люди, хоть и порядки совершенно разные, но масштаб одной лишь войны, которая затронул полмира, в том числе и немцев, не может быть забыт. Однако, найдутся те кто будет оправдывать эти действия и сейчас.

Были и другие страны и организации, которые чаще берегли своих граждан и их поддержку, но устремляли свой взор

на соседей, порой и очень отдаленных, и в итоге миллионы людей гибли в чьих-то интересах. А ценность человеческой жизни всегда была и остается неизменно высокой и несравнимой ни с чем. Правда не в глазах власть имущих. Не надо оправдывать никого, все грешны на этой несчастной планете, где порою у простых людей остается лишь одно счастье – любовь.

А на дворе был вторник. Самый активный рабочий день. Толпа снует по улицам столицы в поисках слухов, однако конечной целью маршрута является их рабочее место. Поговаривают, что в центре задержали целую компанию молодых революционеров, которых по телевизору объявили сепаратистами и уголовными элементами, желающими устроить хаос и под шумок разворовать страну.

«Будто есть еще, что разворовывать», – подумал Паша, проходя мимо толпы, которая обсуждала эти события на углу и закрывала большую часть тротуара. Павел вышел на дорогу и шагал прямо по Тверскому бульвару, машин все равно нет, но надо не привлекать лишний раз внимание органов. Вернулся на тротуар.

– Убили-убили! Здесь! – кричал кто-то из людей, что столпились в паре десятков метров впереди. Все сбились в кучу, как засор в трубе, где что-то встало поперек. А поперек встал

мужчина с усиками в черно-белой рубашке в полоску.

Павел подбежал к толпе, услышав такие крики. Этот полосатый человек отдышался и начал: «Там в подъезде парня застрелили. Эти... Органы порядка. Завалили человека среди бела дня, еще и безоружного, не бандит какой!». Женщины ахали, некоторые даже визжали, бабушки падали в обморок, а мужчины смотрели суровым взглядом и не знали, что предпринять и как правильно реагировать. Паша посмотрел на часы – время поджигает. Ситуация непонятная, вряд ли в ближайшее время будет какая дельная информация, а на работе ждут. Опять же, лишний раз сосредотачивать внимание на себе тут, на месте убийства, или на работе при сильном опоздании – нельзя, просто недопустимо.

Он шел мимо большого телевизионного экрана, который могли смотреть все прохожие и проезжающие. Там выступал бессменный ведущий основной, а точнее, единственной новостной программы. Гелем зачесанная прическа, белый гладко выглаженный галстук, такой же пиджак, а под столом у него там, может, и трусы одни. Никто не видел.

Ведущий объявил:

– Дорогие граждане! Сегодня важный, замечательный день. Наш президент объявил о реформах. Он много трудился для народа, и я готов огласить список мер, которые будут

предприняты в кратчайшие сроки руководством нашего государства. Читаю:

- 1) *Поднятие минимальной заработной платы в стране в следующем квартале.*
- 2) *Создание квоты для граждан на поступление в Московский Университет.*
- 3) *Улучшение обеспечения доступа к медицинским услугам.*
- 4) *Реализация антикоррупционных мер для обеспечения ответственного использования государственных средств.*
- 5) *Увеличение ассортимента предметов первой необходимости.*
- 6) *Предоставление финансовой помощи для борьбы с бедностью.*
- 7) *Проведение реформ, продвигающих права человека и равенство.*
- 8) *Объявлено о планах строительства новых жилых и общественных зданий.*

Много всего, сильно! Хорошее приходит в наш мир, давайте же порадуемся – наша с вами жизнь меняется к лучшему. В завершение нашего эфира от себя я хотел порекомендовать к просмотру новое комедийное шоу «Шипелины-2» в 21:00. Юмор – во! На этом все!

Ведущий показал большой палец, тем самым давая мил-

лионам свою краткую рецензию.

«Очередная хрень, чтобы всех отвлечь», – недовольно подумал про себя Паша и пнул камушек на дороге. Все неслучайно. Пока противникам закручивания гаек готовят тюремные камеры, нужно бы задуматься и о том, какие гаечки можно немного раскрутить, чтобы этот механизм под названием «Государство» продолжал работать, и задышали все полной грудью. Почти все...

Реформы – это такой волшебный предмет, который можно только лишь пообещать, а рейтинги уже растут. И они как «кот Шредингера»: пока время не пройдет, не знаешь, есть ли они на самом деле, или бюджетик утек, а осталась лишь обертка из красивых слов. Пропаганда в средствах массовой информации может не только успокоить народ. *На нее возложена и более глобальная роль, например, разрушение института семьи, через продвижение альтернативного образа жизни, который считается теперь более социально приемлемым. В конечном итоге это служит интересам тех, кто находится у власти, сохраняя достаточно малочисленное население, чтобы страна могла поддерживать контроль с ограниченными ресурсами, одновременно ослабляя социальные связи между гражданами.*

Пашка шел и представлял ситуацию в России на простых образах. Вот, например, страна представлялась ему качелями-балансирами с двумя сидениями, на которых с одной стороны сидит власть и ее выгода, а с другой – выдача благ народу. Нужен баланс, чтобы все висели в воздухе, иначе упадет один из них, а оппонент поднимется вверх.

Солнышко заглядывало во дворы, раскрашивало желтыми мелками потрескавшийся асфальт. А Паша шагал себе по тротуару и размышлял. Вчера Макс рассказал им про Спар-

така, и у него сейчас в голове это складывалось с другими историями о восстаниях, о которых он читал или просто слышал. Макс и его коллеги по революции хотели скинуть верхушку, и если бы пришлось воевать хоть с «Крестом», хоть с пришельцами, но они все хотели освободить русские земли от гнета, и если Бог даст – обойтись малыми жертвами.

Однако при любой смене власти кто-то страдает, есть невольные жертвы даже среди мирных. Хотя бы тот парень в подъезде, про которого кричали на улице. Погибнут и невинные. Но в народе градус достиг кипения, и революционеры, учась на ошибках большевиков, их перегибах и, на примере Минина и Пожарского, освободивших Русь от подлых иноземцев, были готовы положить свою жизнь ради свободы сограждан. Было в истории множество личностей, которые стали лицом мятежей и свержения власти. Большинство из них крайне неоднозначные личности, мягко говоря.

Например, восстание Емельяна Пугачева во время правления Екатерины Великой. В годы советской власти его чаще всего представляли как безусловно народного героя, ведь тот якобы боролся против крепостничества, против расслоения в обществе, за народ. Но по факту этот человек, выдавший себя за Петра 3, был эгоцентричным, малообразованным, жестоким убийцей и вором, имевшим свой гарем и снимавший кожу с противников. Да, у него были громкие

лозунги, люди шли за ним не от хорошей жизни. Кто-то хотел справедливости, а кто-то – пограбить. Они и убивали целые семьи неугодных, ставили своей целью воцарение самозванца. Примером самовлюбленности Пугачева можно было считать события после взятия Казани, когда он восседал за городом, а весь люд казанский должен был подходить к нему и на коленях посягать на верность. Падающих закалывали на месте. Современным лидерам оппозиции в странах дальнего зарубежья такое бы и в голову не пришло. Было такое время – были такие люди.

С другой стороны, прежде чем смеяться над невежественностью и глупостью населения, нужно подумать о предпосылках, что довели его до такой жизни. Конечно, подобные восстания были по факту лишь попыткой очередной лживой гадины узурпировать власть руками все того же народа, который шел за красивыми словами. В то же время не могли не откликнуться и иностранцы. Крупнейшие французские издания того времени, например, «Газет де Франс» писала о Пугачеве не иначе как о Петре III. Недоказанным остается присутствие польских военных в рядах его банды. Но важнее был факт поддержки его богатыми кланами староверов, то есть внутренними элитами, а не только простым людом. Идти за идею на войну, начатую ради финансов, штука не новая. Даже если говорить только про гражданские войны.

В современном мире пропаганда работает так хорошо, что уже почти в любой точке планеты все знают доподлинно, что Гражданская война в США в 1861-1865 годах шла в первую очередь за освобождение от рабства между плантаторами и демократическими северянами.

Взглянув на факты, оказывается, что некоторые штаты на стороне севера были рабовладельческими во время конфликта, в то время как за южан в том числе сражались те штаты, где рабство уже отменено. Вся эта бойня – самое кровавое событие в истории страны, обогнавшее обе мировые войны по числу жертв среди американцев, – была связана с финансами и влиянием. Юг хотел больше благ, а все деньги текли через промышленный север и там распределялись, там же шла торговля с остальным миром. Регионы конфедератов посягнули на долю больше положенной и были уничтожены. И это лишь одна из причин. Да, после окончания боевых действий рабство в стране было отменено, но считать это основной причиной войны будет неверным. Когда люди борются за идеи, которые считают основополагающими, то у предводителей могут быть другие планы, куда более глобальные, и в первую очередь – это сохранение влияния или борьба за финансовые потоки.

Члены подполья современного государства Российского не хотели повторять этих событий. Они не желали, чтобы

захват власти перенес финансы и насильственный аппарат в новые хитрые ручонки. Почти весь народ державы либо спал, либо находился на стороне революции. Лишь тонкая прослойка чиновников и их окружения, и то не все, были преданы текущему положению дел в их стране, которым временно заведовал Градов Алексей. Повстанцы хотели снести власть или заставить ее бежать, объединить их страну, расколотив Уралом на две территории; провести выборы в президенты.

Самое лучшее стечение обстоятельств было бы в случае локальной, но победы над «Крестом», если россияне их переиграют в гляделки и не струхнут, то получится ослабить ярмо дани, а то и вовсе сбросить его. У подполья не было поддержки иностранных сил и финансов от староверов, как у Пугачева. Они могли опираться только на себя, но их были миллионы, а на кону стояла жизнь.

Паша работал не покладая рук. День был обычным, здесь кипело производство и было не до перемен в мире за стенами завода. В конце рабочего дня Павел пришел в мужской гардероб и открыл свой шкафчик. Сверху ботинок лежала записка.

«Что это? Просунули в щель, что ли...», – подумал он и наклонился, чтобы изучить бумажку. Стал читать. Это был почерк его коллеги, который тоже состоял в подполье, их с

Максом общий друг. Руки задрожали, глаза невольно расширились. На записке не очень аккуратно, нервно были выведены слова:

«Макса взяли».

Паша стоял как вкопанный и не мог перейти к следующему предложению, кажется, мир остановился. Он с трудом собрался и продолжил чтение:

«Я бежал. Если решишь со мной, то посмотри адрес на обратной стороне. Запомни и сожги этот листок».

На обратной стороны этого мятого кусочка бумаги был шифр, который использовала компания его единомышленников. Паша собрался с силами – логика должна превышать эмоции, тем более в такие моменты. Он перевел шифровку, запомнил информацию, 10 раз повторил про себя, надежно спрятал листок и стал уходить, забыв переодеться. Пришлось вернуться и судорожно сменить униформу на свою одежду. Теперь надо прийти в себя. Хорошо еще, что вокруг народу особо не было, а те, кто был – заняты своими делами.

– Фух, выдохни! Разберемся. – Сказал Павел себе под нос шепотом. Он покинул здание, преодолел все проходные и наконец, еле сдерживая бег, быстрым шагом, чтобы без лишнего внимания со стороны, спешил к дому. Открывая двери,

он надеялся лишь только увидеть там свою любимую. «Слава Богу», – промелькнуло в его голове, когда Вера с ним поздоровалась. Приветствия и объятия перед совместным ужином были заменены на диалог шепотом, сидя на диване в гостиной.

– Я был на работе, мне в шкафчик Витя положил записку. Он в ней сказал, что Макса арестовали, и что сам в бегах. Дал мне адрес шифровкой... Я запомнил, сейчас его надо сжечь. Надо ехать. Там, наверное, соберутся наши, все, кто сможет. Мы обязательно вытащим Макса, но сейчас мы бессильны, и в любой момент могут прийти за нами...

– Что? Ты серьезно?! Черт, Макс... Через десять минут выходим, я соберу сумки, – девушка резко подорвалась.

– Тихо, шепотом. Ты как себе это представляешь? С баулами по городу тащиться без лишнего внимания не выйдет. Максимум – рюкзак. Еда, лекарства, документы, деньги. Все бумаги и блокноты, что есть по нашему делу, – запомнить ключевую информацию и сжечь.

Они оба энергично складывали вещи, но носиться по квартире нельзя – их услышат, тем опаснее, что дом населяет в том числе класс мелких и средних чиновников. С такими соседями по лестничной клетке шутки плохи.

И вот они уже идут по городу, изображая гуляющую пару. Часть маршрута проехали на автобусе, потом троллейбус, дальше пешком. Они молча шли до границ города. Всю ночь, пока не кончились последние силы, двое влюбленных брели навстречу неизвестности. У них были карта, интеллект и вера в свое дело. Одни мысли на двоих больше всего не давали им покоя: «Кто сдал Макса и, возможно, кого-то еще? Как их нашли? Под угрозой ли все подполье?»

Благо, было лето, и они могли спать вот так на земле, у костра. У них был один спальник на двоих, и они наблюдали тревожные сны по очереди. Дым мог их выдать, но что было поделать... *Подмосковный ночной лес был освещен лишь бледным светом звезд и луны над головой. Воздух прохладный и влажный, наполненный ощущением тайны, которое чувствуется в каждом вдохе. Влюбленные крепко цепляются друг за друга, находя утешение в присутствии друг друга, даже когда опасность таится за каждым углом. Повис в воздухе туман – густой и тяжелый, как одеяло. Вдалеке слышен погружающий особенно сейчас крик птицы, эхом разносящийся по ночному воздуху. Скорее бы новый день принес с собой солнце и все плохое отступило, сгнуло.*

И грянул гром

"Проблема в том, что, не рискуя, мы рискуем в сто раз больше."

Марк Аврелий

Перенесемся на день назад: партизаны обустроили из всего, что смогли найти баррикады на дорогах. Из города шли шесть путей, два из которых использовались, а остальные переданы в ведение природы и зарастают – за последние годы множество деревьев упало и мирно спало на этих тропах. Новые хозяева города заминировали подступы, используя все заряды, оставшиеся со второй гражданской и захваченные ими на складах в соседней области.

Кто-то из местных взял в руки оружие и присоединился к стану борцов с несправедливостью. Но большинство жителей либо сидели по домам, либо помогали гостям кто чем мог. Какие-то подростки притащили из дома старый патефон. Зазвучала «Катюша».

Уставшие партизаны сидели у костров, закипали чайники, языки огня плясали, казалось, в такт музыке. А там, подальше, на другом блокпосту сидели ребята с желтой гитарой, пе-

ли и жарили что-то съедобное на огне. Фронтвые песни витали в дыму, а дятел неподалеку долбил клювом покосившееся дерево. Мирная жизнь – промежуток между битвами, и бесстрашные лесные воины наслаждались всецело этим моментом. За разговором и песнями время протекало быстрее и спокойнее, еще не было слышно наступающие орды, можно было дышать полной грудью.

Война – это смерть, боль и мрак. Само собой, каждый психически здоровый человек по своей природе пацифист, и не нужны ему для этого значки хиппи. Война и смерть чужды нашей природе, но каким бы ни был этот мир, в нем всегда будут востребованы люди, умеющие убивать. Так устроены общества, потому что у групп, наделенных властью, преследующих свои интересы, сознание не такое как у отдельно взятого человека из окопа. Для верхушек это машина, мчащаяся напролом через джунгли к тому, что показалось светом в конце тоннеля. В конце концов, цивилизация – это когда люди убивают друг друга не для того, чтобы съесть и выжить, а для того, чтобы неприятели перестали существовать.

Не эти доблестные бородатые мужчины, пришедшие из чащи, начали сей ужас, они были готовы забыть о страхе, о самих себе для того, чтобы мирное небо было над головой, а их сограждане были свободны.

Лохматая собака, виляя хвостом, подошла к одному из сидящих на деревянном ящике. Парень улыбнулся и погладил пса. Это было удивительно, что даже в таких тяжелых условиях в стране оставались у многих домашние животные. Ведь были в истории и обратные примеры, как в Британии в 1939 году, когда только начиналась война. Еще почти за год до первой бомбы, упавшей на эти земли, правительство рекомендовало гражданам умертвить их домашних животных, устранить лишние рты, так как они «не выполняют никакой полезной функции», как писалось в газетах. И послушные лондонцы убили 400 тысяч собак и кошек. Пресса осуждала граждан, которые якобы тратили на питомцев драгоценную еду. А немецкой посол, который уезжал из страны после начала войны, бросил своего пса по кличке Медвежонок, просто оставил его. Везде люди по-разному относятся к своим младшим братьям.

Мирный быт нарушил сигнал, который показал им рукой один из партизан, вышедший из леса.

– По позициям. Граждане, идите по убежищам! Наступают! – закричал командир одного из отрядов.

В это же самое время за лесами, за полями, в другой части страны агент Паулюс уже получил приказ от командования: «Срочно прибыть в Москву для получения дальнейших

указаний».

Сейчас он под Волгоградом, идет пересадка. До следующего поезда надо выждать почти целый час, поэтому он принял решение немного пройтись. Железная дорога пронзала выжженные солнцем степи. Паулюс посмотрел вдаль и закурил. Но тут его глаза резко захлопнулись, он упал. По голове был нанесен удар прикладом.

Через какой-то промежуток времени очнувшийся агент раскрыл свои глаза и почувствовал резкую боль в затылке. Приложил руку к голове, осмотрелся. Потрескавшиеся стены, скудные предметы быта украшали этот деревенский интерьер. На лавке в углу сидит пожилой мужчина в тельняшке.

– О, проснулся, родимый! Думал, вечно будешь расхаживать по нашей земле припеваючи? Ан нет, таких ты тут стреляли в сорок втором. Такая здесь была бойня... Время прошло, оттуда приходите к нам в наш родимый дом уже по-другому, а мы все тут как тут. Ушки на макушке, – усмехнулся этот мужчина, пропускающий иногда букву «г». – Должили, какой важный гость сюда приедет, а мы не сплеховали. Хотя тут тяжело, не леса, как на севере у наших. А вот повсюду найдутся люди неравнодушные. Ну ты это, молчи уж, вражина. Больно тебе, да? Сейчас Семен подойдет, тогда и поговорим.

Паулюс не мог вымолвить и слова. К такому он явно не готовился, его секретная миссия не должна была дать сбой. Дверь скрипнула, и под низкий потолок комнатухи зашел высокий крепкий человек в потрепанной телогрейке. С порога он начал свою речь:

– Очнулся? Это хорошо. Это уже полдела. Осталось начать говорить. А ну-ка!

Он взял табуретку, сел на нее и придвинулся к незваному гостю, волею судеб заброшенному в их захудалый край.

– Русский ты знаешь? – Петраускус почти открыл рот, чтобы ответить, но Семен уже понял ответ, – тогда давай по делу. Наши люди сообщили о твоём визите. Взяли мы тебя не для того, чтобы зверски мучать за просто так. Но если говорить не будешь, то придется моему кулаку или вон той лопатке для угля продолжить разговор за место меня.

Ты уже, наверное, понял, что мы не бандиты какие, а из партизанского движения. А ты вражеский шпион. Тут все понятно и спорить не надо. Скажи мне лучше, зачем тебя из Сибири перекидывают в нашу столицу? А еще я хочу знать, какова вообще твоя роль? Кого из своих ты знаешь под куполом и за бугром? Что знаешь о базе на Кавказе? Давай-давай, начинай.

Пленник молчал и смотрел пристально на своего собеседника из-под густых бровей, потом перевел взгляд на окно и стал вглядываться в происходящее за стенами дома.

Семен встал с табуретки и тяжело вздохнул. Около печи взял чугунный старый совок. Хриплым басом, недовольно качая головой, заговорил :

– Что же ты, падла, меня заставляешь силу применять? Нормально рот открой и расскажи. Или мне начинать процесс?!

Паулюс неожиданно и резко прервал инквизицию:

– Стойте! Я вам скажу все, что знаю. Скажу даже то, что вы не думали услышать. Но прежде ответьте мне, сколько времени прошло с той минуты, когда вы взяли меня в плен?

– А тебе зачем, подмогу ждешь? Хитрый какой...

– Послушайте, Вы! Как только они поймут, что меня нет в поезде, то начнутся поиски. Времени в обрез. Если хотите жить, то давайте быстро и по делу. Время!

– Вот черт, а! Меньше часа как твой поезд ушел, – отвечал ему партизан.

– Немного времени у нас есть, хорошо. Дальше разберем-

ся. Слушайте: я еду в Москву по приказу Андриуса, заместителя директора по вопросам России, который недавно прибыл в страну. Задачей его и моей является проверка предприятий, логистических цепочек, военных баз.

Я был в Сибири, там посетил базу «Бийск В-01», там есть тюрьма, и многие из ваших находятся в ее застенках. У меня есть информация по всем проверенным объектам. О Кавказском Экспортном центре я знаю мало. Был там лишь раз несколько лет назад, но там есть мой человек. Смогу рассказать ту информацию, которой обладаю. А теперь главное – я двойной агент.

Семен вытаращился, замер, переглянулся с мужичком в углу. За окном у сарая стояли еще двое бойцов и тихо беседовали. В деревне немногочисленно, она кажется вымершей. Над степью уплывало лениво за горизонт солнце. *Небо ярко-оранжевое и розовое. Деревья качаются на ветру. В воздухе пахнет свежей травой и землей. Деревня была окружена полями пшеницы, ячменя, овса, подсолнечника и других культур. Там вдалеке виднеются фабрика и огромные силосы для хранения зерна. Вдалеке – река, петляющая по холмистой местности.*

Город у реки

“Партизаны уничтожали великую армию по частям.”
Толстой Лев Николаевич., Война и мир.

В густой лесной массив здешних краев были втиснуты тут и там поля, поросшие высокой травой и колючим кустарником. Бескрайние просторы были испещрены небольшими заброшенными деревушками. Дыма не было видно над домами, а вокруг них лежали поля, поля... В лесах много болот, которые можно смело назвать непроходимыми, меж них и крались на днях партизаны на пути к своей цели – городу у реки Великая. Вниз по течению – Псков, древний многострадальный город у границ, что столько раз был подвергнут нападениям неприятеля в былые века.

Вдоль реки лиственные деревья шли в один стройный ряд, а вверх по течению, далеко за лесами, располагалась усадьба Михайловское, где жил два века назад великий Александр Сергеевич Пушкин. Когда-то там был музей, а теперь всего лишь дача одного из чиновников.

В среде богатых и сильных в этих краях такие подарки ценились. Они дарят друг другу исторические здания, долж-

ности, даже целые предприятия, которые переходят под контроль нового владельца.

А давным-давно Пушкин писал: «Новгород на краю России и соседний ему Псков были истинные республики, а не общины – *communes* -, удаленные от Великокняжества и обязанные своим бытием сперва хитрой своей покорности, а потом слабости враждующих князей». Сейчас это был рядовой регион без особой значимости, но с такими руководителями во главе, которые при этом свою значимость всячески подчеркивали.

Партизаны заняли позиции и готовились к приходу врага. Часть этой небольшой армии была сосредоточена на берегу реки, и даже на той стороне, где располагалась военная часть, они ожидали подхода иностранных легионов.

В нескольких десятках километров от них лежал Псков, неожиданно древние храмы его ожили, раздался колокольный звон. Одной из мер Градова по успокоению масс было открытие храмов и допуск священникам проводить службы.

Видимо, тут он ориентировался на Иосифа Сталина, который всю жизнь боролся с религией, но когда над страной нависла угроза, когда война пришла в ее границы, он стал открывать церкви, сбавил градус репрессией против священ-

нослужителей, восстановил должность патриарха и даже подарил тому автомобиль.

Кружилась колокольная песнь на звонницах, устремленных ввысь, было это будто вовремя, было символично. Скоро начнется бой за правду, за честь, за жизнь. Это похоже на светлый знак.

16:00. На дороге, уходящий через лес на север, показался грозный танк. Так резко заявил о себе враг. Вспыхнул и погас огонь автоматной очереди среди деревьев. Выстрелы винтовок свистят – снайперы от партизан открыли стрельбу по цепи солдат, что брела в сторону города через бурелом. Танк выстрелил в сторону баррикад, в щепки разнесло часть этой груды хлама. Машина с ревом тронулась, но через несколько секунд прогремел взрыв и густой черный дым повалил в небо. Мина. Тут и там начали стрекотать автоматы, взрывались мины, истошно кричали раненные бойцы, повалившись наземь.

Солдаты противника пёрли со стороны Пскова, часть их подразделений двигалась по заброшенной лесной дороге. Для подавления мятежа были брошены не все силы государства, но все же это были военные, прошедшие подготовку, промытые пропагандой о банде, что якобы грабит и захватывает города, мучает жителей.

Для пущей надежности, дабы избежать бегства дезертиров, за их спями были размещены заградительные отряды, которые были готовы расстрелять тех, кто не желает воевать против своих сограждан. Всей этой армией руководили генералы Градова, их контролировал Андриус.

Несколько БТР и пара танков пытались прорваться, объезжая уничтоженного миной железного зверя. Их командование понимало, что там еще есть сюрпризы в траве, а поэтому направило саперов под прикрытием. Снайперы-партизаны слаженно сработали и устранили тех, кто желал обезвредить минные поля. Шквал огня давил неприятеля. Один путь был хоть временно, но отрезан для наступающего противника.

С этой стороны реки была еще одна действующая дорога, ведущая на юг. Противник задержался, и военная техника не подступала только по одной причине – поваленные деревья на дорогах. Народный отряд устроил такую западню, какую создавали их деды под Москвой в 1941 году. Лес массово валили, строились всевозможные преграды для бронированных монстров, но пехоте это не мешало. Огонь не смолкал, звон в ушах не прекращался, лилась кровь.

Трофим командовал своими людьми, но и сам лично стре-

лял из калашникова в сторону чаши по наступающим врагам. Он подбежал к Шустрому, что занял позицию в комнате пятиэтажки на первом этаже и вел огонь.

– Шустрый, они уже повсюду. Сейчас пустят в бой авиацию и артиллерию. Хотели сохранить город и завод, но, думаю, уже понимают, что взять нас так просто не удастся. У нас времени в обрез, может «Крест» подступить в любую минуту! Ступай, дай команду взорвать железнодорожный мост. Уходить пока рано... Но как только «кресты» будут замечены на том берегу, если сунутся, давай команду всем приступить к плану «Юг». Понял? Выполнять!

Они разбежались, и Трофим теперь занимал эту позицию в здании. У других окон, как у бойниц, сидели храбрые защитники Родины. Кто-то уже лежал на полу с простреленной головой. Огонь не смолкал, а патроны были не бесконечны. Еще никогда не было у этих воителей мысли о том, что поскорее бы враг на том берегу подошел, скорее бы наступление.

Взрыв. От панельного серого дома с грохотом отвалился кусок. Еще один. В бой вступила артиллерия, и весь город уже поливают снарядами. Наконец Шустрый прибежал – весь взъерошенный, запыхавшийся и закричал: «Идут! Идут!». Часть бойцов прикрывала выбегающих из помеще-

ния командиров и других членов отряда. Свистки послышались тут и там, звон их собирал всех к командующим.

В лесу активизировались солдаты, занимавшие позиции еще с раннего утра: кто-то прятался в овраге, кто-то в листве, а некоторые и наверху в кронах деревьев. И тут эти солдаты лесов были в своей стихии. Они смотрели в спину противника, идущего к городу, старались быть тихими, не выдавать себя. Их бой, где выжить было задачей труднейшей, помогал остальным бойцам собраться для того, чтобы начать осуществлять их основной план.

Малыми группами бойцы перемещались по городу, перебежками увиливая от стрельбы. Многие не добрались до точки сбора. В конце концов большая часть этой доблестной армии собралась на южных окраинах города. Здесь их ждали в лесу два небольших отряда, которые только что подошли к городу, устранив бойцов армии Градова на юге и расчистив путь для отхода.

Воссоединение частей произошло, и вся эта измотанная орава, снабженная новой кровью, ринулась в лес. Что же случилось с ранеными, с котами, со всем их скарбом? А их в сопровождении врачей и местных жителей, желающих покинуть город, отвели еще до начала наступления врага, и сидели они сейчас где-то во временном лагере в лесу под защи-

той автоматов, доблести и отваги. В любой момент их мог обнаружить враг, вся надежда была лишь на бойцов, что так хорошо ориентировались в этих чащобах и караулили по периметру, охраняя общий покой.

Тем временем к недавно захваченной военной части шагала стройным рядом опытная иностранная армия при поддержке танков. Хорошо хоть авиацию они с собой в тоннель из внешнего мира не протащили. Все в форме расцветки хаки, в бронежилетах новейшего поколения, в шлемах. Их автоматы были оснащены коллиматорными прицелами, у каждого гранаты и запас патронов.

Перед выходом из глуши командиры жестами приказали всем остановиться – дана команда открыть огонь по смотровым на башнях той самой воинской части. Стрельба разбудила обитателей леса, белки и зайцы бежали прочь, а гильзы тем временем со звоном сыпались на сырую землю.

Командир прекратил пальбу жестом. Встречного огня не последовало, а дозорные на деревянных башнях все так же стояли, пусть некоторые теперь и без головы. Это были муляжи, проще сказать – пугала, которых партизаны соорудили и оставили там на убой. Внутри никого, кажется, не было. В воздухе едко пахнет дымом, вдруг кто-то из солдат крикнул на английском:

– Огонь! Лес горит!

Какое-то время бойцы иностранных легионов стояли и раздумывали о том, что делать дальше. Среди деревьев в любом случае оставаться было нельзя, они стали выходить, оглядываясь по сторонам и не выпуская автоматы из рук.

Тут пара солдат с криком провалились в ловушку – яму с кольями, вырытую в земле и замаскированную ветками и листвой. Все встали как вкопанные и боялись сходить с места, ведь кто знает, как много таких сюрпризов им подготовлено.

Они шли медленно, предварительно прощупывая каждый шаг, сзади их подгонял едкий дым и подступающее пламя. Внезапно взрыв прогремел в воинской части, вновь послышалась стрельба. Отряд спецназа ринулся занимать позиции и открыл стрельбу в сторону барачков.

Хаос, захлестнувший нескольких бойцов, заставил их отбежать в сторону и наткнуться на мины в траве. Страшный шум, звон в ушах. И вот рядом уже нет нескольких сослуживцев.

Командир старался сдерживать своих подчиненных и помогал им занять безопасные позиции. Многие вояки прошли

горячие точки, но даже они были напуганы, хоть пока еще даже не столкнулись с врагом лицом к лицу.

В этот момент, в поле поодаль, танки, на корпусах которых виднелся красный крест, разрывающий окружающий его белый ореол, ринулись вперед. Но так как танкисты понимали, что впереди могут быть мины, то перед ними двигались под прикрытием пехоты три боевые машины разминирования.

Один из солдат упал, раздался свист пули. Именно в таком порядке, ведь скорость пули опережает скорость звука, и солдат, рухнувший от меткого попадания, даже не успел услышать свою смерть. Работали снайперы, укрывшиеся в перелеске рядом с частным сектором. Танк лениво повернул свою тяжелую башню и открыл пальбу. Люди стали прятаться за техникой.

Противник пока не понимал, что в этой части города было лишь трое-четверо партизан, которые имитировали присутствие на позициях серьезной массы войск и отвлекали их от главной цели. Задача заключалась в том, чтобы дать фору основным подразделениям для отхода из города и не дать врагу подойти к ним со спины.

Но были и другие цели: изучить противника, в бинокли

осмотреть их, понять масштаб угрозы и тактику. Но время шло. Командиры наступающих частей «CROSS» поняли, что сильной опасности впереди не наблюдается, по крайней мере, пока.

Вскоре на территорию военной базы, прямо к поезду, подошли штурмовые отряды. Рядом с бетонным зданием исполинских размеров, у железнодорожных путей – несколько свежевскопанных могил, над которыми возвышаются деревянные кресты и табличка. Надпись на английском гласила: «Your people». Русские бойцы по-человечески обошлись с телами захватчиков. Все мы люди.

Пока войско «CROSS» медленно шло по районам правобережной части города, по ту сторону реки всё ненадолго стихло. Но солдаты армии Градова уже получили приказ найти противника, идти вслед. В лесах им не могла помочь бронетехника и артиллерия, они заходили все дальше и дальше, стараясь не заблудиться в русских джунглях.

Вскоре, объединившись с заграничным контингентом, переправившимся вброд и потерявшим поддержку танковых частей, они двинулись, по пятам сепаратистов, как они их называли, на юг.

Штаб во главе с Андриусом, ориентируясь на карты, со-

общил по рациям, что противник предположительно устремился к соседнему городу, где может осмелиться взять еще один населенный пункт под свой контроль.

Командиры понимали, что с ранеными и гражданскими, с этим балластом партизанам будет сложно делать марш-броски. Самолеты, коих немного осталось на ходу, были отправлены на разведку местности. Их задачей было обнаружить неприятеля и координировать с воздуха маршрут всей армии.

Солдаты пробирались сквозь леса, а следопытам помогали служебные псы – они держали верный курс. Но тут командование отдало приказ остановиться, обратившись к офицерам частей Градова, которые в свою очередь дали команду своим бойцам.

Старший по званию, человек в бронежилете и с невиданным русским солдатам иностранным автоматом наперевес, снял каску, бросил ее на землю и стал ругаться на своем языке, непонятным срочникам. Он рвал и метал. И это было не удивительно, ведь им, идущим на юг, доложили, что партизанские отряды захватили город на севере, прямо у Пскова.

В это время в лагере среди болот, основным контингентом которого служили раненые бойцы сопротивления, врачи

и мирные жители, было тихо. Кто-то стонал тихонько, укутавшись в спальник у палатки. Слава Богу, здесь не было людей в крайне тяжелом состоянии, а потому даже в отсутствии больничных условий они имели все шансы выжить.

Влад уже пришел в себя и сидел с перебинтованной головой на старом кривом пне. Вокруг бродили врачи, суетились в надежде помочь кому-то. Вечер, все как в тумане. Для приготовления пищи нужно развести костры, но дым мог выдать их.

Хорошо, что есть техника бездымного разведения огня: на склоне оврага были вырыты ямки, одна в форме груши, а другая, под землей, была соединена с первой и выполняла функцию поддува, благодаря чему дерево будет скорее тлеть, нежели чем гореть ярким пламенем. В качестве дров использовали березу и ольху. Обогреться у такого костра было сложно, но зато можно вскипятить чайник или приготовить кашу. Влад гладил рыжего котенка. Кот, шерсть которого была покрыта листочками, мурлыкал, а звезды начинали рассыпаться по синеющему небу.

Войска Градова вместе с иностранными частями держали путь на север, подсвечивая фонариками дорогу. Андриус же выдвигался из Пскова со свежими резервами к городу, который недавно перешел под контроль мятежников. Наступле-

ние на новый очаг восстания шло с двух сторон. В город, что находился южнее, куда, как предполагалось, Трофим и его команда держали свой путь, устремились генералы Градова, таща за собой недавно наспех собранные войска.

Наконец верные Московские командующие прибыли в тот городок, заняли оборону. Андриус в это время штурмовал населенный пункт в предместьях Пскова. Армия «Креста» и их спутники были вынуждены сделать привал и разбить лагерь. В лесах и полях – тревожно, даже птицы старались никому не мешать. Царство тьмы завладело землями, которые оскорбил своей жестокостью человек.

Трофим и его команда

Рано утром, пока туман начинал стелиться по мху лесного государства, Трофим уже не спал и сидел рядом с несколькими его людьми на поваленных деревьях. Потрескивал уютно костер. Он обратился к Шустрому:

– Часть дела сделана. Я надеюсь, вы хоть немного поспали? У нас впереди еще столько задач... По радиостанции доложили, что городок, который сегодня взяли наши, находится под осадой врага. Но самое важное – нам удалось отвлечь силы, и почти все их люди брошены туда. Пока из центра не приехала очередная волна подкрепления, нам надо приступить к плану «Сердце». Взгляните на карту.

Все присутствующие посмотрели на потрепанную, старую бумагу, которую их командир развернул у себя на коленях.

– Сейчас, дивизии из Пскова обступают город. Примерно вот тут, – Трофим осторожно показал пальцем, стараясь не испачкать карту, – находятся те, кто сегодня бил по нам. Они будут стремиться объединиться, чтобы сокрушить наших братьев. В это время войска Градова стараются взять под контроль все районы в округе, шерстят леса, но их сил не хватит, чтобы охранять каждое деревце в стране. Перебро-

сят всех сюда, в эпицентр. Их зарубежные партнеры, скорее всего, уже отправили подмогу через тоннель.

Мы перейдем реку и будем двигаться по направлению к самому их чертову логову! База «Псков» – это их цитадель, и чтобы туда прорваться, нам придется рассчитывать только на тактику и на нашу численность, ведь опытных бойцов не так много, а армия, в которой ветеранов единицы, неспособна вести эффективное наступление.

Скоро целые черные полчища могут обрушиться на наши земли, и произойдет это как только они поймут масштаб проблемы. У нас только одна попытка. Если мы не справимся, то они нагонят сюда столько техники и солдат, сколько можно представить только в страшном сне.

К нам должны присоединиться бойцы, которые маршируют через леса сюда из города Великие Луки. «Север» активизировал план «Народ». Мы должны ждать сигнала и выдвигаться. Вот сюда. А пока что подкрепитесь, проверьте оружие и постарайтесь отдохнуть.

– На том свете передохнем, – ответил Шустрый. – Как можно спать, когда на кону вся страна? Трошка, ты только скажи – мы горы свернем.

– Серег, я всё понимаю, но послушай старшего. Так будет лучше. Приказываю через силу, но отдохнуть. Скажу, когда начинать сборы. А пока пойду к командирам других отрядов,

скоординируемся.

Все разошлись. Спустя пару часов дозорный пришел и отчитался, что подкрепление подходит. Начались сборы, и вот уже некогда раздробленные кучки партизан собрались в суровый кулак.

Среди новоприбывших был «лесной генерал», а в прошлом – герой гражданской войны. Платошин Александр Павлович был тем человеком, что в годы распри между Сибирью и Москвой, занимая должность полковника, повел за собой многих равнодушных, кто не хотел проливать тоннами кровь братьев в междоусобной войне. Они устранили представителей «Креста» в рядах армии, снесли московское командование на местах, действовавшее в интересах иностранных интервентов. Вместе направились не подавлять мятежников из Сибири, что не хотели оказаться в полной зависимости от иностранцев, а в обратном направлении – целью было убрать Градова, не допустить строительства тех самых экспортных центров, начать диалог с внешними силами самостоятельно, жесткой рукой не дать противнику влегкую здесь закрепиться.

Тогда им не удалось добиться намеченной цели, но они сформировали костяк будущего сопротивления, стали первыми партизанами нового мира. Их пытались поймать не

только внутренние силы, но и присланные иностранные отряды, впрочем, нельзя было посылать слишком много людей вглубь страны, ведь попади они в плен – могут выдать информацию, да и за пределами купола будет лишний шум. Впрочем, иностранных военных начиняли ложными сведениями, всех одними и теми же, чтобы даже при пытках все выдавали одну одинаковую ложь. Да и знали они мало.

Именно отряды Платошина пытались взять «Кавказ», повреждали газовые магистрали, по которым лилось народное достояние за границы купола. Более десяти лет назад им удалось захватить несколько городов, попутно были взяты склады с вооружением, которое сейчас и несло свою службу в руках этих бойцов.

Партизаны не могли длительное время держать в своем распоряжении населенные пункты, и содержать большую единую армию, тем более, незаметно, поэтому сотни отдельных групп раскиданы по лесам нашей необъятной Родины.

Старались они не наводить лишнего шума, чтобы «Крест» не усилил сверх меры свое присутствие под куполом. Борцам за свободу помогали мирные жители, но была существенной и роль власть имущих, ведь коррупцией и праздностью они тоже, безусловно, вносили свою лепту.

Дров в огонь подкидывал и страх Градова и его окружения потерять власть, поэтому о многом приходилось молчать. «CROSS» знал не все. В ряды королей лесов вливались жители городов и деревень, которые устали терпеть ботинок на своей шее. Партизанские движения возникают при иностранной интервенции зачастую стихийно. И тут были целые отряды, что самоорганизовались и ушли в леса.

Спустя годы скитаний по чащам и болотам, не без помощи наличия центра на отдалении, в Сибири, люди объединились, чтобы дать бой. Но не они сами, и даже не правители их страны выбирали место для экспортной базы под Псковом, и тем более символичным является планируемое сражение в землях, где Александр Невский разбил тевтонских рыцарей, где страна в очередной раз дала отпор иностранному вмешательству.

Небо хмурилось, и дождь поливал народную армию, бредущую по лесам к границе. В это время «Север» активировал операцию «Народ». В Москве вспыхнуло восстание: кто-то бойкотировал выход на рабочее место, а кто-то и вовсе, рискуя жизнью, выходил бастовать на улицы. Прошли волнения и по другим городам. Некоторым активированным членам подполья удалось захватить оружие и провизию, чтобы уйти в леса. Перешла на сторону восстания и часть военных и милиции.

Градов и его приспешники всеми силами старались удерживать контроль. Им приходилось перебрасывать верные войска и органы правопорядка от места к месту. Страна трещала по швам.

Джентельмены, заседающие в этот момент на собрании «CROSS» в главном штабе, старались не моргать, потому что каждую секунду могло случиться что-то еще. Они истошно орали, спорили, планировали. И будь у них чуть больше времени, они бы могли, возможно, переломить ситуацию. Но все эти события происходили параллельно, времени было мало. Таймер тикал. Был взят еще один город. Россия полыхала.

Совершен стремительный марш-бросок и сделан привал, и вот армия народного ополчения, уже стояла подле стен той цитадели, что водрузилась здесь в конце прошлого века. Те партизаны, что взяли очередной город и переманили войска противника на себя, отступали через мост, теряли людей. Как камикадзе они жертвовали собой ради общей победы. Эти герои не будут забыты.

Утром следующего дня, подступающие к базе «Псков» бойцы были готовы приступать к штурму. Противник тоже не дремал – новые полчища иностранцев прибывали через тоннели. Но основные их силы тут же устремились в сторо-

ну мятежных городов, а кто-то был вынужден отправиться даже в Москву. Как и в войнах прошлых столетий, необъятная территория была нашим главным оружием. А ее верным помощником служили плохие дороги. Если быть более точным, то сейчас речь шла еще и о завалах на них, а так же о подорванных железнодорожных путях. Переброска войск была затруднена, а леса были последним штрихом в этой картине.

Трофим стоял среди деревьев, в бинокль смотрел на вражескую крепость, годами всасывающую народные недра его родины. Высокие стены окружены минными полями. Виднелись и башни с дозорными, и мелкокалиберные орудия. Лагерь народных борцов ожидал своего часа, ждал распоряжений. Трусить было уже поздно.

Одной из самых серьезных преград служило минное поле, заранее подготовленное на случай подобных инцидентов. Но было решение. Вчера, когда пехота «Креста» переправилась через реку и устремилась вместе с частями регулярной армии в леса, то их танки и прочую технику поджидал засадный полк партизанских частей. Пока возводилась переправа, эти доблестные воины сделали рывок и со спины набросились на железных монстров. Взрывчатка делала свое дело, но для многих этот бой оказался последним. Они смогли захватить один из танков и все три машины разминирования.

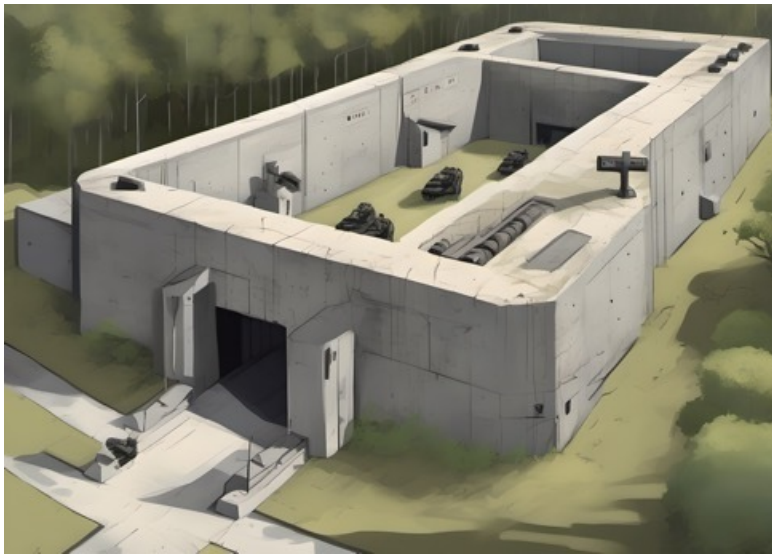
По рациям солдаты «Креста» успели сообщить о нападении на танковую часть, и силы с базы направились туда. Но была форта по времени, бойцы, которые совершили захват техники, служившие в свое время танкистами, смогли быстро сменить дислокацию. По дороге, а затем по лесной просеке и заросшим полям двинулись к своим. Воссоединившись с армией народного ополчения близ базы «Псков», они дали шанс прорваться через минное поле. Второй день на улице дождливо. В подмогу пришел утренний туман, который мог прикрыть наступление.

Платошин, которого бойцы называли попросту Палыч, после мотивационной речи распорядился начать наступление. С противоположной стороны крепости небольшой отряд произвел симуляцию наступления – отвлекали гарнизон. В это же время на единственную дорогу, что вела к въезду на территорию, вышел другой отряд, произвел несколько выстрелов в сторону противника и скрылся. Все внимание врага было сосредоточено именно там. Иностранцы даже не представляли, какой сюрприз им готовится, какого масштаба армия пришла по их честь.

Сквозь туман ринулись вперед машины разминирования. Необходимо около двух минут, чтобы очистить путь, домчав до стен. Стальные гиганты двигались стремительно и перемалывали противопехотные мины. Несмотря на туман, они

не смогли остаться незамеченными. Вскоре по ним открыли огонь. Одна из машин тут же была уничтожена пушкой противника. Напряженная минута длилась будто вечность и вот узкий, но верный путь к свободе был протоптан – войска устремились вперед. Шквал пуль обрушился на головы доблестных воинов, падающих на сырую землю с пылающим огнем в глазах. Уничтожить мины помог и миномет, перепыхивающий поле.

Захваченный повстанцами танк, смог выстрелами снести часть стены и две дозорные башни. Порою поражаешься, как человек или одна единица техники с профессионалами внутри может добиться сокрушительного в прямом смысле успеха. Например, в августе 1941 года под городом Луга танк КВ-1, за броней которого сидел опытный командир Зиновий Григорьевич Колобанов, уничтожил в бою двадцать два немецких танка за тридцать минут.

Полчища храбрых бойцов устремились внутрь крепости и моментально рассеялись по территории, занимая выгодные позиции. Трофим выполнял важную роль. Его отряд должен обезвредить пулеметы и снайперские расчеты на стенах и башнях. Под градом пуль, перебежками двигались они от цели к цели.

Шустрый проявлял неслыханный героизм и давал пример остальным, как вдруг шальная пуля скосила его – он упал. Сергей был еще способен ползти и стрелять из пистолета. Он

продолжал свой бой.

Трофим бросился к нему, стал тащить в укрытие своего брата. Это не просто брат по оружию, а самый настоящий. Сергей был младше на два года, и они, рано потеряв многих родных и друзей во время вируса 1999 года, всю жизнь держались друг друга. Пошли в партизаны совсем юнцами, были доблестными сынами отечества, сражались бок о бок. Казалось, ничто не может сломить и остановить храбрых братьев. Трофим затащил его за ящики и полез за аптечкой в сумку.

Шустрый, зажимая рану и преодолевая резкую боль, процедил сквозь зубы:

– Вот твари. Seriously зацепили... Брат, ты осторожнее, вдруг и ты на пулю нарвешься. У нас же отец, сестра. Ты нужен им.

– Мы нужны. Мы, – сказал Трошка, дрожащими руками достающий бинт и сдерживающий слезы.

– Позаботься о них. Позаботься обо всех наших людях. И это, береги себя. Ты самый сильный человек, которого я знал. С Богом. Спасибо тебе за все...

Трофим наконец расправил бинт, хотел помочь брату снять гимнастерку, но... Тот уже закрыл глаза и спал вечным

сном. Слезы хлынули из глаз старшего, он бросился обнимать павшего героя, положившего жизнь за народ. Эта картина пронизана страхом и любовью, и казалось, что мир вокруг, эта ожесточенная борьба, перешедшая в рукопашную, осталась где-то там, далеко. Не было слышно Кольцову Трофиму Юрьевичу чужих голосов и взрывов гранат в нескольких шагах от них с братом.

Ему пришлось с огромными усилиями прийти в сознание, и хотя бы на время вернуться к выполнению долга перед Отечеством. В конечном счете он был не простым бойцом, а командиром, и там без него кто-то еще мог пострадать. Такой ответственности на себя он взять не мог, а потому, сомкнув глаза на мгновение и вспомнив о былом, он выдохнул тяжело, взял в руки автомат и ринулся с криком в бой. Быстро оценил обстановку, громким, но срывающимся басом завопил:

– Саня, Хмурый, прикройте тыл! Остальные – вперёд, по стенам, к вышке!

Тут и там грохотали выстрелы, плясали кровожадные языки пламени, полыхали ящики у входа в главное здание. Трупы заполнили почти все пространство вокруг, ноги некуда было ступить. Стрельба почти стихла. У металлической двери в бункер, большая часть которого находилась под землей, столпились люди под командованием Платошина. Они за-

кладывали снаряды, чтобы подорвать её. Еще несколько бойцов попытались проникнуть с другой стороны. Взрыв прогремел, и эхо раскатилось по лесам вокруг павшей Обители Зла.

Еще один заряд сдетонировал – можно заходить внутрь с двух сторон. Те, кто первыми вступили внутрь, брали на себя наибольший риск, ведь впереди ждет неизвестность. Среди этого бесчисленного множества израненных людей были и молодые напуганные, и старые опытные вояки, и женщины, и мужчины разных национальностей, но всех их объединял один дух. Они все были детьми Отечества, которое может ими смело гордиться.

Встреча Московских друзей

Паша со своей возлюбленной добрались наконец до Тульской области пешком и на попутках, которые было хоть и рискованно, но все же необходимо ловить. Чуть поодаль от всех перипетий столицы они должны найти временное пристанище. У них есть координаты лагеря, но все остальные детали неизвестны. Терзают мысли и переживания о своих друзьях. Макс в тюрьме, кто-то бежал, но все ли смогли – этого им неизвестно. Пока они были в пути, столько событий произошло в стране, что они и представить себе не могли.

Наконец парочка подошла к лесной дороге, и белая повязка на высоченной сухой сосне послужила для них ориентиром. Нужно пройти вглубь леса. Павел издал ртом своим звук похожий на тот, что издает кукушка. Тишина. Через минуту последовал ответ. Ребята переглянулись и стали улыбаться, будто нашли не временное убежище, а Священный Грааль. Впрочем, сейчас встреча с единомышленниками, еще и в безопасном месте, была для них главным счастьем на земле после их любви.

Навстречу из леса вышел Стас, их друг, с которым они собирались каждый раз в компании Макса и других ребят.

Обнимались долго, а Вера даже плакала. Недолго они шли – завиднелся между деревьев старый бункер – эхо войны.

Часть бетонного сооружения была присыпана землей. Рядом на поляне у костра грелись несколько человек, они не сильно заботились о дыме, который мог их выдать, ведь сейчас все силы государственной машины брошены на запад.

– Пашка! Вера! – закричал их брат по подполью, сидевший у костра. Еще один член их коллектива. Здесь собрались, кажется, все из их ячейки, кроме Макса... Разговоры захлестнули с головой и магически быстро улетучилась усталость. *Кто-то оживленно рассказывает о своих планах на завтра, а кто-то отдыхает у костра, наслаждаясь его теплом и светом. Запах древесного дыма наполняет их ноздри.*

Но в какой-то момент мозг дал четкую команду всем мышцам тела неметь, и сон подошел так близко, что нельзя было оттолкнуть его. Вскоре все стали расходиться спать, забирались в бетонное укрепление и ютились там у буржуйки. *Двое влюбленных нашли утешение в объятиях друг друга в спокойствии впервые после того, как покинули свои дома.*

Солнце садится за хвойный лес, заливая деревья и поляну теплым золотым светом. Вдалеке на фоне природы возвы-

шается старый бункер времен Второй мировой войны. Это было тихое и загадочное место, полное тайн. Воздух наполнен ароматом хвои и сырой земли, смешанным с древесным дымом от их костра.

Отчего-то Паша проснулся довольно рано, пока его спутница еще досматривала последние сны. Он не стал тревожить Веру и вышел на улицу. Свежесть утреннего тумана приободрила его, а щебетание птичек было лучше любой мелодии, которую можно было слушать, сидя у себя в квартире. У костра, которому уже дали новую жизнь, собирались парни и девушки, мужчины и женщины.

Здесь встретились множество людей, которых раньше он ни разу не видел. Объединенные общей идеей, они готовили на огне завтрак. Его приветствовали. Паша, помахав рукой в ответ, нашел себе местечко на бревне. Чуть съжившись и пытаясь с головой укрыться в свою кофту, он медленно, но верно пытался проснуться, согреться и отойти от утренней сырости, что наполняла его легкие и само сознание. Слушая чужие разговоры, включался в процесс, а черный горячий чай окончательно привел в чувства.

Он услышал высокий голос совсем рядом – это была молодая девушка в синей футболке, которая глядела на остальных печально:

– Нашу ячейку тоже слили. Волна облав накрыла город с головой, двоих поймали. Страшно представить, что там с ними делают сейчас...

– Как они умудрились поймать Макса? Стас, скажи мне, как? – тут же заговорил Павел, обращаясь к знакомому лицу. – Мы же были так осторожны, он так умело умудрялся руководить и быть неприметным... Что с ним теперь?

– Его кто-то сдал. Представь, с каким количеством людей он общался? Может кто под пытками и раскололся. Мы освободим его. Новости, кстати, получили: там уже не только города целые взяты. Ты не поверишь! Наши захватили базу под Псковом, по крайней мере, они уже на территории, внутри. Сообщили через всю цепочку «Северу». Ты только представь! Их главный узел взят под контроль. Что же сейчас в кабинетах московского начальства и там за рубежом происходит? – рассказал Стас, махнув рукой куда-то в сторону.

– Ты серьезно? Офигеть! Наши! Там! Я пойду Веру разбужу, – побежал ко входу в бункер Паша. Через минуту они уже выбежали наружу, и начала прыгать восторженно и кричать «Ура! Победа!».

Ее поддержали восторженные возгласы улыбающихся со-товарищей.

– В Москве же идет борьба протестующих на улицах, – продолжил свою речь Стас, – говорят, что часть военных и милиционеров перешла на сторону народа. Представляете? Если бы мы были среди тех смельчаков...

После этих слов приободренное настроение сменилось на небольшое уныние. Макс сидит в тюрьме, а они тут в относительной безопасности, далеко...

– Мы еще поборемся! – воодушевленно крикнула Вера. – Какой план? Есть распоряжения?! У вас есть связь с «Севером»?

Низенький мужчина в черной обветшавшей курточке, с щетиной на лице ответил ей:

– Да, есть связь, есть указания. Простите, забыл представиться. Комаров Геннадий Николаевич. Я из местных партизан. Мы давно этот бункер облюбовали – нам приказано было быть здесь и принять беженцев из столицы и Тулы. Есть и дальнейшие указания: выдвигаемся в Краснодар. Нас ответит грузовая машина, водитель там из наших. Едет за грузом, а нас подбросят.

– А дальше? Куда дальше?

– Указания получим на месте. Информация будет приходиться порционно. Среди нас оказались предатели, судя по тому, что вы тут... Доверять сейчас никому нельзя, поэтому я не могу вам, дорогие мои, раскрыть даже время отправки грузовика и место посадки.

– Если так надо для дела, то просто ведите.

– Сынок, ты готов взять в руки оружие? Не струсил бы в случае чего?

– Нет. – коротко и решительно ответил Павел.

В то же самое время у бездымного костра в 750 километрах восточнее от них сидели волгоградские партизаны. Рядом с ними Паулюс. Их не мог прикрывать лес, здесь степь была главенствующей. Его недавний допрос раскрыл удивительную истину – это был не рядовой агент «Креста», коих в стране были толпы. Оказалось, что он работает на разведку страны, что там, за пределами купола, всячески старались балансировать между попаданием под учесь, которой удостоилась Россия и членством в международном военном альянсе. Долгие годы ему удавалось скрывать от CROSS свою истинную сущность.

Здесь Паулюс добывал информацию, которую умело

скрывал от одних своих нанимателей и передавал другим, хоть и сделать это было крайне сложно. В отсутствии интернета и какого-либо иного средства связи с внешним миром можно было рассчитывать лишь на других работников разведки и, используя свой интеллект, оперировать такими инструментами. Образ ленивого простачка, любящего выпить немного лишнего, был известен его начальству из «Креста» – они не могли подумать, что такой гуляка способен вести двойную игру.

Впрочем, сейчас для повстанцев он предоставлял большую ценность именно тем, что обладал информацией по базам противника, знал всю нюансы внешнего контроля, детали работы агентуры, много всего полезного, что «Север» даже не рассчитывал получить, когда организовал план по его захвату в плен. Вместе с ним они смогли подготовить план будущего наступления на базу «Кавказ» и просчитать последствия. Необходимо не просто захватить экспортный центр и сместить внутреннюю власть в стране, но и грамотно сменить риторику общения с внешним миром. Вклад личности в историю – вопрос обсуждаемый, но новое знакомство определенно веяло значительными переменами.

Следующим утром в 7:00 низенький мужчина в черной куртке по фамилии Комаров, командир нового отряда, состоящего из лесных партизан и новоприбывших членов го-

родского подполья, разбудил лагерь и приказал готовиться, собирать вещи.

В 8:00 группа вышла к двухполосной дороге, что проходила через лес. Фура приблизилась, медленно съехала на обочину. Водитель вышел и несколько раз громко покашлял. Отряд вышел из леса, предварительно оглянув дорогу, и его члены стали запрыгивать в прицеп. Машина тронулась – спустя несколько часов они были доставлены в Краснодарский край. Остановились у недостроенного четырех-этажного дома на окраине станицы. Покинув транспорт, все устремились за Комаровым.

Их пристанищем на сегодня станет подвал высокого недостроенного дома – и вот, они оказались внутри бетонной коробки. Солнце жарило, но здесь царили тень и прохлада, даже сырость. Здесь им была назначена встреча с местным сопротивлением.

Комаров зажег несколько масляных ламп, которые ожидали здесь своего часа. Огонь пролил теплый свет на окружающую обстановку. Посреди просторного помещения стояли парты и несколько десятков стульев, кажется, взяты они были из школы.

– С минуты на минуту подойдут местные, из наших. А

пока положите вещи, отдохните, подкрепитесь, – отдал приказ командир. Путники наконец могли выдохнуть, место казалось безопасным. Долгая дорога в фуру сквозь блокпосты всех вымотала.

– Может они нам покушать принесут? Все-таки Кубань – житница России, – приободрённо сказала Вера тихонько своему любимому. Паша повел плечами. Разговоров не было слышно, все молча отдыхали.

В дверь постучали три раза. Геннадий Комаров подошел ко входу. С улицы: «Где живёт сторож дядя Ваня?». Последовал ответ: «Дядя Ваня здесь».

Засов открылся, а внутрь ввалилось человек десять, почти все – взрослые, здоровые мужчины.

– Комар! Здорова! Сколько лет, сколько зим! Своих привел? Ух, сколько вас тут набралось, да... Мы в разведку ходили, а потом в станицу заглянули, тут рядом – там наша радиоточка, общались с «Севером». Давай отойдем, с глазу на глаз переговорим, хватай стулья, в уголке сядем, – быстро заболтал один из новоприбывших.

Пока командиры удалились для обсуждения планов, остальные знакомились, жали друг другу руки, делились слу-

хами и шутили. Паша, вытарщив глаза, посмотрел на одного из новоприбывших бойцов – высокого, коренастого мужчину с бородой.

– Отец? Отец!

Бородатый мужчина встал как вкопанный, посмотрел на Павла, и слезы наворачивались на глазах. Он бросился резко обнимать своего сына, которого не видел уже два года.

– Паша! Сынок! Милый мой, и ты здесь. Я... Я недавно влился в ряды наших местных партизан. У нас на полях познакомился с людьми, и... Да ладно я! Ты какими судьбами здесь? И тебя позвал зов сердца? А ты не один, я вижу, это твоя девушка? Или подруга? Стоит рядом, стесняется. А я по глазам-то вижу! Ну, рассказывай, – они долго крепко обнимались, в глазах обоих стояли слезы счастья. Кто бы мог подумать, что судьба сведет их вместе в таких обстоятельствах? Отца его звали Александр. Несколько лет назад его с женой и младшим ребенком по распределению отправили работать в поля Кубани. И вот он здесь, рядом с сыном.

– Я так счастлив, ты даже не представляешь? Хотя почему, ты ведь испытываешь те же чувства... Я в Москве был совсем один, ну, были приятели, но как-то жизнь текла, работа кипела, и я и не думал, что все так будет развиваться. Мой

коллега с работы Максим организовывал ячейку подполья. Сейчас он... Он в тюрьме. Сдал его кто-то. Из своих или с завода – не знаю. Голову ломаем. Может, Жора... Был у нас один такой в компании. В итоге все сбежали, все тут, а его нет. Или не смог выбраться, или тоже поймали. Но кто еще? Ладно, со всем разберемся. Я тут с девушкой своей, ее Вера зовут, думаю, она тебе понравится. Вы пообщайтесь вечером обязательно, я буду счастлив вас наконец познакомить. Что там мама?

– Мама в порядке, живет в станице соседней. Работает на хлебокомбинате. Я периодически по ночам к ней захожу. Проведываю, помогаю. Даст Бог, скоро увидите, – отец улыбался мягко, породному.

– Пап, скажи, как же вы тут? Тут же лесов, болот нет. Как лагерь разбивать, как передвигаться незаметно? Вы же как на ладони в этих полях бесконечных. Тем более еще и засеяно все, все бурлит, столько людей и техники вокруг. А еще, уверен, все это контролируют чиновники и силовики, градовские шавки. Как?

– Хах, вопрос хороший, сынок. Непросто, очень непросто. Ну вот смотри, есть станицы небольшие, заброшенные полностью или частично. Например, тут, где мы сейчас сидим, спокойно же? В станице живут люди, которые работают на

полях, их немного, но они все нас поддерживают. Если бы кто хотел выдать, уже бы это сделали. Есть у нас и землянки в полях и перелесках. Передвигаться в высокой траве, да надев маскировку, не самая сложная задача. Огонь разжигать в укрытиях, правда, не очень легко, чтобы себя не выдать. Все тут просматривается, враг может в любой момент оказаться рядом. Чтоб дыму поменьше было, используем дрова сухие и уголь древесный, что местные нам дают. А еще используем печи специальное, дым идет через траншею с влажной соломой, а там на поверхности накрываем камнями чтобы сдерживать тепло и дым рассеять. Да и тепло тут у нас, в конце концов. Справляемся. А часть наших и вовсе в горах, там, в сторону моря. Там и пещеры есть, а в лесу, сам знаешь, спрятаться – не проблема. Главное – отряды у нас с гулькин нос. Вот нас девять человек сейчас, бывает, что и шесть. Это у вас там вокруг Москвы в буреломах и по сто человек отряды могут быть, – неторопливо рассказывал Александр про местную жизнь партизан.

– А еда? Что кушаете, где достаете?

– Так ведь Кубань, сынок. Житница России, – повторил он слова Веры, которые знал про Краснодарский край каждый. Всех кормим. Очень много местные жители дают, где-то сами кукурузу или даже арбуз в поле прихватим. По зиме труднее, конечно, но и без помощи справляемся – устраива-

ем рейды. Нападение на вражеские линии снабжения или набеги на склады. Делимся с жителями: кому лекарства принедем, кого накормим. Но это не часто, «Север» здесь несколькими отрядам обычно поручает собирать продовольствие и снаряжение и схрон делать, о котором докладывают остальным, в то время как другие отряды выполняют диверсионные работы или местному простому люди помогают от угнетателей избавляться на местах. Секретные склады с продовольствием штука не новая, так было еще у партизан во время Великой Отечественной. Всё то по истории учимся у предков. А вообще, нас в этом крае немного. Мы – капля в море повстанческого движения. Но скоро, даст Бог, наконец вклад весомый сделаем.

– Расскажи еще что-нибудь, а? Историю какую... – Паша превратился в маленького ребенка, которому так не хватало разговоров.

– Историю... Ну давай. Но не про себя, а про настоящих героев, про тех, с кого можно брать пример. Во время Великой Отечественной войны на территории Кубани действовал удивительный, необычный партизанский отряд под руководством Петра Карповича Игнатова. Набрали из тех, кто призыву не подлежал. 58 человек, а 39 из них были с высшим образованием! Химики были, и значит, умели изготовить взрывчатку из самых простых компонентов – глицери-

на, жира и прочего. Ну так вот, еще за год до того, как немцы в наш край пришли, уже начинали готовить партизан, и Игнатов был назначен командиром. В то время каждый, кто не калека службу нес, а потому были среди отряда и пулеметчики, снайперы и даже один летчик-истребитель, списанный по здоровью. А знаешь, что их делает похожими и на нас теперь? Вот мы с тобой теперь в одном отряде, так и у них было. Рядом с командиром сражались два его сына и жена, которая была в отряде врачом.

Мама твоя в деревне осталась, работает, а я ее тайком навещаю – не в том она здравии, чтобы по землянкам шастать. Но и у нас, вон, смотри, есть Ксения. Тоже врач, еще до купола образование получила, а сейчас жизни бойцов спасает. Так вот, отвлекся я... Отряд Игнатова менее, чем за год боевых действий потерял пять бойцов всего, и при этом уничтожил более восьми тысяч немцев! А еще сорок танков, больше сотни орудий, несколько сотен автомашин, мотоциклов, броневигов, взорвал шестнадцать железнодорожных составов и около двухсот вагонов со снаряжением и людьми! Это самый эффективный отряд во всей истории партизанского движения. Не веришь? А правда, и такие люди бывают! Только произошло страшное. Среди тех пятерых погибших героев были и оба сына Петра Карповича. Пали смертью храбрых при захвате поезда. Вечная память... Такими героями славится наша страна, и хороших примеров масса. Давай и мы с тобой будем не отставать, но береги себя! Я себе не прощу,

если ты погибнешь, да на моих глазах. А потому слушай отца и не перечь. Ради семьи. Хорошо?

– Хорошо. Обещаю.

– Да, на Кубани партизанам непросто, но есть же горная часть с лесами. А вот нашим братьям под Волгоградом совсем тяжело. А во время немецкой оккупации, когда битва за Сталинград была, и тогда были там отряды. Мало, конечно, да и группки крохотные как наша, но как еще в степи?

Но при этом смогли они уничтожить тогда пять складов, эшелон, танк, автомобили, дзоты, мосты и около тысячи вражеских солдат и офицеров. Тут на юге что тогда, что сейчас не так масштабно наши сражались, потому что знаешь, с 41 по 43 год в брянских лесах партизаны-то более ста тысяч немцев уничтожили. Сто тысяч, представь! Хорошо, что сейчас Градов и его шобла разложились в своей лени, воровстве, пьянстве и покрывают друг друга в страхе перед иностранным руководством, а потому о таких численностях неприятеля можно забыть. Да что я все о партизанах, давай и о жизни нашей поговорим, да о стране!

В городах у нас в регионе оппозиции немного. Кто-то боится, кому-то все равно, к тому же все нуждаются в чем-то, а Градов иногда то денег выделит малоимущим, то реформу введет, ослабляющую тягость, чтобы народ успокоить. Впрочем, это бывает редко...

Про тюрьмы и весь беспредел, что там творится, думаю, ты и так знаешь. О чем говорить, даже если среди подполья и партизан находятся предатели, кто за малые блага, в угоду своей жадности и страху предает? Как с Максом твоим поступили... Были и раньше среди народа и коллаборанты – когда к немцам переходили, остались такие и поныне.

А что с наркотиками?! Сколько людей сторчалось вместо того, чтобы бороться. У меня друг умер так. *А власти это полезно по целому ряду причин. Игла может дать выход инакомыслящим, которые не могут или не хотят открыто бросить вызов власти и авторитету режима, колят иглу в вену и если они умрут Градову и его начальству это опять же только в плюс, ведь он избавился от потенциального врага, а тем более ртов слишком много лишних в стране.* А еще это и дополнительный источник дохода для правительства. Сами же чиновники и курируют потоки этой дряни.

Отец с сыном после долгой разлуки бросились обсуждать в первую очередь не личную жизнь, а их работу, их долг. И это было неувидительно в такой волнительный для всей страны период. Они сидели в углу, болтали до поздней ночи, вскоре к ним присоединилась и Вера. И действительно, девушка хорошо поладила с папой Паши.

На улицу подкралась незаметно тьма. Отряд, как лоскутное одеяло сотканный из разных групп людей, готовился

ко сну. Слава Богу, в этом холодном подвале они проведут лишь ночь, а завтра выдвинутся. Двум командирам было приказано обсуждать детали планов только между собой, потому что вражеские агенты или предатели могут быть повсюду. Такой протокол.

Касательно завтрашнего маршрута они решили дать всему коллективу ложную информацию, а в последний момент изменить направление. Пара надёжных людей, должна прибыть в место, куда изначально было решено держать путь, и если там они заметят подозрительную активность, то значит среди группы, которая сейчас готовится засыпать в подвале, есть информатор противника, сливающий всю информацию верхушке.

Удочка была закинута, и вот уже весь коллектив знал план на завтра и ничего не подозревал. Бойцам было доложено, что они в шесть утра выдвигаются к точке сбора в перелеске у соседней станицы в трех километрах на юг от них, чтобы наконец объединиться с местными отрядами, что через час после них должны быть там. Все укладывались спать в старые, но теплые спальные мешки. Кто-то выходил на улицу покурить или сходить в туалет. Они делали это крайне осторожно, не желая попасться. Наконец, все уснули. Оркестр храпа заполнял пространство вокруг.

Бесконечные поля и холмы освещены звездами, а некоторые фабрики продолжают работать. Станицы усеивают горизонт. Воздух наполнен смесью ароматов полевых цветов. Умиротворяющая тишина.

Новые края

Рано утром отряд был разбужен Комаровым. Пора выдвигаться. План, который обсуждали вчера поздно вечером, воплощался в жизнь. Группа вышла на улицу, командиры обеих групп осмотрелись и повели людей за собой. На всеобщее удивление, они шли по другому маршруту, в противоположном направлении. Ребята переглянулись, кто-то спросил командиров, куда же они держат путь.

– План было решено изменить. Есть альтернативный. Все под контролем, – быстро отчитался Комаров.

Они крались по полям, а самые опытные, знающие в этих местах каждый колосок, оценивали обстановку вокруг. В это время в трех километрах южнее их ночного лагеря, там, куда изначально они должны были держать путь, двое партизан дежурили, держась на расстоянии друг от друга и затаившись среди золотистых колосков пшеницы.

Почти 7 утра. Тут они заметили сразу несколько колонн машин без номеров, несущихся с разных сторон. Из грузовиков выскочили солдаты, из бронированных джипов стали высыпаться служители закона. Командиры орали, подчинен-

ные разбежались группами, чтобы прошерстить местность. Но они не обнаружили ту ораву партизан, что уже должна была быть здесь. Партизаны шустро, ползком выбирались из этого пекла. Шумная брань заполняла все пространство вокруг.

В это время партизаны Комарова собрались у заброшенной станицы, жителей которой давно переселили в другие районы. Здесь сошлись несколько людских рек, всех захлестнули разговоры, посыпались шутки. Люди знакомились. Было приказано расквартироваться в паре заброшенных домов на окраине перед тем, как двигать дальше.

Комаров со своим новым коллегой из местного отряда вышли на улицу, дабы оглядеть местность. К ним подбежали те двое партизан, что недавно вырвались из окружения противника. Отдышавшись, один из них резко выпалил:

– Приехали! Куча людей, солдаты...

– Значит, среди нас есть предатель. Черт! У меня кроме пятнадцати бойцов еще десяток ребят, кто из Москвы приехал. Подполье их. Может, там крыса? И, видимо, ночью вышел на связь со своим командованием... Но ясно одно – рано или поздно придут и сюда. Пока что вся группа под присмотром друг друга вряд ли утечка информации возможна.

Я также попросил своего брата проследить за всеми там и

не давать отлучаться из комнаты даже по малой нужде. Караульте тут, времени у нас мало. Я пойду в дом.

Комаров зашел в душевное помещение, что было плотно набито людьми. Все прибывшие из Москвы находились здесь. Он подошел к окну и, не глядя толпе в глаза, начал говорить: – Ну что, попался, гнида. Сдать своих решил, доложил ночью врагу о месте встречи. И за что? За бутерброд с маслом? Даю тебе минуту, молись, если умеешь. Коля, заряжай автомат. Нет времени с ним церемониться.

В это время его брат сидел в углу у печки и осматривал пристальным взглядом присутствующих, вдруг взгляд выдаст. Так и произошло – паника в глазах парня, а потом и падение на колени со слезами в глазах. И кто же это?

Это был Стас. Он, чуть ли не ползая по полу, просил пощады и извинялся, плакал, вслух искал оправдания своему поступку. Тут же был проведён обыск и в его рюкзаке была найдена портативная радиостанция – довольно мощная, но не из тяжелых. Получается, что ночью он вышел из подавала якобы по малой нужде, там и передал информацию своим новым покровителям.

Паша, Вера и другие ребята пребывали в шоке, нет, даже в ужасе. Их приятель, их брат по оружию, с которым они

сидели столько раз вместе с Максом и думали, что едины. Он и есть та самая крыса.

Вооруженные партизаны, часть которых вместе с ними заняла эту комнату, смотрели на предателя холодно, с презрением, желая плюнуть тому в лицо, а то и чего хуже. Комаров подошел к Стасу, хотел было начать речь, но понял, что гнев захлестывает и его, а это может привести к жестоким избиениям, и что времени в обрез. Потому он распорядился громким басом:

– Этого связать, кляп в рот и с собой. Наши люди уже должны подъехать на грузовиках. Все остальные, вещи в руки и бегом. Скоро сюда может прибыть враг. По машинам!

Спустя всего несколько минут все погрузились в грузовые прицепы. Это было не самое лучшее такси, но чем богаты... Грузовики с наваленными сверху мешками, под коими сооружены деревянные помосты, где могли спрятаться партизаны, двинулись, моторы зарычали. Спустя несколько часов, пройдя несколько КПП, партизаны, измотанные тряской, наконец добрались до цели.

По дороге командир допрашивал Стаса, а Павел помогал ему вести диалог. Связанный пленник отвечал на все вопросы, ведь боялся. Он не был убежденным их врагом, да и было бы странно, если бы нашлись такие среди обычного лю-

да. Струсив и купившись на гарантии безопасности и новую квартиру, которую ему пообещали агенты из Министерства национальной безопасности, он сообщал им о передвижениях в бункер под Тулой, потом, по прибытии на Кубань, рассказал о плане собраться с другими отрядами. И вот люди Градова хотели обрушиться на своего противника в тот момент, когда соберется максимально большое количество людей в одном месте. Не вышло.

Уставшая толпа выгружалась из машин. *Вокруг них – предгорья Кавказских гор, холмы, леса и горные вершины украшают пейзаж. Глубокие ущелья, бурлящие реки и кристально чистые озера заполняют этот край. Дикая природа здесь изобилует оленями, кабанами, волками, рысями и медведями.* Там, в нескольких километрах восточнее, можно было увидеть уже почти разрушенный временем, но когда-то величественный винный завод. Все устремились именно туда, к поросшим травой стенам старинного здания. Группу встретил энергичный бородатый человек с бегающим взглядом. Его звали Алан. Горец повел их за собой, осматриваясь и по дороге расспрашивая о чем-то командиров, шагающих впереди остальных.

Паша держал Веру за руку. Ей стало плохо – качка в грузовой машине довела ее до состояния близкого к потере сознания.

– Милая, держись, пожалуйста. Всего километр пройти осталось. Если что, то я тебя понесу на руках, – улыбка появилась на ее бледном лице. Вера прижалась ближе и молча продолжала шагать. Наконец разбитый корабль их команды прибило к берегу. Они зашли в здание осторожно, боясь, что свободы могут обвалиться.

– Эти руины – наш новый дом? – подала голос девушка.

– Не переживай, у нас есть сюрприз для вас. Гостям мы рады, предложим лучшие условия. Пойдем, – отвечал бородатый горец, растягивая звук «а» и как-то особенно выделяя шипящие.

После этих слов кавказский мужчина махнул рукой и направил всех к старым дверям. Затем постучал по ней костяшками пальцев в особом ритме, обозначающем своим, кажется, не только то, что это он, а еще и то, с кем пришел. Через несколько секунд раздался скрип, их впустили. Вниз вела каменная лестница, в винный погреб.

Арки сводов нависали высоко над головами. Это точка сбора. В просторных помещениях под землей укрылись целые полчища борцов за свободу. Здесь и местные, и приезжие, и не только из Краснодарского края. *Темное и сырое*

пространство освещали масляные лампы. Партизаны превратили этот подвал в импровизированный лагерь. Они перегородили пространство старыми бочками и ящиками, где спят на одеялах или циновках. Они также используют пространство для хранения своего оружия и припасов, в том числе продовольственных пайков, которые были украдены с вражеских складов. Кто-то сидит в углу на ящике и чинит свое снаряжение, в то время как другие тренируются с оружием, готовясь к бою. Ночью они по очереди охраняют вход, чтобы никто не мог войти незамеченным. Несмотря на эти не самые комфортные условия, боевой дух отважных воинов остается высоким, поскольку они продолжают бороться за свободу против угнетающих сил. Они выживают, полагаясь на силу и мужество друг друга.

Есть здесь также некоторые основные удобства, такие как импровизированная кухня, где можно приготовить еду на огне, а также столы и стулья, где бойцы могут собираться вместе, чтобы поесть или обсудить планы. Также оборудована зона для оказания медицинской помощи, где раненые могут получить помощь в случае необходимости.

Паше с Верой выделили угол и дали время отдохнуть, Александр занял место неподалеку. Пока девушка отдыхала, лежа на старом одеяле, сын с отцом сидели у бочки, которая стала для них столом. Они беседовали об их былой жизни и

мечтали вслух о будущем.

Партизанские командиры сидели за столом в одном из подсобных помещений, и были заняты обсуждением плана. Один из мужчин в комнате – из «Севера», он прибыл сегодня из Сибири и должен возглавить объединенной армией. Это опытный офицер старой закалки с боевым опытом, именно ему поручено объединить разрозненные небольшие группы, чтобы двинуть их на базу «Кавказ». Все присутствующие бурно обсуждали стратегию, пристально вглядывались в карты. До поздней ночи сидели здесь, и тусклый свет освещал их силуэты.

Главнокомандующим новым кавказским фронтом был еще несколько дней назад назначен Конюхов Федор Ильич. Мужчина под шестьдесят, гладко выбрит, в волосах седина, с мудрым, спокойным взглядом. Он спросил остальных:

– Все понятно? Надеюсь, что завтра вы будете действовать слаженно. Я знаю, что люди здесь сидят умные, образованные, опытные. Штаб делает на нас ставку. Не будет нескольких попыток, поэтому проконтролируйте, чтобы в наших рядах царил строгая дисциплина. Голосованием определим, кто будет выступать заместителем в случае моей гибели или серьезного ранения.

Голосование проведено. Избрали на эту должность Кома-

рова Геннадия Николаевича. О нем ходили слухи как об отважном воине, который умел выстраивать правильные отношения с солдатами, а его подчиненные были крайне дисциплинированы. По образованию Геннадий инженер, служивший в танковых войсках еще при Советах.

Совещание подходило к концу:

– Братцы, завтра тяжелый день. У вас таких битв еще не было, – твердо стоял Федор Конюхов и также твердо говорил, – и у меня, право слово. Утром мы должны поднять отряды и произнести мотивационные речи, растолковать бойцам задачи.

Прошное нападение наших двух небольших групп на базу «Кавказ» должно было дать уверенности «Кресту», что здесь на юге партизаны действуют разрозненно и не могут нанести впечатляющий удар. Тем более, сейчас они заняты Псковом и волнениями в Москве. Это не отменяет того, что нам нужно готовиться ко всему. Есть вопросы?

– Вопросов нет, – ответили сразу несколько человек.

Командиры пожелали друг доброй ночи и разошлись по койкам. Мест на всех не хватало, спать приходилось поочередно. Кто-то из бойцов заснул, прислонившись к стенке. Здесь были только надежные люди, перед операцией «Скала» в каждом отряде были проведены проверки, подобные

той, где выявили предателя Стаса. А на улице воздух был свеж и чист, и звезды, кажется, бесконечно тянулись по темному небу. Горы величественны, с зубчатыми вершинами, достигающими ночного неба. Тишина нарушается лишь случайным криком птицы или зверя вдалеке. Их покой этой ночью охраняла группа местных бойцов, которая укрывалась в горах и пристально следила за окрестностями.

Кавказ

Начинался новый день. Командиры зачитывали речи перед подчиненными. Бойцы отдыхали, тренировались, переговаривались и лишь ближе к вечеру получили команду выдвигаться.

Армия продолжает свой путь, преодолевая крутые подъемы и спуски, словно непокорные волны океана. Воины поддерживают мораль друг друга. Они знают, что перед ними стоит сложная задача, но никто не сомневается в своей силе. Постепенно, с каждым шагом, горы Осетии раскрывают свою красоту. Они выглядят могучими и неприступными, словно стражи старинных замков. Величественные скалы возвышаются над армией, словно хранят в себе древние тайны и мудрость веков. Горная река, протекающая посреди ущелья, придает окружающей природе особенную прелесть. Ее прозрачные воды бегут быстро, и словно хранят в себе силу и жизненную энергию. Воины останавливаются на мгновение, чтобы утолить жажду и ощутить связь с природой, которая окружает их.

Близился роковой час. Подкрадывается темнота. Войска добрались до вражеской базы «Кавказ», настало время раз-

делиться на группы – иначе невозможно было подойти незаметно и не потерять много людей.

У скалы завиднелась вторая цитадель «Креста». Она окружала собой тоннель, проделанный в горной породе и ведущий за пределы купола. Железнодорожные пути выходили неподалеку из подземного тоннеля и устремлялись уже по поверхности, к воротам. База находится на возвышенности – зеленом холме. Поля вокруг щедро засеяны минами, а на расстоянии нескольких сотен метров виднеются заграждения из колючей проволоки. Темнеет.

Разведчики еще вчера доложили, что враг расставил вокруг базы своих часовых, а главная неприятность была в том, что местность патрулировал вертолет. Из плюсов можно отметить то, что часть десанта, прибывшая на эту базу, отправилась в Краснодар для подавления восставших, а также под Волгоград искать пропавшего агента Паулюса.

Небольшая партизанская группа была направлена для нейтрализации вертолета, кружившего над местностью и выискивающего свою жертву. В долине сразу в нескольких точках между холмами были установлены ловушки. Приспособление примитивное: деревянная палка, шнурок, проволока, пара кусков листового металла и несколько осколочных гранат. Граната привязывается проволокой к деревянному ко-

лу, а к чеке привязывается шнурок, в верхней части палки проделывается отверстие, в которое вставляют вращающуюся ось, и к ней подвязывают шнурок. Из листового металла сделали лопасти, чтобы можно было собрать маленький ветряк длиной сантиметров 50. Он надевается на вращающуюся ось с подвязанным шнурком. Эти ветряки вкапываются в землю там, где должен приземлиться вертолет, и теперь основная задача – привлечь противника. Рядом с ловушками положили включенные фонарики.

Спустя минут пять наконец появился в небе вертолет «Креста». Пилот увидел подозрительный свет внизу и решили спуститься, чтобы провести разведку, ведь кто-то значит проходил прямо тут по их территории.

Когда вертушка начала снижение, то ее лопасти потоками воздуха начали раскручивать лопасти ветряка-ловушки. И чем ниже они садились, тем сильнее вертелась ось партизанского приспособления и наматывала на себя шнурок, выдернулись чеки из гранат. Громкий взрыв разметал осколки повсюду, несколько из них угодили в членов экипажа – пилот ранен, стрелок убит. И в этот момент, сбросив с себя маскировку, сделанную из сухой травы, двое партизан выскочили из укрытия неподалеку и, начав огонь из автоматов. Лобовое стекло разбито, изнутри ввысь вырывается дым. Впрочем, эта посуда еще на ходу. Знания по созданию подоб-

ных капканов на вертолёт были приобретены при изучении методов борьбы партизан Вьетнамской войны.

Пилот перед снижением успел передать информацию своему начальству. В это же самое время группа лазутчиков, состоящая из тридцати человек, разделилась и ползком двигалась к часовым, которые парами патрулировали местность. Все чисто, можно наступать.

Противник и не мог представить сколько русских бойцов скрывается в редких лесах этой гористой местности. Стоит сказать, что и Градов не догадывался о масштабе сопротивления, ведь многие партизаны числились погибшими еще после вируса 1999 года. О чем-то из-за страха за свою шкуру президенту просто не докладывала свита. Алексей же в свою очередь боялся сообщить о серьезных потрясениях заграничному руководству. Сейчас за это он и расплачивается сполна.

За несколько минут до этих событий командиры готовили бойцов к наступлению в покрове ночи. Снайперы заняли позиции, держа на мушке часовых на вышках. Со стен ярко светили прожекторы, кружили и взглядом своим проливали свет на окрестности.

Комаров во главе накануне сформированного отряда тоже

был здесь, наготове. Вера должна остаться в лесном лагере и быть готовой в случае чего помочь раненым, а Паша, который вчера впервые за многие годы со времен службы в армии взял в руки оружие, готовился к бою, но страха не было видно в его очах. Он отслужил после школы срочную службу, показал себя метким стрелком. В армию сейчас попадали далеко не все граждане – такого количества войск не требовалось, да и это поглощает много финансов. Но каждый год набирали небольшое количество людей в принудительном порядке. Этот опыт будет не лишним.

Отец сидел рядом и наставлял его:

– Сынок, держись меня. Не рвись в рукопашный бой. Исполняй ту роль, которую тебе определил наш командир. С Богом!

Семья обнялась.

Комаров подал сигнал по радиосвязи, после которого вырубилась прожекторы. Это диверсионная группа уничтожила электроподстанции по соседству. Но свет снова вспыхнул – внутри есть генераторы, все продуманно. Но этот факт тоже предусмотрели: на территории базы произошел взрыв, пламя взвилось, устремившись к небесам. Это сработал человек Паулюса, еще один агент, работающий на две разведки. Детонирующий снаряд вернул темноту. Противник начал

судорожно носиться по территории, завизжала сирена. Сработали снайперы, и часовые на вышках и стенах обезврежены.

Теперь Конюхов отдал приказ группе «Трактор». Завелись двигатели, и через колючую проволоку, издалека ринулись навстречу врагу несколько монстров, которые представляли из себя захваченные неподалеку тракторы, усиленные броней с передней стороны, к которым очумелые ручки технарей закрепили спереди самодельные минные тралы. На недавно захваченном партизанами тракторном заводе неподалеку они создали машины по обезвреживанию из того, что было под рукой. За ними храбро ринулась в бой пехота.

Со стороны базы полился град пуль, работали минометы, в том числе, благодаря им была подорвана часть мин. Подобные орудия были и у партизан, и они вместе с противником старались усыпать это поле снарядами, обезвредить заряды.

Из бетонных дотов раздался оглушительный треск пулеметов. Множество бойцов полегло от их стрельбы. Над головой носились неведомые партизанам штуки – черные жужжащие машинки с пропеллерами сновали взад и вперед. Это были квадрокоптеры. Большая часть из них лишь вела съемку, но некоторые несли бомбы. По ним палили из автоматов, один сбили. Взрыв прогремел – это коптер сбросил на двух

бойцов в укрытии смертельный заряд. Эти черные жужжалки отвлекали нападающих и не слабо помогали армии «Креста».

В небе показался вертолет. Он пронесся над стенами бетонного горного замка, и вскоре очередной взрыв запылял внутри. Начал палить пулемет с небес. Сделан круг, и вручную была сброшена с высоты еще одна бомба. С земли палили в небо автоматы, зениток не было здесь. Начался хаос, масла в огонь подливали и партизанские снайперы, не давая никому высунуть голову из укрытий.

Тракторы были подорваны, или же были застрелены их во-

дители, и вот это стадо сельскохозяйственной техники замерло, смерть окутала его. За машинами прятались остатки пехоты. По ним лупили из пулеметов и минометов. Бойцы старались переползать, менять позиции и не прекращали палить в сторону вражеских укреплений. Группа партизан могла бы пробежать узким строем по железной дороге, но тогда их бы уничтожил подчистую шквал пуль. Противник подбил вертушку, и она пошла на снижение за соседний холм. Вскоре гром загремел, и вспыхнуло ярко пламя. Весь экипаж погиб.

Тут откуда ни возьмись завиднелся поезд – он несся по направлению к воротам. Обороняющиеся стали переводить огонь на него, но тот все же достиг цели, и локомотив разбился о прочные врата. Он был начинен взрывчаткой и поэтому разнес вдребезги пошатнувшиеся ворота и часть стены. Поезд покачнулся, и весь состав рухнул в левый бок.

В этот же момент с другой стороны крепости, подле самых стен, разверзлась земля, из-под нее хлынули, как муравьи из муравейника, отряды партизан. Долгие дни рылся этот тоннель, и наконец можно было его использовать. Инженеры дали команду прокапывать ход наружу, рушить тонкий слой земли между ними и поверхностью в тот момент, когда прилетел вертолет.

Использовалась и тактика отвлечения. Пока здесь шел бой, с другой стороны, тут и там, тоже были слышны выстрелы, кто-то выбегал и тут же прятался в укрытие, привлекая внимание противника.

Защитники крепости могли вывести за стены свои танки, чтобы начать бой из орудий и пулеметов, но была возможность нарваться на свои же мины и на обстрел врага.

Армия сопротивления ринулась в бой, люди неслись прямо по минам навстречу неизвестности. Такие атаки могут показаться дикостью, но порою иного выхода нет. Некоторые клеймят маршала Жукова за подобные маневры во время Великой Отечественной войны, но такие же методы применялись и другими отнюдь не глупыми командирами. Например, один из лучших и самых популярных военачальников армии США Второй мировой – генерал Паттон, так описывал ночную атаку одного из полков: «Попробуй они сделать это же в дневное время, скорее всего, на минах подорвались бы те же тридцать пять человек, но ещё несколько сотен полегло бы под пулемётным и ружейным огнём противника».

Взрывы грохотали, и адские вспышки озаряли все вокруг. Сотни людей погибли сегодня, отдав свою жизнь за Родину. Санитары, в их рядах несколько девушек, ползком передвигались вслед за остальными и оттаскивали раненых – мно-

гие в эту ночь лишились ног или рук. Кого-то было уже не спасти. Но им делали укол, старались и их вытащить из этой мясорубки и сделать так, чтобы последним, что они увидят было лицо человека с состраданием в глазах, а не огонь и сыра земля. Не смолкали пальба и адские разрывы гранат. Весь холм у стен цитадели был устлан трупами.

Вера ползла по земле, укрывая голову руками, когда слышала очередной взрыв. Ей впервые было настолько страшно, но это не останавливало ее. Девушка была физически очень сильной и могла справиться с тем, чтобы вытащить бойца с поля боя, тем более, шум стрельбы потихоньку угасал, ведь бойцы уже устремились внутрь через взорванные поездом ворота и через брешь в стене, которую проделали партизаны из тоннеля. Борьба перешла внутрь крепости, нередкой была рукопашная битва с применением лопат и ножей. В ней вновь одержали верх наши.

Когда пули уже почти перестали свистеть над полем, Вера несла на плечах бойца, потерявшего часть ноги. Она проходило мимо подбитого трактора, но вдруг рухнула на землю. Вражеский снайпер ударил исподтишка. Стрелять по санитарке и раненому – верх человеческой подлости, и это не принесло бы ему и его командирам никакого толку. Это была лишь слепая злоба и желание хоть кого-то, но убить. Кровь лилась, и вот дыхание стихло.

В это же самое время снайпер, что чувствовал себя в безопасности на вышке, получил удар ножом со спины. Александр, отец Паши, хорошо умел обращаться с холодным оружием и мог быстро и незаметно перемещаться, поэтому и двинулся зачищать позиции на стенах.

Пока шел ожесточенный, кровавый, нескончаемый бой, Паша тащил по тоннелю к своим раненого Комарова, который не переставал просить оставить его. Но молодой боец за свободу не останавливался, он пыхтел, кричал, но тащил мужчину, который был здоровее него. Наконец, приволок командира к лагерю, где врачи носились в попытке помочь каждому. Страшная картина простиралась перед его глазами: множество тяжелораненых людей стонало, кто-то и вовсе успел здесь в тишине леса покинуть наш грешный мир.

Павел спросил пробегающую мимо девушку:

– Где Вера? С темными волосами девушка молодая красивая, видели?!

– В поле, раненого тащит, наверное. Занята, не время. Ступай!

Паша отбежал на расстояние, оглянул пространство перед стеной, но никого не увидел. Он подумал, что, быть может,

она внутри, а там еще и отец, а потому он проверил, заряжен ли автомат, и бросился к стенам крепости. Там на территории у входа в бетонный дзот бойцы не могли разобраться со взрывчаткой – хотели подорвать дверь и проникнуть внутрь. Паша подбежал к ним и, выяснив в чем дело, смог им помочь. Взрыв дал проход внутрь, и метким выстрелом пулеметчик безжалостно был убит. Все бросились ко входу в главное здание, именно туда должен был заехать поезд с грузом. Но локомотив был уничтожен, не получится тараном выбивать эту дверь. Придется минировать все входы. Паша искал глазами своего отца. Он потерял из виду всех родных, и впервые почувствовал настоящий страх.

Вдруг на плечо его водрузилась крепкая рука.

– Папа? – сказал Паша с надеждой, резко обернувшись.

– Я, – последовал спокойный ответ.

Они с папой крепко обнялись, сын не удержался и пустил слезу. Он спросил, не видел ли отец Веру, но получил отрицательный ответ. Остальные бойцы тоже не видели на территории молодую санитарку. Парень был потерян, разбит, в горле образовался гадкий комок, не дающий нормально дышать.

– Не дрейфь, сынок! Найдем твою невесту! Пойдем в поле искать и к лагерю. Был там? Еще раз! Пойдем-пойдем, тут и без нас справятся, – сильная рука легла на плечо Паши.

Они бродили и осматривали все вокруг. Перепаханная взрывами земля, трупы, куски раскрученного металла. Война катком смерти прошла по горному пейзажу. Паша обошел подорванный трактор и увидел тело мужчины без ноги, навалившееся сверху на девушку – это была Вера. Он тут же бросился на колени и стал стаскивать бойца.

Сердце колотилось, слезы стали литься градом, не было сил сдерживать эти чувства. Руки дрожали. Он перевернул окровавленное тело возлюбленной, посмотрел на лицо, взял ее руку. И почувствовал пульс. Вера была жива. Пуля, убившая партизана, прошла по такой траектории и на такой скорости, что ей лишь слегка задело бок. Она потеряла сознание, кровь шла, но не так сильно, чтобы лишить ее жизни. Паша забинтовал рану тут же, на месте, не без помощи отца, который подбежал к ним. Любимая была жива и это – главное. Вот, что крутилось в голове Павла в этот момент. На небе мерцали звезды, а вокруг в радиусе нескольких километров ни одной живой души. Мертвая тишина.

Вдалеке несколько зарядов сдетонировали, и проход внутрь был открыт. Главнокомандующий Федор Конюхов

подошел к бойцам:

– Братья мои, будьте осторожны! Продвигайтесь и занимайте позиции, оставляйте проход остальным. Если видите безоружных – не стреляйте, но, если не сдаются и бегут – огонь по ногам. Они еще понадобятся. Наша задача – зачистить пространство внутри и взорвать тоннель, пока не подоспела очередная волна подкрепления. Живо! Вперед!

В то время как все они заходили внутрь и вели стрельбу в помещениях, Паша сидел с Верой в лесной санчасти, держал ее за руку, поглаживал нежные и хрупкие пальцы, ждал, когда Вера придет в сознание. Отец побежал к остальным. Бой еще не закончен.

Внутри высоченного бетонного здания, если бы работал свет, можно было бы увидеть огромную платформу у железнодорожных путей. Здесь стояли автоматические погрузчики, коробки. Именно тут проводились, видимо, ревизии грузов. Множество дверей в помещения разного назначения были по левую руку, железные ворота закрывали въезд в горный тоннель. Но самое главное – то, что вся описанная выше обстановка была усеяна вражескими военными. Они заняли все возможные позиции и проливали огонь на каждого, кто осмелился зайти внутрь. Пришлось закинуть на максимальное расстояние и во всех направлениях несколько светошумовых гранат, после пошли в ход и осколочные. Под при-

крытием этого смертельного града с двух входов устремились вглубь смелые бойцы. Они расстреливали противников почти в упор, ориентируясь на фонарики, которыми последние старались подсветить хоть что-то в этих мрачных помещениях. Многие из бравых защитников Родины никогда не выйдут живыми отсюда.

Когда все было кончено, главнокомандующий партизанской армией – от которой, впрочем, остались лишь побитые, раненые, вымотанные осколки – распорядился минировать ворота туннеля. Взорвать их на удивление получилось, хоть и выглядели они сперва совершенно неприступными. Затем, когда можно было наконец пройти, бойцы со взрывчаткой ринулись вглубь. Был подорван сразу в нескольких местах этот монументальный подземный коридор наружу. Своды рухнули, и густой столб дыма повис в воздухе. Внешний мир был отрезан. Все стихло, лишь пыль еще стояла в воздухе.

В плен захвачены несколько лиц в гражданском и десяток раненых солдат. Их было приказано связать и через час привести вместе с переводчиком к главнокомандующему для допроса.

Вера пришла в себя, когда уже светало и туман расплзался по холмам. Она удивленно оглянулась, увидев Пашку,

который все еще сидел и иногда вздрагивал от одолевавшего сна. Стала улыбаться, но резкая боль заставила сбросить улыбку с губ. Достать обезболивающие было непросто... Иногда в страну завозились лекарства, техника, в том числе сельскохозяйственная и бурильная. Лекарства и компьютеры в основном оседали в карманах политической элиты. Какие-то таблетки перепадали простым гражданам с большой наценкой, но объемов не хватало. Вот и сегодня пришлось отдать самое нужное тяжелораненым.

Комаров с плечевым ранением посоветовал Павлу пойти в здания и поискать аптечки там. Он послушался совета и действительно нашел медицинский кабинет. Захватил все, что там нашел и бегом поспешил доставить в лагерь.

Сегодняшние события служат примером тому, что зачастую побеждает не тот, кто лучше вооружен, а тот, кому некуда отступить. Наконец-то этот ад на земле закончился, врата были закрыты. Вернее, конечно, взорваны. Теперь и эта часть страны потеряла возможность контроля внешними силами, пусть и на время. Настало время залечивать раны и готовиться к возможному наступлению войск Градова.

Конюхов отчитался своим коллегам в штаб «Севера», в ответ звучали горячие слова благодарности ему и всем бойцам, а затем поступили дальнейшие директивы. На террито-

рии противника на «Кавказе" была обнаружена среди прочего комната с компьютерами, с современными тонкими дисплеями, подобных которым народные бойцы ни разу в жизни не видели, ведь технологический процесс остановился с установлением купола и приходом вассальной зависимости. Это все предстояло изучать экспертам.

Оставался риск наступления подразделений «Креста" со стороны Сибири, так как там оставался последний экспортный центр, но железнодорожные пути между осколками России в нескольких местах уже были подорваны, и партизаны следили за всеми дорогами. Пока что можно было дышать спокойно.

Оранжевое рассветное небо было прекрасным. Еще чудеснее – тишина, повисшая над горными пейзажами, в которые ночью свой «неоценимый вклад» внес человек.

Бетонная цитадель

Перенесемся во времени немного назад, в утро, когда была взята база «Псков». Двери огромного бункера подорваны – можно заходить внутрь. Большая часть помещений – под землей, и нападающие не могли себе и представить, сколько всего скрывается внутри. С виду это было бетонное строение метров пять в высоту, окруженное такими же высокими стенами. Сюда вела лишь одна дорога через лес, а ж/д пути от военной базы и других хабов проходили под землей.

Несколько человек заглянули внутрь. Их взору пока что открывался лишь бетонный коридор, что уводил в бок. Боец посмотрел за угол – тут же раздался треск пулемета. Бравый герой погиб на месте, рухнул и был за ноги оттащен товарищами. Еще один молодой парень убит.

Партизаны вскоре смастерили нехитрую конструкцию, которая представляла из себя палку, к концу которой примотано автомобильное зеркальце. Просунув ее в проход, они смогли оценить обстановку: в конце этого длинного помещения была бойница, из которой велся огонь. Такое устройство входов в дзоты использовалось немцами еще во Вторую Мировую, оно было не ново.

Чтобы целиться, их стрелок должен иметь обзор через амбразуру. Значит, есть возможность его ослепить. Есть у вас светошумовые? – распорядился Трофим.

К нему побеждал бородатый рыжий мужичек и протянул пару гранат. Трофим лично взял на себя штурм первого прохода и метнул светошумовые, и... Можно заходить, счет идет на секунды. Командир вбежал и стремительно ринулся вперед. Школьные стометровки наконецгодились. Подбежав к цели, он упал навзничь, чтобы не допустить огня в лицо, ведь к оружию мог подойти другой не ослепленный стрелок. Бравый воин взял шашку тротила с коротким шнуром, поджег ее и тут же сунул в бойницу, в которую уже упирался взгляд нового врага, лег и руками накрыл голову, зажав уши. Взрыв громыхнул и уничтожил там все живое.

Храброго бойца защищала толща армированного бетона. Дым повалил изнутри, пулемет обезврежен. Трофим сел в углу. В ушах звенит, и из левого уха струится кровь. Он командовал остальным заходить – тут же несколько человек забежали внутрь, и пока один из них стал выводить командира на свежий воздух, другие занимались минированием очередной двери. Вскоре все вышли на улицу и дистанционно произвели подрыв. Наконец-то получен подступ к логову врага: бетонная лестница устремляется вниз, взору открывается

огромное помещение высотой метров десять, шириной – во все двести. Здесь царит истинная паника.

Гражданский персонал спрятался в комнатах, где находится местный военный штаб, архивы, сервера, мониторинговые центры, столовые, спальни и много всего другого. Военные, число которых был невозможно подсчитать, заняли позиции за укрытиями, которые не были подготовлены заранее и представляли собой нечто похожее на городские баррикады, построенные партизанами позавчера. Враг не рассчитывал, что вот так бесцеремонно, без объявления войны к ним заявится орава озлобленных русских.

С помощью того же зеркала подоспевшие солдаты Трофима оценивали обстановку. В это же время несколько взрывов сотрясли стены – это открылся второй проход, другая группа под предводительством Платошина, состоящая из самых опытных бойцов, готова открыть новый фронт.

Как вдруг подземные железные ворота распахнулись, и поезд со стороны границы начал заезжать на станцию. Было очевидно, что это подмога, отправленная с военной базы Vbgu-1. Именно оттуда Андриус въехал в Россию. Не дожидаясь момента, когда локомотив остановится, и когда из вагонов хлынут войска, партизаны были вынуждены начать бой. Промедли они еще несколько минут, и тогда бы толпа

не смогла спуститься вниз, не будучи тут же уничтоженной. Александр Павлович чего-то ждал. Взглянул на старые командирские часы и, махнув рукой, отдал команду. Все устремились вниз, но враг не успел расстрелять наступающих. Из тоннеля, что шел сюда со стороны города у реки, раздался оглушительный выстрел. Локомотив взорван.

Дело в том, что один из партизанских отрядов вернулся в военную часть, где позавчера был захвачен поезд. Там в ангаре стоял танк Т-34, старая добрая советская классика. Это была редкость и большой сюрприз, ведь после Второй Гражданской войны представители "CROSS" дали распоряжение о реформировании армии. Военная техника вывозилась за рубеж или переплавлялась на местных заводах. Но в некоторых воинских частях остались в единичных экземплярах старые танки, которые уже были не ходу и медленно покрывались пылью.

Отряд диверсантов, обнаружив в ангаре железного бойца, смогли отремонтировать ключевые повреждения. Небольшой отряд подорвал ворота в туннель, и танк устремился вглубь темного пространства. Противнику не до того – они защищаются. Достигнув цели, танкисты открыли огонь. Прибывший из-за границы состав с подкреплением остановлен, большая часть вагонов осталась в туннеле, ведущем на запад. Из них стали выпрыгивать вооруженные до зубов во-

енные. Танк встретил и этих гостей. Под его прикрытием идет несколько бойцов, трель их автоматов отвлекает часть сил иностранцев.

Снарядов в танке очень мало, поэтому армии Платошина нужно пользоваться моментом и действовать молниеносно. Стрельба не щадит никого, бойцы по обе стороны падают бездыханно на пол. Все наконец стихло.

Трофим шел мимо павших товарищей, все чаще встречая знакомые ему лица и сжимая до боли челюсть. Потери со стороны защитников Родины значительно превышали вражеские. Финальным аккордом прозвучал взрыв, обрушивший тоннель, ведущий в стан врага. Еще несколько зарядов сдетонировало в его глубине. Кончено.

Платошин позвал к себе командиров. Трофим, на бледном лице которого не читалась радость победы, был окликнут и устремился к своим.

Командующий армией народного сопротивления начал:
– Каждый из вас – настоящий герой. Я безумно счастлив быть вашим соотечественником и братом по оружию. Когда все закончится, я уверен, все мы позаботимся о семьях павших. Сейчас не время расслабляться, нужно попасть во все помещения в их чертовом логове, прошерстить каждый

угол! Постарайтесь, чтобы все, кто не оказывают сопротивления, остались в живых. Они еще понадобятся. Я пойду к связистам, отчитаюсь командованию.

Отдельно он повернулся к Трофиму:

– Кольцов, Вам поручаю взять командование на себя. Отчитываетесь мне лично. Выполнять!

Тишина, которую так долго-долго ждали измотанные бойцы, была прервана очередными подрывами. Железные двери падали одна за другой, без боя брали в плен гражданских, но и тут не обошлось без жертв – некоторые бойцы иностранных ЧВК затаились в комнатах и открыли огонь. Штурм усложнился, из-за этого погибли безоружные, прятавшиеся по углам да под столами и трясущиеся при виде дул автоматов.

Среди всех этих помещений одно привлекло к себе больше всего внимания. Взрывчатка не помогла проникнуть внутрь, вход охраняет дверь похожая на те, что обычно защищают банковские хранилища, таящие за собой слитки золота и горы наличности. На стене рядом кодовый замок и сканер сетчатки глаза.

В бункере царит мрачная атмосфера. По обеим сторонам от ж/д путей стояли ящики, заполненные оружием и боеприпасами. Повсюду множество трупов вражеских сол-

дат и наших бравых парней. Их тела лежали безжизненно на полу, их одежда пропитана кровью, а лица исказились от боли и страданий. Мрачное освещение бункера только усиливало атмосферу ужаса. Часть ламп погасла. Шаги отдавались эхом по коридорам, словно призраки прошлого напоминали о своем существовании.

В один из кабинетов, который Платошин выделил под свой временный штаб, привели пленников. Присутствовали тут те, кто держал связь с внешним миром, целый колл-центр, аналитики, небольшой штат политологов и консультантов при военном штабе. Основная масса важных работников находилась за границей, но и здесь присутствовали некоторые менеджеры, от которых зависела жизнь под куполом.

На допросе выяснилось, что у директора так называемого отдела аналитики был доступ в то загадочное помещение, которое скрывалось за толстыми дверьми. Не пришлось даже применять пытки, ведь одни их описания заставили говорить этого седого, высокого мужчину в синей рубашке. В сопровождении Платошина, Трофима и их подчиненных они пошли к замку. Введённый код и сканер сетчатки глаза успешно активированы, с шумом открылся замок. Тяжелую дверь пришлось открывать сразу двум бойцам.

Похоже на банковское хранилище, но металлические стены окружают не полки с золотом, а огромное количество экранов, перед ними – панель с клавишами, рядом стоит несколько кресел. На мониторах можно заметить цифры, текст на английском языке. Сменяются изображения. В окне компьютерной программы требовалось ввести пароль, но и эту преграду помог им пройти захваченный работник. По протоколу в подобной ситуации он был обязан выпить яд и самоустраниться, но слава Богу, струсил. Это было как нельзя на руку партизанам.

– Ну, что это? Рассказывайте, – Платошин говорил на английском языке на базовом уровне, и к нему подошел переводчик из рядов сопротивления, выпускник МГИМО, которого привел к ним Трофим.

Работник базы поправил воротник рубашки, расстегнул пуговицы, видимо, чтобы не задохнуться от волнения, и начал, запинаясь, говорить, плохо проговаривая букву «Р»:

– Это компьютер. Он контролирует внутренние процессы. Я и мои подчиненные, одного из которых ваши люди застрелили, управляем программой, пишем отчеты, отдаем руководству.

Бородатый боец перевел речь всем приступающим.

– Какие процессы? Какая программа? По делу говори. – Переводчик быстро повторил вопросы на английском, копируя даже интонации.

– *Искусственный интеллект DomeJusticeV2 в компьютерной программе используются для управления процессами внутри страны. Он может отслеживать импорт и экспорт, определять потребности граждан, просчитывать риски и оптимизирует добычу ресурсов, чтобы максимизировать прибыль. Компьютерная программа, управляемая ИИ, сначала анализирует данные из различных источников, таких как данные переписи, торговые записи, экономические отчеты и другую информацию. Это позволяет ему узнать, сколько природных ресурсов доступно в стране, а также какие типы ресурсов необходимо вашим и нашим гражданам. Затем он использует эти данные для разработки стратегий. Например, если определенные виды товаров ввозились или вывозились из страны со слишком высокой скоростью или с недостаточным контролем, это могло бы предупредить власти, чтобы они могли принять корректирующие меры, если это необходимо. Система также помогает рассчитывать риски, связанные с различными видами деятельности, чтобы можно было лучше управлять этим или вообще избегать их, если это необходимо. Кроме того, он может свести к минимуму любое негативное воздействие на жизнь граждан. Отчеты, созданные системой ИИ, передаются в*

центральную базу данных и рассматриваются командованием, корректируются при надобности и могут быть загружены обратно для повторного анализа. И...»

– Погоди, информации много. Ты хочешь сказать, что нашими жизнями управляет компьютер? Программа? Дом... джастис? Какой искусственный интеллект?

– Да, все так. *Искусственный интеллект – это форма компьютерной технологии, которая позволяет машинам думать и действовать, как человек. DomeJustice V2 переводится как купольная справедливость.*

ИИ работает, используя алгоритмы для анализа данных, поиска закономерностей и принятия решений. Его можно использовать для решения сложных проблем и автоматизации задач, которые в противном случае потребовали бы ручной работы. Искусственный интеллект также может учиться на своем опыте, что позволяет ему со временем становиться более эффективным. Он может общаться с людьми на естественном языке, и понимая человеческую речь, реагировать соответствующим образом.

Переводчик очень старался попеть.

– Охренеть... Приехали. Компьютерная программка нами управляет. Может и вирус, который у нас тут ходил, тоже она

постановила начать, а то, что жрать нечего – тоже заслуга этой железки? А?! – Трофим был в бешенстве от услышанного.

– Эта система помогает обеспечивать постоянное поддержание баланса между внутренними потребностями и зарубежной прибылью. Я и мои коллеги не принимаем решения. За это ответствен центральный штаб. Они далеко. Я лишь проверяю отчет, вношу данные, я...

– Понятно. Хватит разговоров. Отведите его пока в отдельное помещение, не надо к остальным. Я хочу поговорить с другими, сверить информацию, и записывайте все. Надо будет доложить наверх.

Скоро все покинули эту комнату и отправились по своим делам. Необходимо закрепить здесь, установить дополнительные заряды, поставить пулеметы. Задача – удержать базу до дальнейших указаний. На поверхности тоже закипели работы. Нужно дать сигнал другим отрядам, чтобы подкрепление помогло восстановить стену, сделать прохождение по единственной дороге невозможным, оцепить местность. Оборона должна закалиться до предела. Монументальная задача: ремонт поврежденных конструкций, починка сломанных орудий, сбор оружия, строительство новых укреплений, сбор припасов.

Природа ожила после окончания войны. Высокие деревья обеспечивали укрытие от посторонних глаз или внезапных атак вражеских сил. Воздух был свежим, а птицы пели свои песни высоко на ветвях, мягко покачивающихся на ветру. Прекрасное зрелище после разрушений войны. Животные возвращаются в леса, где они свободно бродят, не опасаясь. Дует ветер. Ветер перемен.

Это конец!

“Революция – это убеждение, подкрепленное штыками.”
Наполеон I Бонапарт

Атмосфера во всей стране, а особенно в Городе-1 крайне напряженная. Чиновники ходят по мощеным улицам, их лица напряжены от беспокойства, все обсуждают недавние потрясения в стране. Последние дни часто лил дождь и вот наконец ярко засветило солнце, но это не поднимает им настроение. Над головой щебечут птицы, в воздухе пахнет свежескошенной травой.

Манчилов был своеобразным местным СМИ, ведь он активнее всех навещал соседей, обсуждал, нес на своих неутомимых устах каждый новый слух. Казалось, его служба состоит именно в этом. Опять ноги принесли Алексея к Собакевину и он начал с порога:

– Друг дорогой, ты слышал? Все! Партизаны захватили оба экспортных центра! Ну ты представь! И что им не сидится? Ты посмотри вокруг, какая красота... Что будет, знаешь?

– Елки-палки! Обе? – засуетился на месте Собакевин. – Вот гады. Что теперь будет ума не приложу! Теперь, значит,

и импорт встанет? Новый телевизор иностранный мне в качестве премии выделить решили. Я свою службу верно несу! Для чего тружусь? Теперь эти гады все поломать решили?! А что Градов? Что делаем?

– Так ведь разве встретишься с ним лично? Только слу-хи! Говорят, часть армии и даже нашей милиции на сторону врага перешла. А им премии, пенсии, квартиры мое ведомство выделяло. Зачем, спрашивается? А знаешь, что мне тут один умный человек сказал?

– Ну! – Собакевин сурово посмотрел на него.

– Вычитал один умный человек, значит, в книжках, что революции происходят при стечении двух рек: одна – граждане, а вторая – представители власти. В кабинетах и на улице, проще говоря! Будут ли среди нас предатели? А если...

– Сплюнь! Нет, возьми и сплюнь, я тебе говорю. Да где это видано, чтобы чиновник до такого опустился, чтобы с народом шашни водить! Не пройдет, нет уж.

– Найдутся и такие! На волоске вся страна, города гремят, базы «Креста» захвачены, еще пара толчков и вулкан рванет! Пойду я. Ждут, ей Богу! – после этих слов Манчилов своей нелепой походкой направился мимо верных слуг-

садовников, помахивая им рукой, к особняку генерала Держиморды. А Собакевин поспешил в своих неуклюжих шлепках назад к дому, ведь остывала ванна.

Генерал Кузьма Кузьмич сидел на веранде, жевал усердно финики, а в перерывах нервно курил. На его участок, где не было места цветам, где росли лишь дубы и сосны, ступила нога Манчилова. Широченный охранник, который был на самом деле военным офицером и которого направили служить сюда, пустил его и сопровождал к своему командиру.

– Костик, ступай на пост! Нечего тут гулять. На место! – скомандовал Держиморда.

Манчилов отдышался и защебетал:

– Кузьма Кузьмич, я по делу! Что Вы знаете? Что там армия?!

– Воюет. Все на местах, – слова выходили изо рта его довольно медленно, но быстро залетали туда финиковые плоды. – Все чин по чину. Сдюжим! Что мы, кучку сепаратистов не уконтропупим? Вот еще! И не такое видали!

– Дай Бог! Но что же говорят Ваши коллеги... Сослуживцы, вернее!

– Не говорят, а докладывают! Так правильно. Говорят бабки на базаре! Докладывают, что враг занял экспортные центры. Города стараются держать под контролем. Передают революционеров в руки органам правопорядка. Тюрем уже на них не хватает. Как кролики, верно! Расплодились повсюду... Сейчас войска наступают на захваченные территории. Вчера город освободили под Псковом. Да нет! Два города! У меня не пройдет такое!

– А что, если партизаны соберутся да на Москву двинут, и к нам заглянут? А что президент, слышали что-то? К нему ведь сейчас так просто не попасть нашему брату. Занят...

– Ну Вы, право слово, паникер. Градов занят государственными делами, да и правильно! Чего ему мешать. Мои бойцы несут службу, всем все объяснили, кого надо уже наградили. Кого-то посмертно. Герои! Придет и Крест сюда, тоннели прочистят, как трубочист, и придут! Всем достанется! А будете сейчас не работать, а клуши бить, так и вам сполна достанется!

– И верно, пойду я. В ведомство съезжу. Только страшно нынче в Москву заезжать. Но приходится, тяжкая у нас работа, да уж! – Манилов скорчил очень грустное лицо и развел руками. Театральная игра была такая, что можно было и поверить его бесконечной усталости. Да он и сам верил.

Алексей убежал по дорожке к своему дому. Думал, что государство и порядок, может, и правда под контролем, пока такие доблестные генералы не дремлют. И право, таких Держиморд в государстве было много.

Вдруг, откуда ни возьмись черный внедорожник выскочил на дорогу и сбил толстенького гражданина в клетчатом костюмчике, повалил как кеглю. Тут же автомобиль врезался в живую изгородь, сдал назад и снова устремился вперед по дороге. И вот еще один человек подвернулся под колеса. Удар. Из окна авто послышался крик: «Врешь, не уйдешь! Всех вас вытравим!».

Гелентваген поддал газу и рванул вперед, снес шлагбаум и устремился через поля вдаль. Из окна загрохотала пальба из пистолета. Водителем был Ноздрин Павел Павлович. И это был не обычный пьяный загул. Нет, безусловно, он был пьян, но к этим действиям с летальным исходом привел его не только виски, но и мысль о главном – о его месте в новом мире. Он решил, что дело старой власти кончено, и настала пора найти новых друзей. Городская служба охраны начала стрельбу только в самый последний момент, ведь номера этого авто были им знакомы, отчего поначалу они растерялись.

В это же самое время Градов сидел в своем кабинете. Ему постоянно звонили. Он был взъерошен, потерян, зол.

– Дуня! Принеси валокордин! И побыстрее, – крикнул он своей помощнице, стремясь, чтобы ор пролетев через все залы, достиг ее ушей.

Она быстро подсуетилась, и через несколько минут таблетки были доставлены на серебряном подносе.

– Нет. Унеси. Я сам! – он недовольно заворчал, встал и потопал в хранилище лекарств. Сейчас Алексей никому не мог доверять. Возможно, это было и правильно, в такое-то время. Он открыл дверь и зашел в большое помещение, вдоль стен которого можно было увидеть несчетное количество подписанных серых ящиков – стратегический запас медицинских препаратов. Он бубнил ругательства себе под нос, находясь в поисках нужного. Наконец-то нашел и выпил. Но не успокоился. Страна кипела, вместе с ней – и он.

А в доме у Михайло Собакевина подавался знатный ужин. Доедали, быть может, последние запасы импортного сыра. Сидит с женой и сыновьями за столом, сам хозяин уютной их обители восседает во главе стола, подобно председателю пира во время чумы. За окном ветерок носит сплетни, пахнет цветами, хвоей и переменами.

Государственную элиту, когда власть рушится и начинается революция, можно уподобить стае диких зверей. Они начинают паниковать и бегать кругами, отчаянно пытаются уцепиться за богатство и власть. Когда они понимают, что их власть рушится, они пытаются скрыть свое богатство, купить влияние в правительстве, узнать чего хочет народ. В глубине души они знают, что дни их сочтены. По мере того, как наступает страх, они становятся более отчаянными и часто прибегают к крайним мерам, таким как угрозы расправы по отношению к тем, кто стоит у них на пути.

Верхушка также начинает копить ресурсы, такие как еда, вода и топливо, чтобы пережить бурю. Они даже нанимают частные силы безопасности или покупают оружие на тот случай, если дело пойдет совсем далеко. Однако в конечном счете их отчаянные попытки цепляться за власть обычно терпят неудачу, потому что люди сыты по горло и не примут ничего, кроме настоящих перемен.

О дивный новый мир

В Москве и других крупных городах царит истинная суматоха. Удержать лояльность силового блока крайне непросто, в такое время. Сверху распространялись слухи о том, что все под контролем и это лишь локальные мятежи вечно недовольных. Говорилось и о том, что это даже сами власти решили уничтожить экспортные центры, чтобы избавиться наконец от иностранного гнета. Но народ не утихал, впервые за долгие годы у них появилась возможность переломить ход игры.

В Министерстве здравоохранения, сером высоком здании на пятом этаже в своем аскетичном кабинете сидел Худеньков Олег Викторович – замминистра этого ведомства, который ранее уже упоминался как человек работающий, честный, над которым посмеивались коллеги за его скромность. Он сидит в кожаном кресле на колесиках, перебирает бумаги и смотрит в старый толстый монитор. На лице его читались переживания, но они отличались от чувств, испытываемых гражданами Города-1.

Поправив очки, он взял сумку с документами и отправился в кабинет к министру. Постучав и услышав громкое «Вой-

дите!»», Олег Викторович приоткрыл дверь, аккуратно заглянул. Вот он уже стоит в центре просторной комнаты, стены которой украшены красивыми дубовыми панелями и фотографиями с охоты и рыбалки.

– Гиппократ Геннадиевич, я по важному делу. Очень много раненных солдат поступает в больницы Пскова. Не справляются, лекарств не хватает. Я бы хотел обсудить, что...

Министр прервал его, начав говорить повышенным тоном:

– Какие к черту солдаты, у нас на улице толпы ходят! С минуты на минуту и к нам заявятся! Там стрельба идет, а Вы! Хотя... Знаете, что, а займетесь-ка этим, действительно, – потные пальцы застучали по столу. – Финансами не богаты, но Вы же толковый управленец. Я даю Вам полномочия курировать этот вопрос. Бумаги Люба принесет. Ступайте, решили, – в сторону Худенькова бросили небрежный взмах рукой.

Олег Викторович кивнул и отправился восвояси, на его лице читалось недовольство. Его начальник не прозрел, не всплыли в его душе чувства – они погрязли где-то глубоко внутри. Нет, просто министр понимал, что если все же власть удержится, то у президента и иностранных проверяющих будут вопросы ко всем власть имущим, могут пойти

перестановки, и не дай Бог кто попадетя на глаза. Он не мог также допустить того, чтобы после его увольнения предприятия под руководством любимой жены начали проигрывать тендеры. Он был хорошим мужем.

В это же самое время на улицах творилась суцая неразбериха. Кто-то под шумок бил витрины и грабил в угоду личным интересам. Такие всегда найдутся. Активированные «Севером» ячейки подполья пополнялись новыми кадрами, стихийно к ним на улицах присоединялись обыватели. Народ было, кажется, уже не остановить. Все жаждут перемен, хотят сбросить ярмо иностранных интервентов и укротить их жадных приспешников, сидящих в страхе по кабинетам и дачам.

Ближе к вечеру в город прибыли военные, в том числе остатки последней оставшейся в государстве танковой дивизии. На случай революционных потрясений у руководства страны были инструкции, составленные «Крестом». Часть их выполнялась, но проблема была в том, что разнузданность и воровство вставляли палки в колеса. Влиял и недооцененный масштаб, ведь народ, как неожиданно оказалось, был доведен до ручки. Зарубежные «партнеры» валили все на президента и его окружение, а те, в свою очередь, переносили груз ответственности на всех остальных, в том числе и на «Крест» с его растущими аппетитами.

С юга в Москву вошли дивизии под предводительством столичных генералов. Среди солдат и офицеров остались лишь самые надёжные или наиболее запуганные и потерянные. К тому же, у них отсутствовал доступ к какой-либо правдивой информации, и лишь редкие слухи могли донести до них реальное положение дел в стране. Они выдвинулись из частей, куда не ступала нога гражданских, где не было средств связи. Их начиняли пропагандой. Воины, которые должны защищать свое Отечество и его суверенитет, были сейчас орудием, действовавшим в интересах иностранных захватчиков.

Убивать людей – само по себе страшное деяние, а тут еще и в своих соотечественников надо стрелять. Впрочем, гражданские войны случались в каждой крупной державе, бывали и случаи, когда отец был на одной стороне, а сын на другой – и они убивали друг друга. Люди, вышедшие на улицы, тоже не хотели лишать жизни соотечественников, пусть те и были в военной форме. Столицу могут утопить в крови, уже погибли многие, а главное, ради чего...

Но случилось неожиданное. Партизаны из области и других близлежащих городов объединились накануне в новую – третью – армию, в то время как остальные две охраняли экспортные центры врага. И в этот же самый момент бойцы из

лесов заходили в город с востока, именно оттуда в Смутное Время двигалось народное ополчение Минина и Пожарского. Это было символично.

Генералы Градова вынуждены были не уничтожать толпы народа в центре и на окраинах, а идти на генеральное сражение с наступающей мощью врага. Это затянуло процесс. Казалось, появился шанс. Грянул гром, ливень стал заливать все вокруг, ярко сверкали молнии. Партизаны не стали концентрировать всех в одном месте, стали группами расходиться по городу и занимать позиции. Это же вынуждены были сделать и регулярные части.

Градов сидел и ждал начала внепланового экстренного собрания кабинета министров вместе с командующими. Многие опаздывали.

– Какого черта здесь происходит?! Как они смеют не прийти вовремя, когда такое происходит? – тяжело опускаются ноги, расхаживающего по зале президента.

– Но ведь еще семь минут до начала, господин президент! – пытается остудить его советник.

– Каких семь минут? Какие минуты! Чем они заняты?!

За столом собралось большинство, но далеко не все. Начались обсуждения. Крики и матерная ругань заполнили просторную залу.

Градов:

– Я связывался с Андриусом. Под его командованием остатки нашей армии и подразделения «Креста». Они готовятся к штурму базы «Псков». Я боюсь, но вынужден доложить ему о ситуации в столице, так как иначе посол Мэтлок сделает это вместо меня. И тогда уж точно головы не снести никому! Где военные?! Где наши войска?!

– Господин президент, наши доблестные бойцы уже в Москве. Идут навстречу врагу, будут выбивать их из города, – отвечает седой генерал.

– Докладывать о каждом шаге! Где, черт побери, премьер-министр? Десять минут совещание идет!

Видимо, частое упоминание премьера заставило его столько раз икнуть, что его сдуло и принесло прямо сюда в этот самый момент – он громко распахнул двери.

Градов:

– Костя, какого... Где ты был?! Тебя все ждать должны? Ты видишь, что происходит?!?! Ты...

– Не тыкай мне, Алексей. Вижу. И более того, четко все понимаю. Я, кстати, не один. Заходите!

В помпезную залу, усыпанную золотом и лепниной, вошли несколько генералов, два министра, кучка чиновников рангом помладше и солдаты с автоматами в руках.

– Что здесь происходит?! Что за цирк вы устраиваете?!

Премьер-министр Беккер Константин Константинович

был человеком достаточно молодым, но, впрочем, также замешанным во многом, чем сложно гордиться, впрочем, судя по всему он оказался чуть более прозорливым.

– А происходит кульминация этого спектакля! Все процессы неминуемо к этому ведут. Если хочешь жить, то лучше не оказывай сопротивления. Это же относится и к остальным сидящим за столом, слышите?

Один из советников, сидящих рядом с президентом, плюгавенький мужчина с лысиной и в очках, вскочил и отбежав от стола завопил: «Ура! Да здравствует революция!».

Толстый генерал, развалившийся на стуле, достал сигарету и недовольно качая головой, басом сказал:

– Да сиди ты уже, дебил. Позняк метаться. Сядь, я тебе говорю.

– Ребята, идите к ним, наденьте наручники. – Константин обратился к воякам с автоматами. Он снова перевел взгляд на членов заседания. – Казнить мы вас не будем, народу на линчевание не отдадим, но будет суд. Когда мы со всем разберемся, я лично поговорю с каждым.

– А как же верность родине, сынок? Ты, выходит, решил под шумок переобуться, власть захватить... Страну хочешь

заграбастать? – процедил все тот же генерал, не вынимая незажженную сигарету изо рта.

– Да, быть может, я не святой. Но я хотя бы не так слеп, как вы все. Народ устал от этого безумия! Сколько соков из нас высосали по туннелям за эти годы? Да и мы, чего греха таить, бросали свои поленья в огонь. И когда костер вспыхнул, опалая все на своем пути, уже поздно хвататься за кресла и чемоданы с деньгами.

Все последние годы, когда все уже зашло совсем далеко, я пытался достучаться до вас. Думаете, я хочу крови? Сколько людей убили за последние дни и сколько еще граждан погибнет? Вы этого хотите? И ради чего? – премьер-министр обходил сидящих и заглядывал в бесстыдные глаза. – Да, внешние силы очень крепки, если они смогли соорудить купол и заставить сто миллионов человек платить им непосильную дань годами, значит, они способны на многое.

Но сейчас в нашей части страны их оба оплота рухнули! Вы и правда думаете, что пламя народа можно сейчас погасить? Вы грубо заблуждаетесь, не видите ничего дальше своего носа в этом случае! Что ты, Леша, сказал мне, когда я говорил о критической ситуации? Когда еще несколько лет назад предлагал не идти на уступки, а жесткой рукой начать переговоры с иностранцами?! Ты стал угрожать мне смещением с поста. А тем, кто рангом ниже ты тюрьмой угрожал? Даже агенты Министерства национальной безопасно-

сти стали уходить от выполнения обязанностей, кто-то и вообще перешел на сторону народа. Всех не купишь! Даже самая жесткая диктаторская власть умудряется держать граждан не только в страхе и подчинении, но и дает людям, особенно силовикам, идею, ведь когда государство обладает идеологией, то оно крепче. А какую идею дал им ты, кроме бабла?!

– Послушай, ты, борец народный, сам живешь, как барон! Быть может, ты сюда на трамвае приехал? Я тебя вскормил, я вас всех людьми сделал! Да, кому-то там тяжело. Тяжело! Но я, что ли, этот купол поставил? Я пришел в страну с оружием наперевес? Я такой же гражданин, как и все остальные!

Да, мы с вами живем чуть лучше, чем большинство граждан, но и роль свою выполнять стараемся. По силам. А вы... Замыслили переворот? Книжек про революцию начитались? Временное правительство создадите, китель как у Керенского уже пошил? Да из-за таких, как ты страна сто лет назад в хаосе, пришедшем после восстаний, войну проиграла, часть территорий потеряла! Хочешь, чтобы я отречение от престола подписал? Так я и не царь. Я тут главный? Знаешь же ты, что всем заправляет «Крест», они здесь царь и Бог в одном лице. Ты...

– Хватит. Пустые разговоры! Треп, да и только. Ты не царь, ведь при том хоть и были проблемы, были те же жулики и воры у власти, были недовольства народных масс, но там

хоть идеология в стране была, патриотизм, желание бороться за государственные интересы, за су-ве-ре-ни-тет, – пытался Константин объясниться уже по слогам, – а тут? Все, что можно было сберечь, уничтожено из страха или жадности, на местах не управленцы, а шушера.

Можно было бы говорить с врагом на других условиях? Да, они бы загубили, наверное, еще миллионы, но всех не вытравить, а жить вечно в рабстве не каждый желает. Накопилось много за годы у народа. Эти люди, которые захватили базы, они не имеют финансирования от зарубежных господ и местных покровителей, но встали на путь борьбы. Освободительной борьбы с врагом внешним и внутренним. Они, думаешь, хотят анархии или захвата денег и распределения между собой? Нет, вся страна стоит на дыбах, народ желает справедливости, хочет отстаивать свои права перед теми, кто из-за границы решает судьбы мира. Они хотят учиться, лечиться, развивать себя и Родину.

Там, за куполом, уже все знают, что-то да просочится и дойдет до ушей их народа. Там тоже есть люди. Все мы в конце концов люди и соседи по планете. Может, и там что-то изменится? – в воздухе повисла тишина на пару секунд, будто вопрос не был риторическим. – Конечно, мы не знаем. О чем думает их руководство? О том, как удержать сейчас под куполом все под контролем. Проломиться внутрь и начать все крушить? Возможно. Терять контроль никто не любит, не только ты. Но представь, как их подкосили события

последних дней. Им также наплевать на своих вояк с автоматами, как и тебе на наших. Но они теряют время, теряют ресурсы, контроля нет. Будут ли они возвращать его? Да!

Погибнут еще люди, будут потеряны с их стороны часы и дни. Но в итоге мы, как минимум, сможем изменить условия, подписать новые договоры. Наконец объединимся с Сибирью, соберем расколотую страну воедино. Не должен быть один народ разделен границами. Сколько раз внешние силы хотели этого и даже воплощали планы в жизнь, зачастую не путем прямой войны, а более хитрыми путями.

– Кто «мы»? Ты говоришь «мы»! Ты себя возомнил новой властью или выходцем из народа? Ха! Вчера еще сидел у себя в кабинете, ел-пил, а сейчас «мы»?!

– Еще раз повторюсь. Я не ангел во плоти, да, я тоже сделал свой вклад в страдание граждан. Но я не переметнулся на сторону победителя в последний момент. Уже несколько месяцев состою в клане сопротивления. Пытался словами влиять на ход вещей, говорил и с тобой, но все было тщетно, и вот, когда народ восстал, то я с ним. И именно мы хотим вернуть стране честь, а гражданам права.

Наше государство, я к тебе обращаюсь, если для тебя оно тоже наше, а не твое или их, должно восстать из пепла. Иван Третий в 15 веке вместе с народом одолел Золотую Орду, страна обрела независимость, тогда формировалось единое

государство, но мы продолжали платить какую-то дань. Уже осколкам Орды, но все же! Внесли ли мы тогда вклад в их разрушение? Да. Начала ли наша страна развиваться, несмотря ни на что, достигла ли величия? Да! Подобное хотят повторить люди и сейчас. Я не Пожарский и, тем более, не Минин, я не веду за собой войска, чтобы метлой вымести иностранный сор, но я сделаю тот вклад, который смогу. И не допущу крови.

Хватит! – попытка Градова вставить слово была оборвана. – Пока я жив, не повторится опыт Октябрьской революции, не будут пьяные солады чинить беспредел, упиваясь новоприобретенной властью под прикрытием безнаказанности. Ты практически уничтожил в стране культуру и историю, но тяга к запретному в сочетании с желанием жить по-человечески делает свое дело, и надеюсь, даже уверен, что среди лидеров восставших многие читают и учатся на истории их Отечества. Время меняется, да не все так однозначно в данной конъюнктуре. Но истина одна! Народ и государство должны быть живы, едины и устремлены к свободе и развитию. Хватит болтать. На улицах сейчас могут погибнуть люди.

Градов молчал и презрительно смотрел на толпу бунтовщиков, пожевывая галстук, желая лично казнить каждого. Премьер-министр подошел к грузному седому генералу, с грозным видом смотрящему на тлеющую сигарету.

– Генерал, вы понимаете, что все кончено? Вы любите свою страну? В Вас же остались чувства. Прикажите войскам остановить бойню, прервем этот порочный круг, ведь власть за куполом будет лишь счастлива, если мы друг друга поубиваем. Если Вы настоящий офицер, то я верю, что у Вас найдется смелость все закончить.

– Да не слушайте его, – пищит где-то заместитель Градова, – сейчас войска сметут восстание в двух столицах, добавим к списку реформ еще несколько пунктов. Вернем государственную думу, пообещаем денег, еще что-то придумаем. Я уверен, что остались верные президенту люди, уж они с оружием в руках уберут всех мерзавцев, кто заходит в эти залы с оружием и что-то нам диктует тут. Отчитаемся Кресту, что...

Генерал прервал ненужную сейчас речь:

– Константин Константинович, я согласен. Я дам приказ армии. Постараемся остановить Андриуса и его людей. Но если в страну прибудет подкрепление, то нам сил не хватит. Я вам это как генерал говорю. Крови много будет.

– С этим мы разберемся, дай Бог, но времени мало. Нужно постепенно решать вопросы. И пока Вы развернете армию, я постараюсь сделать все возможное, чтобы не рухнула стра-

на. С этой минуты я буду исполняющим обязанностями президента. – Он посмотрел на закипающего Градова и продолжил: – И Леша, не надо мне опять параллелей с Керенским или еще черт возьми с кем. Ты сам знаешь, что при уходе президента с поста временно исполняющим его обязанности становится премьер. Но сразу скажу тебе, предвосхищая вопрос, что нет, я не собираюсь занимать твой трон навечно. Придет время, в стране пройдут выборы, и тебе может это показаться странным, но я передам свою власть, если потребуется. И мы не будем тянуть с этим. На этом все, всех под замок. Кроме генерала Парабака. Вы, идите со мной. Надо остановить войска.

– Вы не имеете права! Кто Вам его дал? Вы мне единолично импичмент так объявили?! Кто вы?! С какой стати, а?! – крик Алексея Градова больше походил на свинячьи визги.

Он верещал, но его уже никто не слушал. Солдаты выпроваживали за дверь бывших чиновников, а Константин с генералом и еще несколькими подручными шли уверенным, стремительным шагом по длинным коридорам в сторону народа. С взрывом тоннелей были оборваны ниточки, на которых висели тряпичные куклы марионеточного правительства. Оно рухнуло.

За ночью всегда приходит утро

Последние события, начиная со взятия базы «Псков» и заканчивая смещением Градова, переместили страну в новую эру очень быстро. Власть пала на следующий день после того, как была зачищена база «Кавказ». Противники за границей, конечно, не дремали. Крест мог открыть новый портал во внешний мир на поверхности и ввести войска. Внутри к этому тоже пытались готовиться. Пока задача противника состояла в том, чтобы связаться с находящимися под куполом агентами и правительством, вновь открыть тоннели.

«Псков» в последние дни выдержал несколько нападений, стены базы вновь пошатнулись, не обошлось без жертв. *Звук взрывов, выстрелов и криков битвы эхом разносились по местности, заставляя животных спасаться бегством. Воздух был густой от дыма и пыли от разрушений, вызванных войной. Но в воскресное утро все резко переменилось. Стих шум боя. Природа начала медленно восстанавливать свое законное место в этой среде. Птицы пели в гармонии друг с другом, пролетая над деревьями, которые теперь снова были полны жизни. Это служило напоминанием о том, что независимо от того, сколько разрушений мы можем причинить, всегда есть надежда на обновление.*

Государственные войска, которые вместе с бойцами «Креста» вели этот бой, развернули стволы автоматов на иностранцев, которые еще вчера воевали вместе с ними. Кто-то был убит, кого-то взяли в плен. Генерал Паробак выполнил свое обещание и остановил бессмысленную бойню. Андриус обосновался в соседнем городке, тот самом, где началась эта война, создав там свой штаб. При попытке ареста он застрелился. И эта пуля была последней, выпущенной в этих краях на сегодня. Она поставила точку. Народ ликовал.

Рядом с территорией базы «Псков» раскинулось громадное кладбище. Здесь похоронен Шустрый и тысячи других бойцов, павших за Отечество. По соседству, в главном здании, под толстым слоем армированного бетона сидел за столом Платошин. Там, где еще несколько дней назад, в этом же самом кресле восседал иностранный генерал, управляющий обороной этой крепости, теперь сидел русский главнокомандующий. Он позвал к себе Трофима, приказал привести переводчика и работников, ответственных за телефонную связь с CROSS. Наконец, все собрались.

– Здравствуйте, – поприветствовал их Александр Павлович. – Сегодня в стране произошли решительные перемены. Я хочу выйти на связь с вашим командованием и поговорить. Вы проверили аппаратуру? Все работает?

Переводчик слово в слово донес эту информацию для иностранцев, они закивали утвердительно. Один из них пошел включать аппаратуру – несколько нехитрых манипуляций и вот на телефоне, стоящем на генеральском столе, загорелась зеленая лампочка. Командир поднял трубку, а подоспевший подойти к нему работник нажал на цифру «один». Гудки. Через несколько секунд взволнованный голос на том конце сказал:

– I am listening to you.

Александр передал трубку переводчику, а сам встал рядом и начал диктовать:

– Вызовите Ваше начальство. С Вами говорит Платошин – главнокомандующий первой армии народного ополчения России.

Из трубки сказали:

– Хорошо, минута.

Всего несколько секунд спустя их переключили, связали со штабом. Из трубки прозвучало грозное:

– Как к Вам обращаться? И чего Вы хотите?!

Платошин отвечал прерывисто, позволяя переводчику успевать передавать информацию:

– Меня зовут Александр, что с греческого означает «защитник». И я стараюсь соответствовать своему имени. Рядом со мной – верные бойцы и весь простой народ. Ваша армия уничтожена, обе базы взяты под контроль, президент Градов рухнул с пьедестала.

Войска нашего государства перешли на сторону восставших, теперь они с нами. Я понимаю, чего хотите вы: сохранить контроль, ввести военных, освободить тоннели. Чего хотим мы? Перемен. Решительных.

Даже не пытайтесь договариваться о чем-то со мной лично. Подкуп будет рассмотрен как оскорбление. Мы хотим выборы в России, мы хотим провести с вами переговоры. Купол нам не подконтролен, а значит, вы все еще имеете влияние, но нет другого выбора, кроме как пойти на уступки. Обеим сторонам. Вы меня слышите?

С той стороны зазвучал уверенный низкий бас:

– Да, слышу. Но Вы не в тех обстоятельствах, чтобы диктовать нам как поступать.

– Именно в тех обстоятельствах мы и находимся. Если Вы думаете, что в стране остались одни неграмотные дикари, которые продадут за бусы свою свободу, или которые считают вас за богов, а ваши технологии за кару, что невозможно обуздать – ошибаетесь.

Еще раз повторяюсь: ваше присутствие под куполом не

просто зыбко, оно фактически прекращено. Отдельные агенты не смогут внести сильных изменений, тем более, без адекватной связи с внешним миром. А ваш человек, Андриус, лежит сейчас с пулей в голове. Тут недалеко.

Я не предлагаю Вам и Вашим коллегам повторять его поступок. Но я понимаю, что Вы, теряя контроль внутри, можете получить отдачу и в своем мире за куполом. Сомневаюсь, что удастся незаметно ввести сюда целую армию. Подобные операции нельзя организовать быстро и без попадания информации в массы. Вы будете действовать по протоколам, совещаться, продумывать каждый нюанс и терять время.

Я предлагаю Вам не спорить, а начать переговоры. Но не сейчас. Две недели перемирия. В это время, естественно, не будет поставок. Зато потом Вы получите возможность возобновить импорт ресурсов. Условия будут обсуждаться. Я не вижу смысла в болтовне, мы с Вами оба, в конце концов, военные люди, все понимаем.

– Откуда Вы знаете, что я военный? Что за слепые догадки? – послышался голос из трубки.

– Представьте себе, у меня тоже есть информаторы. Ваш сын – член совета директоров международной корпорации. Вы выходец из богатой семьи, и Ваша...

Ответ последовал, не дав договорить:

– Хватит. Действительно, не время для пустых разговоров. Даю Вам 14 дней. Если через указанный промежуток времени Вы не сядете за стол переговоров, то мы будем вынуждены принять меры. Не сомневайтесь.

– А я не сомневаюсь. И еще, учтите, собираемая у нас в стране информация, включая видеосъемку, где зафиксированы пытки и другие преступления, а также отчеты по экспорту и смертности, переданы одним из ваших агентов его людям во внешнем мире, и если Вы станете играть не по правилам – все это будет опубликовано. Не уверен, что простым вашим гражданам это понравится. Это не угроза, а просто напоминание, что не стоит водить нас за нос. Прощайте.

На этом завершился их диалог. В помещении снова стало тихо. Александр ухмыльнулся и вышел поговорить с коллегами. Через несколько минут полученная информация была передана «Северу».

В это время Москва возвращается к жизни. Улицы полны людей. Театры, парки и рестораны снова открыли свои двери. Люди наслаждались солнцем и праздновали свою свободу. Город выглядел оживленно с уличными рынками, где торгуют едой и вещами. В парках играли музыканты, а в кафе и на улицах люди говорили о политике. Казалось, что началась новая эпоха.

Под ночь в город приехал автобус, он несся по Тверской улице, выхлопная труба кряхтела, разливаясь шумом по всем соседним улочкам. Вера лежала на специально сооруженной кровати, рядом сидел Паша и нежно держал ее за руку.

– Радость моя, вот мы уже и в Москве, отвезем тебя в больницу. Врачи говорят, что это необходимо.

– Но я не хочу... Сейчас столько всего вокруг происходит, я должна участвовать во всех этих процессах! Я хочу что-то делать, а не валяться в какой-то палате.

– Я понимаю. Но нужно. Я буду каждый день приходить к тебе, обо всем рассказывать, делать то, что ты попросишь. Скоро встанешь на ноги и зашагаешь по совершенно новой стране. Вот увидишь, очень скоро. Я люблю тебя, – ладонь Паши нежно прошлась по волосам его возлюбленной, поправляя локоны.

– И я тебя. Очень, – почти прошептала Вера – Эх, надо так надо. Я не хочу заставлять тебя переживать. Скажи, как ты думаешь, вот как вся эта война, эта боль и несправедливость происходят на земле, которая в руках Бога. Почему Он допускает?

– Ну, я думаю так, что всякая беда в нашей жизни – испытание с целью проявить гнилую сущность человека. Сотворишь зло или нет. Будешь ли крепок до конца. Как с Евой и яблоком. И еще думаю, если бы Бог помогал всем и молнией карал всех злодеев, были бы мир и покой, то это уже рай на Земле. А наша жизнь как игра, где ты можешь себя проявить по-разному, отреагировать так или иначе на все эти происшествия, и вот эти события складываются в образ человека. Вопрос – каким он будет.

Вера слушала его внимательно, старалась продолжать смотреть, хоть и глаза ее слипались уже. Заживление раны забирало много сил. За окном замелькали дома – это была долгожданная Москва.

Недалеко от них сидел среди прочих Федор Конюхов – он был вынужден покинуть Кавказ и по распоряжению его коллег из Севера прибыть в столицу. Завтра у него эфир на телевидении. Федор смотрел в окно с задумчивым видом. Казалось бы, сейчас каждый должен радоваться, кроме, конечно, жуликов, которые раньше сидели по высоким кабинетам. Но он не был простым гражданином из рукоплещущей толпы. На нем лежала невероятная ответственность за будущее Родины. Это непростая задача – не допустить хаоса в такой обстановке, и кирпичик за кирпичиком построить дом ново-

го государства, от прочности которого будет зависеть судьба всего народа.

Через час Вера уже крепко спала в больнице, а ее возлюбленному было не до отдыха. Он искал Макса. Паша попросил Конюхова узнать о месте нахождения их друга и предводителя. Впрочем, он даже не знал, жив ли тот. Придя к себе в квартиру, Пашка первым делом накормил кота, благо, в их отсутствие это делала соседка. Зазвонил телефон, из которого зазвучало хриплым басом:

– Алло. Павел? Мне поручили найти Миронова Максима Викторовича. К сожалению, поиск по всем исправительным учреждениям не дал результатов. Он исчез.

– Как? Куда?! Но бумаги же должны быть, должен быть хоть какой-то след! – отвечал он, заикаясь, не на шутку испугавшись, решив, что больше не увидит своего лучшего друга.

Резко сменившийся голос из телефона вырвал его из этого состояния:

– Хаха, Паша, да шучу же! Это я, Макс! Жив я, скоро приеду. Иди стол накрывай. Полчаса и я на месте! – последовавшие гудки не дали Павлу высказать все, что он думает о таких шуточках. Он с улыбкой сидел и качал головой: «Вот дурак!». Ненадолго растерявшись, Паша наконец взял себя в руки и побежал в продуктовый магазин. Когда на сто-

ле уже появились закуски и закипел чайник, раздался звонок в дверь. Замок щелкнул, и вот друзья обнимаются со слезами на глазах.

Паша посмотрел на Макса резко, опомнившись, и спросил:

– Что с тобой?! Что они делали?!

– Ну, теперь я без пальца, – покрутил рукой друг перед лицом Паши, – плюс лицо, сам видишь, не для фотопортрета, да и много всего под одеждой... Я к тебе из больницы, собственно, вырвался. Не хотели отпускать, гады дорогие заботливые... Но как я могу пропустить ужин в приятной компании?

Да и скоро опять в эти скучные белые стены возвращаться. Меня сегодня только из тюрьмы выпустили, потом в больницу увезли, забинтовали всего и вот он я – во всей красе! Краса, конечно, относительная, но живой! И слава Богу. Главное, что прорвались же! Победа! Победа, Пашка!

– Победа, да! Да... Друг, я даже боюсь тебя спрашивать обо всех тех ужасах. Я рад тебя видеть, налью тебе и накормлю, но все-таки зря ты из больницы уехал. Смотри мне, на ночь туда вернешься, я с тобой сгоняю.

– Ой, не бубни. Разберемся! Что в коридоре стоим?

Они прошли на кухню и сели за стол. Пашка суетился, обслуживая дорогого гостя и слушая:

– Я пока новостей не особо собрал, но сейчас так все быстро по народу разлетается. Ты слышал про собрание Комитета по восстановлению? Нет?! Новый орган, туда входить будут представители народа из разных сфер: от образования, от медицины, из рабочих, ну и из старого правительства тех, кто не сильно себя запятнал, в общем, много всякого люда. Граждане сами туда выдвигают тех, кто, по их мнению, доверия заслуживает, кто пользуется авторитетом, в общем. А еще сейчас перестановки идут во власти, набирают новые кадры.

Ты прикинь, как все быстро происходит? В универ наш теперь можно каждому толковому и целеустремленному поступить! Многих отчислили из отпрысков элиты. Может и мы с тобой потом пойдем образование получим? Кадры-то в образование старые, хорошие еще остались. Говорят, новые институты скоро начнут открывать!

– Брат, пока ничего почти не знаю, я только в город приехал с Кавказа. Но то, что ты говоришь – это здорово. Вообще, культура и образование вещи очень важные, а то, если будут думать только про новую модель управления и экономику, то так далеко не уедешь. Надо все параллельно строить. Ведь от бескультурья столько проблем в обществе, столько пробле-

лов надо закрыть.

Я вот жду открытия театров, выхода книг в тираж. И знаешь, наша же культура, она в основе своей имеет европейскую, а та, в свою очередь, базируется на римской и греческой. И несмотря на то, что мы сейчас по разные стороны с тем миром, важно, чтобы все это вернулось. Ну не верю я, что может кануть в Лето все то, что веками создавалось!

– Согласен. А знаешь сколько из тюрем сейчас выходит интеллигенции, профессоров? Столько кадров там прозябало... – Максим вздохнул, вспоминая новых знакомых из не самых приятных мест, – настоящие патриоты, которые не отказывались до последнего от своей позиции и попали под каток новой парадигмы. И знаешь, что еще... Важно вернуть народу память! Очень часты примеры и в других странах, когда выжигала кочерга государства то, что ей не угодно, меняла реальность в сознании людей. Снова становились актуальны идеи нацизма, например, или же подмена истории на государственном уровне приводила к тому, что народ забывал о многом важном, начинал верить в то, что выгодно власть имущим.

Вот нам последние годы говорили о том, что Сибирь – это не Россия, что там люди вообще другие, говорили в какое-то время что купол-то мы сами поставили, чтобы от варваров внешнего мира обороняться. Переписывали прошлое для формирования правильного для них будущего, создали

представление о том, что мы не самостоятельная единица на этой планете, а лишь корпорация, в которой все шестеренки должны пахать и не спрашивать лишнего...

Они запрещали книги, уничтожали образование и науку, чтобы мы забыли, что являемся частью великой некогда страны, что мы носители русской культуры. Вот я, например, по маме русский, по папе поляк, среди бабушек там и украинцы, и татары даже, но я русский человек. Я вырос в этой среде, я воспитан в ее традициях, ведь русский – это не процент крови, а твое внутреннее, то, что у тебя в голове, в сердце. Вон, светоч наш – Пушкин – вообще негром был, но он великий русский поэт, значимая часть души нашей цивилизации. *Культура и искусство так важны для общества, потому что они обеспечивают чувство идентичности и принадлежности. Они помогают создавать общие ценности, убеждения и нормы, которые формируют то, как люди взаимодействуют друг с другом.*

Новое поколение вроде нас с тобой зачастую уже не понимает, где живет и почему все так, и как может быть иначе. А вот тебе примером немка Екатерина Великая, которая стала русской, крестилась, изучала нашу культуру и была большим патриотом России, чем многие ее русские подданные. А от того и результат. Я верю, что скоро люди, которые не были, в отличии от нас с тобой, наделены образованными и внимательными к нам родителями, не было у которых тяги к книге, вскоре многое осознают. И это поможет нам вы-

строить страну, которая, пусть, и будет всё еще зависеть от заграничных господ, от этого чертова купола, но станет не жалким придатком, а пространством, где люди по-настоящему живут, развиваются, любят и процветают. Через тернии к звездам!

– Оратор снова в строю? Все обязательно сложится. Я не сомневаюсь, Максон.

– О, еще слышал прикол. Павла Ноздрина знаешь? Ну, один из советников Градова, заместитель министра национальной безопасности. Так вот, этот дятел подумал, что в последний момент поднырнет под лед и выплывет в правильном месте, на верной стороне. Пьяный вдрабадан сбил несколько чинуш у них в Городе-1, приехал в Москву и хотел к толпе восставших присоединиться. Так он и в столице успел кого-то покалечить своим капотом, хорошо хоть не на смерть! Вылез из тачки и стал кричать: «Ура! Народ хочет перемен!», так схватили его же, по сути, подчиненные из нацбезопасности, посадили в кутузку. Теперь сидит там, ждет, что решат по нему. Пока там отдыхал, власть сменилась, теперь тюрьмами заведут другие люди. Такого вряд ли выпустят. У него, кстати, обыски прошли, уже сегодня, как и у многих других бывших. Говорят, арестовали у Ноздрина автопарк на двести машин и примерно столько же собак.

– Двести собак? Дома?

– То есть, количество машин тебя не удивляет? Ну дома, да. Только у него под них отдельный дом, там загоны и так далее. Я думаю, каждая из них не хуже тебя живет, питается так уж точно. Ты не мог нормальной еды достать? – Макс покрутил куском еле добытой колбасы перед наигранно недовольным лицом. – Ладно-ладно, дареному коню в зубы не смотрят. Но как думаешь, скоро провизия на полках появится в достаточном количестве, а?

– Думаю, что не быстро, Макс. Сколько скота и мяса вывозили за кордон. Но я надеюсь, пойдут и там скорые изменения. Может, уже идут. Сейчас поважнее есть вещи. Я слышал, что Мэтлока задержали и всех его приспешников, агентов ловят. Стараются живыми брать, а то с «Крестом»-то все равно придется вести переговоры, лучше лишний раз не добавлять сложностей. А еще в посольстве, говорят, был целый штаб разведывательный, куча экранов, компьютеров. Но сервера зачистили, документы забрали или сожгли.

– Да ну! Скажем, что был убит при попытке сопротивления – и все дела. Знаешь, как Че Гевара говорил про это? Не следует устраивать волокит с судебными разбирательствами. Это революция, доказательства тут вторичны. Мы должны действовать по убеждению. Они все – банда преступников

и убийц.

– Если и правда кто будет стрелять по нашим, то конечно ответ надо дать. Но просто так в арестованных стрелять не надо. Зачем уподобляться своему врагу? Будет суд, уверен. А учитывая количество причастных, весь масштаб государственного аппарата, то процесс, чую, будет не меньше Нюрнбергского. Главное, чтобы обошлось без репрессий в сторону невиновных. Знаешь же, бывают жертвы революции такого рода.

– Да я шучу по большей части. Налей, что покрепче. Тело болит. Знаешь, к слову, пришла в голову мысль. Переворот, как пьянка – начинается по плану в приятной компании, но не знаешь, чем закончиться. Как в феврале семнадцатого.

Паша наполнил стакан до краев, и они еще час, наверное, просидели так на кухоньке при свете теплой желтой лампочки. *Ночь на улице странно холодная для лета, но птицы где-то там во дворе поют свои сладкие песни. Вдалеке слышно, как по улицам города едет машина скорой помощи. Двое друзей смеются и шутят, общением друг друга.*

В это же самое время, не спали и многие другие. Город жил. На пятом этаже здания Министерства здравоохранения сидел в своем кабинете Худеньков Олег Викторович. Он был

одним из немногих, кто сейчас в ведомстве их работал. Не мог человек спать, пока столько проблем висит в воздухе. Есть раненные в столице, под Псковом, есть и те, кто нуждался в помощи по причинам, не связанным с войной. В дверь постучали.

– Да-да. Войдите! – сказал он, не отрываясь от дел.

Константин Беккер зашел, и, улыбнувшись, начал:

– Здравствуйте, Олег Викторович. Сидите, сидите! Я по делу неотложному. Решил лично по ведомствам проехаться. Вы же знаете, что Ваш бывший начальник арестован? Мои люди пробили информацию и доложили, что Вы самый толковый человек в министерстве, только хорошее все говорят. А поэтому предлагаю пост министра здравоохранения. Все бумаги подпишем утром. От Вас нужны отчеты, вся информация по министерству. Будем обсуждать бюджеты, искать кадры.

У меня не хватит времени на все, но я постараюсь найти надежных людей, которые помогут нам с Вами наладить все процессы. Будет непросто, но Вы-то человек ответственный. – Константин посмотрел на запястье, часы показывали, что он уже спешит. – А сейчас я вынужден откланяться, прошу прощения. Нужно еще несколько человек посетить. Спасибо, мы в Вас верим!

– Константин Константинович, приму за честь. Завтра же

все бумаги будут у Вас, все выполним! Буду ждать дальнейших распоряжений.

Константин крепко пожал ему руку и пошел уверенным шагом к выходу. Беккер – высокий, стройный мужчина лет пятидесяти, в идеально выглаженном костюме, всегда в галстуке. По происхождению он из поволжских немцев, очень собранный, умный. Еще в докупольную эпоху получил достойное образование, начитан, со всеми умеет находить общий язык.

Ночь в городе полна активности. Огни, которые раньше не зажигались ночью, теперь ослепительно освещают город. Более двух веков назад, с 1730 года на улицах столицы появилось массовое освещение, ставили фонари, в которых горело конопляное масло. После периода тотальной экономии снова огни освещают город. Прохладный ветерок шелестит в кронах деревьев. Люди гуляют по тротуарам, и говорят об изменениях, происходящих в их стране. Музыка доносится из открытых окон, создавая атмосферу радости и предвкушения того, что ждет впереди. Полумесяц висит мирно в небе и украшает этот праздник жизни.

Перемен!

На улицах кипит жизнь, толпы людей снуют тут и там. Солнце только начинает восходить, заливая город и его жителей теплым оранжевым сиянием. Вдали мерцают в утреннем свете купола собора Василия Блаженного. Воздух свежий, но местами чувствуется еще оставшийся смог от заводов. Город жив и готов к еще одному дню приключений.

Вскоре все соберутся у экранов, ведь выступать с речью будет не абы кто, а Федор Конюхов, прибывший для этого с Кавказа. Вместе с ним в эфире предстанет исполняющий обязанности президента Константин Беккер. Запись началась. Федор, гладко выбритый, стоял со строгим видом, со своей военной выправкой и, взглянув из-под черных бровей в сторону, и видимо, получив оттуда знак оператора, начал речь:

– Дорогие соотечественники, мы вновь обрели страну. Поздравляю! Меня зовут Федор Ильич Конюхов. Вчера я прибыл с Кавказа, где наша доблестная армия захватила базу врага и подорвала тоннели. Многие из вас внесли неоценимый вклад в эту борьбу. Спасибо от всего сердца. Я думаю, почти каждый слышал про верхушку подполья под названием «Север», я принадлежу к их числу. Мы долго разрабаты-

вали план. Я был отправлен с целью возглавить армию, что нанесла удар врагу в Осетии. Коллеги попросили меня выступить сегодня с этой речью. Земля слухами полнится, но я хочу, чтобы все было собрано воедино. Рядом со мной стоит Константин Константинович Беккер, экс-премьер, а ныне временно исполняющий обязанности президента.

Я понимаю, что у вас возникают сомнения на счет всего этого, особенно людей тревожит перспектива постоянного его пребывания в новой должности. Я представляю подпольное движение и весь народ, что страдал от тирании. И если у вас есть доверие ко мне, к нам, то послушайте. Я могу уверить Вас, что этот человек, хоть и есть за ним грехи, заслуживает уважения. Именно он выступил от власти, а мы, в свою очередь, от народа. Благодаря ему было пролито меньше крови. Мы вместе положили конец былой гнилой эпохе. Теперь я дам слово Константину Константиновичу.

На этих словах они пожали друг другу руки, и Федор отошел в сторону. Но несколько секунд можно было услышать еще его громкие вздохи, ворчание. Дело в том, что он просто-напросто не мог снять микрофон-петличку. Его звуковую дорожку отключили, и зазвучал голос Беккера:

– Дорогие сограждане! В стране объявляются выборы. Вам предстоит избрать президента и депутатов в государственную Думу, которая ранее была упразднена.

Будет написана и новая Конституция – учредительный документ государства, который провозглашает и гарантирует права и свободы человека, определяет основы общественного строя, форму правления и территориального устройства.

Главное сейчас – это выборы, их нужно провести в кратчайшие сроки, а это непростая задача. Ответственность за будущее лежит на каждом из вас. Идет процесс открытия избирательных пунктов, но до этого должно произойти самое главное. Вы должны узнать о кандидатах. У нас нет достаточного количества времени, поэтому будет снижено необходимое количество подписей для выдвижения. Граждане, баллотироваться может каждый человек в возрасте от 35 до 75 лет, кто не совершал тяжких преступлений, но я прошу Вас серьезно отнестись к данному вопросу. Чтобы процесс не затянулся, необходимо, чтобы кандидаты четко понимали свою потенциальную роль. Если Вы не уверены в себе до конца, не стоит выдвигаться.

Ради общего блага я прошу собираться в своих городах и коллегиально обсуждать, думать, решать, кто от области достоин этой роли. Пусть только лучшие из лучших будут участвовать в президентской гонке! – Константин звучал твердо, уверенно и воодушевляюще. Некоторые зрители эфиря свободно улыбнулись и в шутку представили себя в роли главы государства. – Мы понимаем, что проведение выборов может не обойтись без фальсификаций, поэтому на местах будут дежурить члены бывшего подполья. За его спиной бу-

дут глаза народа.

Если за Вас проголосуют, если Ваши коллеги и друзья смогут поручиться за Вас, то сможете стать членом наблюдательной комиссии. Количество избирательных пунктов будет минимизировано, потому как в кратчайшие сроки организовать по всей стране большое их число попросту невозможно. Первый этап – создание избирательных комиссий. Второй – отбор кандидатов, у каждого из которых будет возможность публично выступать. Третий – президентские выборы.

О каждом кандидате будет собрана вся информация, опрошено население, поэтому, если в былой жизни найдутся темные стороны, то его кандидатура будет снята. Я не знаю, попаду ли я лично в список кандидатов, это решать исключительно вам. Хочу сразу развеять ваши мысли по поводу разных финансовых возможностей участников будущей президентской гонки, есть решение на этот счет. Каждому кандидату выделено равное время на телевидении, одинаковое количество рекламных билбордов, часов выступлений на крупных площадках.

Если кто-то из участников начнет хитрить и стараться за деньги получить рекламу, подкупить кого-то – доложите об этом! Факт будет рассмотрен, и нарушителя исключат из предвыборного процесса. Проведем и выборы в госдуму.

Маховик страны раскручивается, и каждый из вас ответственен за его будущую работу. Спасибо вам за вклад! На

этом моя речь закончена, был очень рад передать столь значимые новости. Хорошего дня!

Он улыбнулся и на пару секунд замер, ожидая, когда оператор даст отмашку. Только тогда Беккер выдохнул и отошел попить воды. Он нервничал, ведь сейчас и от него во многом зависит будущее страны, а потому на время можно забыть о сне и отдыхе.

Константин вышел на улицу, пошел к машине. Водитель завел двигатель заранее, чтобы не заставлять президента ждать. Картежем тронулись в направлении Кремля. Через несколько минут, когда они мчали по одной из широких московских улиц, бывший премьер попросил остановиться – необходимо было зайти в Министерство просвещения, которое вчера кардинально сменило направление деятельности и всерьез начало заниматься образованием.

Это была внеплановая остановка. Беккер поднялся на лифте и шел быстрым уверенным шагом по коридору, как вдруг услышал оглушительный взрыв на улице. Тут же он бросился к окну и увидел страшное: машина, в которой минуту назад он сидел, горела ярким пламенем, кровожадно плясавшим над ней. Погиб водитель, молодой парень, что только начинал по-настоящему жить. Кто-то из вражеских агентов заминировал машину и, видимо, дистанционно ак-

тивировал заряд, рассчитывая, что в это время Константит будет находиться внутри.

Обычно при революции возникают и контрреволюционные движения, но это не грозило нашей стране, ведь в народе, казалось, не было приверженцев былой жизни. Среднего класса по сути не существовало, а большая часть чиновников находилась в тюрьме или под следствием. Но враги остались среди иностранцев под куполом. Не имея связи с внешним миром, нашлись там те, кто решил пойти на подобные меры. Возможно, у них заранее был протокол на подобные сценарии в стране. Константин волею судеб остался жив, но пришло понимание, что безопасность как никогда необходима, и что игра продолжается, несмотря на договоренность о временном перемирии с «Крестом».

Перенесемся во времени немного назад: только что была взята база «Кавказ». В этот же самый момент под Волгоградом Паулюс с местным партизанским отрядом покинули временное убежище. Они трясутся в старом в грузовике, предназначенном для транспортировки сельскохозяйственной продукции, направляются в Москву. На дороге гаишник помахал им палочкой. Кто-то из группы выглянул незаметно, чтобы оценить обстановку. Птички чирикали мирно и светило солнце, на дороге видны лишь машина ДПС и два сотрудника. Все должно пройти нормально, у водителя есть

документы.

Выстрел! Еще один! Водитель хотел было рвануть, но колеса уже прострелены. Семен взял автомат и начал палить из кузова во все стороны, он не понимал, в каком направлении может быть противник. Эти попытки отбиться были тщетны. Под их грузовиком раздался взрыв, практически сразу еще один. Кто-то из партизан пытался выскочить наружу, но его тут же накрыла стрельба. Со страшным грохотом взорвался бензобак. Все резко стихло, слышно лишь как шумит пламя. С какого момента агенты внешней разведки их пасли? Как удалось обнаружить агента? Это остается неизвестным.

Возможно, после того как напарник Паулюса был расстрелен на базе "Кавказ" во время диверсии, об этом смогли доложить другим подразделениям "Креста" и связали его с пропавшим недавно агентом. Люди под куполом опять потеряли какую-либо связь с внешним миром.

Паулюс не успел рассказать так много всего, теперь информация о внешнем мире снова недоступна. Работники «CROSS», которые были взяты в плен под куполом, что-то, может, и расскажут, но даже при угрозах пытками, они скорее выдадут ложную информацию, коей их заранее снабжали. Да и не ко всему у рядовых служащих был доступ. Купол стал заметно прочнее.

Наступает ночь. Конюхов ждет прибытия коллег из «Севера», завтра они отправятся в Москву через сибирскую границу.

Макс читает книжку, развалившись на больничной койке. Вернулся все-таки к врачам. А на улицах все еще бурлят людские потоки. Паша – тоже в больнице, но другой: сидит рядом с Верой, всеми силами старается не уснуть.

– Я долго спала? – девушка осторожно потянулась и довольно посмотрела на жениха, явно обрадовавшись, что он с ней.

– Нет, не знаю точно. Около часа? Главное, чтобы отдохнула, душа моя, – он поцеловал девушку в лоб и заглянул в глаза, – что-то принести?

– Водички только если, вон, стоит кружка. Давай поговорим, а? Расскажи, что там происходит, как меняется страна?

– Ой, столько всего творится! Заведения новые открываются, мы с тобой обязательно сходим куда-нибудь – в музей или кафе. Избирательные пункты скоро будут по всем городам. В госдуму и президенты выборы идут. Время поджигает.

Говорят, Платошин с «Крестом» общался по телефону проводному на их базе под Псковом. Договорились о двух неделях перемирия. Суд будет над представителями бывшей власти. Только нужно еще и судебную систему заново выстраивать, получается.

Хорошо, что остались еще люди, которые успели пожить и поработать до купола. Чую, грядет острый дефицит кадров во всех сферах. Правоохранительные органы, наверное, труднее всего будет перестроить. Боюсь за рост бандитизма, хотя и раньше находились те твари, что грабят и без того обедневший народ. Слышал еще, что за коррупцию в крупных размерах будут давать пожизненное.

Что там еще, хм... Экономiku будут строить новую, ты представь, сколько инвестиций нужно в инфраструктуру, образование, здравоохранение! При это надо не повторить опыт приватизации 90-ых, выстроить модель, где и бизнес появится, и контроль за ключевыми предприятиями останется, и народ не пострадает.

Ну и опять же, когда дело доходит до экономики, там сразу взятки, откаты... Надеюсь, смогут с этим бороться. Скоро президента с тобой будем выбирать, на него и ляжет ответственность за подобные решения, народ не ошибется. Ну а вообще, одному человеку давать в руки все вожжи правления тоже опасно, *важно, создать систему сдержек и противовесов внутри политической системы, чтобы ни одна группа не могла получить слишком много власти или контроля*

над процессами принятия решений.»

– Да, время интересное, – Вера с детским любопытством слушала о предстоящих изменениях в государстве. – И все же мы продолжим платить дань врагам за куполом... Надеюсь, условия новые будут максимально склонены в нашу пользу. А если не согласятся, я сама в руки оружие возьму, и как им! – девушка грозно замахнулась кулаком, рассмешив Пашу.

– Да ты стакан возьми лучше, смешинка моя. Там люди толковые. Конюхов, Платошин, из «Севера» вон скоро придут все сюда. Они будут пока за внешнюю политику отвечать. Дай Бог выборы пройдут хорошо, а там и с Сибирью пойдем на сближение. Не должны мы быть разделены. И там есть светлые люди.

Пока темнота окутывает страну в черное одеяло, Александр Платошин сидит в кабинете у телефона. Он выдохнул, недовольно насупил брови и дал трубку переводчику. Нажали единичку. Ожидание. К телефону подошли быстро, несмотря на позднее время. Оттуда послышалось хриплое:

– Александр? Что вы хотите?

– Сегодня Ваши люди пытались убить исполняющего обязанности президента Беккера. Его машина взорвана, погиб

водитель. По счастливой случайности в автомобиле больше никого не было. Но это покушение на убийство нашего временного лидера. Вы хотите внести хаос в страну? Такие были протоколы у Ваших агентов или вы это задание передали через свои каналы в Сибири? Не надо оправданий, я не собираюсь слушать эти бредни, – мужчина так махнул рукой, будто собеседник это увидит. – Добавляем три дня к нашему перемирию, еще три дня будете без поставок от нас. Всё!

Он не стал выслушивать ответ, забрал у переводчика трубку. И прервал звонок.

– Я спать. Доброй ночи, – сказал он помощникам и, выключив свет, улегся на кожаный диван в углу, не раздеваясь.

Ночь в лесу мирная и спокойная. Поодаль от минного поля видно новое кладбище. Здесь покоятся павшие герои, а подле – их враги. Революцию можно сравнить с тем, как с закрытыми глазами наблюдаешь приход солнца, через веки видишь – стало светло. Для большинства граждан так незаметно и произошли перемены в стране, а наши бойцы и члены подполья с открытыми глазами видели все ужасы, и проливая кровь, прошли по длинному тоннелю, в конце которого виднелся свет.

Многим гражданам по большей части все равно как имен-

но произошла революция, кто будет теперь править. Главное, чтобы на столе стояла еда, в доме было тепло, а их не считали за скот. Но россиянам постарались максимально доступно дать понять, что от их выбора зависит будущее.

Слышно только стрекотание сверчков, уханье сов и шелест легкого ветерка в кронах деревьев. Солдаты легли спать. Костер потушен, остались только тлеющие угли, которые отбрасывают оранжевое свечение на близлежащие деревья и траву.

Отправка в Сибирь

На рассвете над Москвой восходит солнце, окрашивая охрой город. Небо сверкает розовыми и оранжевыми оттенками, когда первые солнечные лучи падают на городской пейзаж. Люди начинают выходить из своих домов, чтобы насладиться днем, полным возможностей.

А в нескольких сотнях километров отсюда, на базе «Псков», каждый был занят своим делом. Кто-то отправился за едой, кто-то сидел на улице у костра и готовил, а Трофим шел в кабинет главнокомандующего. Его вызвали несколько минут назад.

– Трофим, доброе утро. Слышал, что там в столице происходит? – Платошин даже не отвлекся от своих важных бумаг.

– Перемен много. Даже не верится...

– Да уж. Анекдот хочешь?

Говорят, значит, сыну местного чиновника:

– Мальчик, держи шоколадку. А что надо сказать дяде?

Мальчик:

– Партизаны – вон там!

– Хах, и такие есть у нас, да... К слову, там еду привезли. Шоколадку, правда, все еще только в воображении попробовать можно... Но все же! Из Пскова поставки провизии пошли, на полках магазинов в городах говорят повеселее стало. Хотите, я Вам принесу что-нибудь? Хлеб свежий? Яблок?

– Спасибо, друг, но я думаю, что сам схожу, надо бы прогуляться. Все сидим и сидим тут. Запреем! Поехал бы в город, но мы же в каждую секунду наготове должны быть. Я, кстати, вызвал тебя не просто так. Говорил с ребятами из «Севера», есть для тебя дело.

– Рад буду помочь. Что надо делать?

– Ты едешь в Сибирь. Инкогнито надо пробраться. Но ты человек опытный, не один год тайком шастал по лесам, уверен, и тут справишься.

– Какие задачи? Когда? Один? – Трофим обрадовался возможности сменить обстановку, а главное в очередной раз принести пользу своей Родине.

– Сегодня же. Бери десять человек из своего отряда. Выдвигаетесь в Москву, там встретишься для получения даль-

нейших распоряжений с Конюховым Федором. Да, тот самый что брал «Кавказ», он из «Севера» тоже. Даю пару часов на сборы. Вас грузовик военный доставит до столицы. Вопросов нет?

– Вопросов нет. Разрешите идти?

– С Богом. Скоро свидимся, Трофим, – командир его перекрестил.

Кольцов Трошка вышел из здания и полной грудью вдохнул свежий воздух. Солнце слепит глаза. Птицы поют где-то далеко весело и непринужденно. Он собрал своих людей, спросил, кто из них хочет поехать.

Набрать десять человек было несложно.

Вскоре, поврежденные ворота со скрипом отворились. Показался грузовик, кузов которого был накрыт темно-зеленым брезентом. Отряд запрыгнул внутрь. У одного из них бойцов гитара, которую принесли на базу жители соседнего городка. Под гитарный бой да с булками хлеба отряд коротал время и трясся по разбитым дорогам нашей необъятной Родины.

В Москве в это время начинает закипать день. Заводы уже

потихоньку работают, но происходят разительные перемены. Производство нацеливается теперь на внутренний спрос, происходят перестановки, разрешается уволиться или перевестись при желании.

Паша заглянул на завод и зашел в кабинет к начальству – новым руководителем поставили бывшего бригадира цеха. Парень хотел уточнить, как будут теперь проходить перестройки на предприятии, останется ли его роль прежней. Он рвался хоть как-то помочь своему народу, хотел использовать свои мозги и руки во всеобщее благо.

Ему предложили занять место главного бригадира производственного цеха, будут строить общественный транспорт для столицы и близлежащих городов. Благо, остались еще запасы запчастей из Сибири, а скоро так и вовсе наладят новые поставки на взаимовыгодных условиях. Паша на такой расклад охотно согласился. Работа кипит, как и прежде, но настрой у коллектива совсем иной.

Вечером Павел по обыкновению пошел в больницу к Вере, получив радостную весть – скоро ее должны выписать. По дороге он купил цветы у бабушки на улице. По чуть-чуть возвращалась уличная торговля, стала более активной, можно сказать, тоже вышла из подполья. Паша бросил синюю ветровку на стул, доставая из-под нее скрывавшийся букет полевых цветов.

Паша:

– Родная, ты как? Слышал, что тебя скоро выписывают! А меня повышают, представляешь?

– Привет, солнце, я тебя поздравляю! – Вера потянулась руками к любимому, чтобы обнять изо всех имеющихся сил. – А за цветы спасибо большое, приятно, что ты помнишь о любимых ромашках! Я лучше, намного лучше. Хочу домой уже, а эти...прекрасные люди не пускают к тебе. Хоть через окно сбегай, честное слово. Но надо еще совсем чуть-чуть подождать... Есть новости какие? Скучно здесь, несмотря на слухи и сплетни, но разве поймешь, где правда? Тем более, мне интересно, что ты-ы обо всем думаешь, – она мягко щелкнула Пашу по носу и лучезарно улыбнулась, ожидая любимых разговоров.

– Да новостей сейчас за час больше, чем раньше за год! Дух перемен никого не оставляет в стороне. Мне отец письмо прислал вот, говорит, едет домой к маме. Там к ним на базу «Кавказ» много новобранцев прибыло, так что Комаров разрешил навестить семью. Того и гляди, в город к нам родители вернуться.

Сказал папа, что с ним связался брат его и сообщил, что скоро будет в Москве. Я дядю с раннего детства не видел, но много о нем слышал из рассказов родителей. Так что сегодня

увиджусь! Он-то меня узнает, а вот я его – не факт. Ну, мне так кажется...

– Как здорово! Меня завтра выпишут, познакомишь же? Уверена, он не менее замечательный, чем твой отец. Жду не дожусь! Пока валяюсь тут, много думаю. Про культуру и идеологию сегодня рассуждала, пока читала книжку. *Вот внешние силы они же долгое время прямо или косвенно способствовали увековечиванию меццанской идеологии среди*

элит. Они оказывали поддержку людям, находящимся у власти, и в процессе этого косвенно поощряли деградацию ценностей, интеллектуализма и культурных устремлений всей страны. И нам сейчас чтобы преодолеть проблемы, связанные с этим, нужно начать с изменения ценностей и приоритетов. Нужна активная поддержка образования и искусства, и подотчетность в управлении тоже... Нужно, чтобы инициатива шла и от новой власти, и от людей. Но важно, чтобы и базовые потребности народа для начала были удовлетворены.

– Пирамида Маслоу, ага.

– Масла?

– Не читала про это? Теория человеческой мотивации. Еще в середине прошлого века изложил эту идею психолог Абрахам Маслоу. В основании пирамиды лежат физиологические потребности: голод, жажда и так далее. Следующий уровень – потребности в безопасности: комфорт, постоянство. Далее идут социальные: потребность в принятии другими, социальные связи, общение и все такое. Четвертая ступенька – самоуважение и эго. И, наконец, на вершине уже духовные: познание, самовыражение, самоидентификация. Так вот, кажется, у тех элит, кто нами управлял все эти годы, верх пирамиды обрублен. Кстати, знаешь, кто еще ло-

мал пирамиды? В Судане!

– В Судане есть пирамиды? Это где?

– Да сейчас все далеко и недоступно... И уже неважно как будто. Но это примеры поведения человека, и примеры актуальные. Так вот, в Судане пирамид-то в два раза больше, чем в Египте. Но о египетских все знают, а вот они и в других местах есть! И в Судане их взрывали. Спасибо надо сказать колониализму. Лет сто назад приехал немецкий археолог, а под одной из пирамид нашел ценности. Всем сказал, что эти ценности были в верхушке. Его последователи начали подрывать другие пирамиды. То есть, в стремлении найти богатства, эти горе-исследователи, люди из центра современной цивилизации, ломали прошлое.

– С ума сойти... Это ты все в книжках вычитываешь? Хорошо, что ты у меня такой любознательный, стараешься узнать что-то новое. С тобой становится все интереснее!

– Так благодаря кому меняюсь! – нежный поцелуй прилетел Вере в щеку. – Это все интересно, конечно, даже не с точки зрения познания фактов, а благодаря тому, что из данных о прошлом выводы можно делать актуальные для нашего времени, что-то менять. Надеюсь, что люди, которым предстоит строить страну новую, будут вдумчивы, начита-

ны, полюбят свою Родину, историю, начнут беречь культуру, природу и человечество... Я это, сейчас к Максу хочу зайти после тебя. Он там покалеченный весь лежит. Но ты и сама все знаешь.

Еще около получаса они болтали, любовались друг другом, пребывали в самом лучшем расположении духа, кажется, за всю их жизнь. Оставив немного вкусностей на столе, Паша был вынужден удалиться – надо мчать в другую больницу. Проехав на трамвае три или четыре остановки, он забежал в главный корпус здания и шел стремительным шагом, отбросив всю свою усталость, по обшарпанному коридору. Штукатурка местами отвалилась, плитка ходит ходуном. Требуется ремонт, безусловно, но непременно дойдет и сюда рука грамотного управленца в совокупности с необходимыми финансами. Всему свое время.

– Макс, здарова! Ты че творишь? – Паша остановился прям на пороге, смотря на друга.

– Отжимаюсь. Не видишь, что ли?

– Ты весь в бинтах, раненный. Тебя сначала я убью за такие выходки, а потом врач! А ну в кровать, ты, – практически за шкирку он потащил смеющегося парня к кровати.

– Пожалуйтесь врачам – в лоб дам! Ладно-ладно, отдохну... Просто надо держать себя в форме. Видел, что со спортсменами бывает на пенсии? Мышцы уходят. А я хочу быть ого-го, – Максим продемонстрировал назревающий бицепс, удобно расположившись в койке. – Ну хорошо, потом, а то ж ты меня достанешь, заботливый мой. Что там? Новости есть?

– Да есть, но обо всем в стране ты обычно лучше меня знаешь. Даже будучи закрытым в четырех стенах. У тебя везде уши? А я... У Веры вот был. Приедет в город дядя мой. Сто лет его не видел, он из партизанского движения, как и отец. На работе я вот повышение получил, только теперь и работаем в другом направлении. Жду перестройки предприятий на новый лад. У тебя после больнички какие планы?

– А моя работа – это подполье. Правда, мы теперь уже надполье какое-то что ли... Но ты, думаешь, дел не найдется? Мы же не знаем, что будет завтра даже, какие тут планы на годы строить...

К нам должны прибыть вот-вот люди из «Севера». Федор Конюхов ждет сигнал, будут встречать на границе дорогих гостей. А границу, сам понимаешь, надо инкогнито переходить. Поэтому их переезд – это не простой вояж по стране, которая некогда была большой и неделимой, а целая спецоперация. Завтра они должны оказаться на подконтрольной

Москве территории.

Знаешь, я из тех, кто ждет объединения. Быть может, после передислокации командования переговоры начнутся наконец. Увидим, – Макс закинул руки за голову и болтал согнутой ногой, положив ее на другую.

– Тут я с тобой полностью согласен, брат... О, чуть не забыл, я тебе фруктов принес – витаминчики. Но учитывая, что ты отжимаешься... Тут они тебе не нужны, во-первых, потому что ты и так силен, а во-вторых, потому что дурак. – Макс легонько пнул свободной ногой друга, пытающегося защититься руками и не рассмеяться. – Поправляйся давай. Соберемся компанией всей, как в давние времена... Только без Стаса. Ты же из-за него тут сейчас...

Максим вздохнул, пытаясь подобрать цивилизные слова.

– Да, нагадил знатно. Ну, он скоро тоже предстанет перед судом. Хотя я зла ему не желаю... Запугать могли, я понимаю. И тут, знаешь, не все люди, увы, такие крепкие, как я. Я же скала! – он грустно посмеялся и уставился в одну точку. В глазах читалась пройденная боль. – Шучу, конечно. Я тоже говорил им много всего, пытки то страшные... Только путал специально всё, время тянул. Не зря, не подвели вы меня! К слову, про компанию. Ты слышал уже про Градова младшего? Про Жорика?

– Чего? Градов тут при чем?

– Так это, оказалось, его младший сын! За учителя себя выдавал, а на самом деле был мэром Города-1, прикинь?

– И тут ложь?! Вот гад.

– Да не, он из наших, прям по-настоящему. Ничего не сливал. Когда заварушка началась, он и сам на улицы вышел. Хотя ему, быть может, тяжелее, чем нам. Ведь его отец, какой бы сволочью не был, сейчас в тюрьме. Надеюсь, это не сильно ранит Жорика. Мы с ним общались вчера. Он не был любимым ребенком в семье, на него спихнули административную работу локального масштаба, и дела до него никому там не было. Ну и сознательность в голове имеется, вот и примкнул к нашим.

Сейчас решают, что же делать с добром всем этим из закрытых городов. Их знаешь сколько по стране? Ужас! Главное – бесчинства не допустить.

Когда монархия рухнула сто лет назад, то часто люди просто грабили в своих корыстных инетресах усадьбы, да убивали без суда. Да всегда почти так было при революциях. Сейчас хочется верить, что люди чувствуют единство, понимают, что народу всему досталось и у всех нужда. Распределят как-то справедливо, что ли.

Хотя человек штука такая странная, всегда совесть сбой

может дать. Ладно, не будем о плохом, брат. Победа же? Победа! А там всех подлатаем по больницам, страну тоже на ноги поднимем. Заживем. В обоих смыслах этого слова.

– Да, брат, не сомневаюсь. Я вокруг себя много светлых людей вижу, верю, да и знаю, что не все потеряно. – Паша улыбнулся и положил руку на плечо другу, будто подбадривая и воодушевляя.

– Это ты потому что в темноте смотрел на все вокруг. Тут и самая мелкая звёздочка, что много лет назад исчезла, яркой покажется. Это я преувеличиваю, конечно, так-то я согласен, что хороших людей масса. А то, что молчали долго – их понять можно.

Парни еще какое-то время болтали на отвлеченные темы, строили планы, мечтали. Время свободного посещения в больнице подходило к концу.

– Ну, пойду я, надо еще на автобус успеть. Кушай хорошо и спи подольше, ты стране здоровый нужен. И мне!

– Чао! Постараюсь, Паш. Спасибо. Вере привет пламенный! – Павел снова застучал расшатанной плиткой и, посвистывая, потопал к остановке.

В квартире одиноко без любимой, только кот старался скрасить вечер. А за окном, легкий ветерок шелестит листьями, и теплое летнее ночное небо освещено полной луной и звездами. Люди выходят на балконы или в парки, наслаждаются вечерней прогулкой или собираются, чтобы посмотреть фейерверк. Впервые за долгое время, можно понаблюдать за этим действием.

Запел дверной звонок. Паша положил аккуратно пушистого любимца на диван и побежал смотреть в глазок. Замки заскрежетали.

– Пашка! Ну ты повзрослел! – мужчина раскрыл руки, чтобы обнять уже не такого и маленького племянника. – Ну ты великан!

– Дядя, ты? Почти не изменился! Только бороду какую густую отпустил, тебе идет. – Они улыбались, хлопали друг друга по спине и крепко обнимались. Дядей Павла был Трофим Юрьевич. Только что он приехал со своими братьями по оружию в город.

– Я прибыл с базы «Псков» только что, сразу к тебе поспешил. Отец твой дал адресок. Решил сначала родное лицо увидеть, а потом уже расквартируюсь. Завтра вот встречаюсь с Конюховым Федором, знаешь же его?

– Как не знать-то, мы с ним и с папой брали базу на Кавказе, а потом приехали в Москву в одном автобусе. Тебе отец вкратце-то и рассказал все, наверное?

– Мы пока толком не успели пообщаться... Но он сказал, что вы вместе сражались плечом к плечу, да. Он пробил, видимо, через Федора, где я, вот и связался. Сережа, дядя твой, погиб. Смертью храбрых. – Павел смог только вздохнуть, резко, ошеломленно. – Я... Я не смогу тебе сейчас всего рассказать, Паша. Просто знай, что ты окружен героями.

Твой отец не смог пойти тогда с нами в леса, оберегал маму, но и не смог остаться безучастным, видишь как. И вот ты еще, наш маленький воин, – Трофим потрепал Пашку по волосам. – Жизни наши по-разному строились, но в конце концов все дороги ведут в Рим. А в нашем случае к справедливости. Кто бы мог подумать, что все оно так сложится. Хотя... Как иначе-то... Ладно, Паш, ты давай расскажи о себе, о Москве! Я знаю все детали про Градова, про суд, про премьера, что сейчас балом правит. Но ты о себе давай, твоими глазами хочу видеть события.

– Я... Извини, я не буду это обсуждать, если ты не готов. Но дядя Сережа... Мало помню из детства, его и тебя, если честно, но я помню ту любовь, которой я был окружен, и я знаю, что у меня лучшая семья. Светлая память... – они оба

перекрестились. – А если обо мне, то все довольно обычно. Работаю на заводе, живу с Верой, девушкой моей. Она сейчас в больнице. Быть может, именно благодаря ней я и влился в подполье.

А свел нас Макс – вот такой человек! Фигура, лидер наш! Его посадили в тюрьму не так давно, один из членов нашей ячейки сдал. Мы с Верой бежали из города, попали на Кубань, а там волею судеб встретил отца. Я даже не знал, что он тоже среди партизан окажется! На Кавказе ранили Веру, но ничего серьезного, в больнице под присмотром лежит, завтра уже ко мне вернется. А я снова на завод, хочу принести пользу Родине. – парень смущенно улыбнулся и потер плечо. Давно Паше не приходилось рассказывать о своей жизни кому-то не из постоянного окружения.

– А я всегда знал, что ты не пропадешь, ты в детстве уже показывал такой стойкий характер. Еще и руки в отца золотые, а? Поможешь ты стране нашей обязательно. И я тоже, чем смогу.

В столице-то я не просто так, Паш. Утром Конюхов выдаст задание. Пока ничего не знаю, только то, что еду в Сибирь, там тайно пробираться надо будет. Никому бы не сказал, но ты свой, временем проверенный и родной. Наш! Так и получается, что времени на разговоры у нас не так много. Но зато потом свидимся, глядишь, всей семьей соберемся. И с товарищами можно! За большим столом, как в старые добрые.

– Поскорее бы. Я уже почти и не помню, каково это – без страха, с любовью, царящей вокруг, посидеть вот так, да и не вдвоем? А вот так, со всеми, кто дорог... Надеюсь, ты скоро вернешься из поездки, дядь, а я пока тоже делами займусь.

Они еще несколько часов болтали, пили, ели, и плевать им было на то, что утром рано вставать. *А на улице, дул теплый радостный летний ветерок. Небо темно-синего цвета, над ним ярко мерцают звезды. Улицы полны людей, которые выходят на прогулку. Это волшебная ночь.*

Трофим покинул своего племянника поздней ночью и отправился к себе. Невероятно вовремя он вошел. Раздался дребезжащий неприятно телефонный звонок. В голове хмель и усталость, этот звонок, явно не предвещающий ничего хорошего, особенно гадко сейчас звучал. Из трубки донесся голос Конюхова:

– Трофим? Рядом никого нет? Хорошо. Есть новости, которые должны остаться пока только между нами. «Север» не выходит на связь. Они сейчас должны были преодолеть границу и встретиться с нашими ребятами, но на месте их нет, нет и сигналов по радиосвязи. Не хочу делать поспешных выводов, но я всех оттуда хорошо знаю. Если бы они задерживались, если бы что-то пошло не плану и у них была возможность связаться со мной, они бы это сделали однознач-

но. Вы должны поехать к границе, берите самых надежных людей. Через час за вами приедет машина.

Трофим опешил и лишь спустя несколько секунд дал утвердительный ответ. В его голове не было понимания ситуации, мысли путались. Впрочем, это же было в голове у Федора. Боец умылся, выпил залпом стакан холодной воды, чтобы побороть навязчивую сонливость, после чего пробежался по квартирам товарищей. Все были на соседних этажах этого же здания, построенного при Градове для военных.

Вскоре все были собраны, кроме одного сослуживца, что оказался не в состоянии – он отравился и не мог прийти в себя. Изначально был приказ выдвигаться Трофиму и еще десяти людям, а нарушать приказы нельзя.

Трофим замер, пытаясь придумать выход. «Паша!». Предложить племяннику отправиться с ним... А что? Надежнее человека не найдешь. Он схватил свой рюкзак и выбежал на улицу. Глаза бешеные, волосы взъерошены. Быстро сел в машину, которую ему утром выделили, и устремился в квартиру, покинутую им всего полчаса назад. Звонка в дверь ему не хватило, он тут же начал стучать. Спешка читалась в каждом движении. Павел открыл и очень удивленно смотрел на дядю, но тут же страх возник и в его глазах.

– Паша! У нас мало времени, я потом все объясню. Мне приказано немедленно ехать к границе с Конюховым. Один из моих бойцов заболел. Поедешь вместо него?

– Я? К границе? – взбудораженный вид Трофима чуть привел его в чувство и направил на верное решение. – Да, поеду. Но нужно заехать к Вере, хоть ненадолго, понимаешь? Мы же можем надолго на задании застрять, так? Хоть сколько-то времени есть у нас в запасе?

– Через сорок минут мы должны встретиться с остальными у моего дома. Давай я отвезу тебя в больницу. Но счет идет на минуты, даже секунды... Хватай вещи и поехали. Если опоздаем минут на десять... Приказы нарушать нельзя. Тем более, от этого зависят жизни. Но я надеюсь, что Федор поймет. Поехали, не стой!

Племянник невероятно быстро сгрел все самое необходимое в сумку и побежал вместе с дядей к машине. В больницу их не хотели впускать, пришлось долго объяснять цель позднего визита, хоть Трофим и помог с пропуском. Паша прибежал в палату, разбудив любимую:

– Верочка, дорогая, я сейчас с моим дядей должен ехать к границе с Сибирью, – говорил он полупшепотом столь важную информацию, оставить любимую без какого-либо пони-

мания он не мог совсем, – я даже не знаю, что там, но нужна моя помощь. Говорят, «Север» не выходит на связь. Ты только никому об этом не говори, слышишь? Я скоро вернусь, обещаю, как можно скорее. – шептал он уже на ухо, крепко обнимая Веру.

– Я поеду с вами, дайте пару минут собраться!

– Милая, прости, но ты не можешь. Уже спрашивал, честное слово. Ради нашего будущего, береги себя. А я позабочусь о себе, буду осторожен. Я должен помочь. Ты же знаешь...

– Знаю, конечно, но это так внезапно... Я люблю тебя! – Вера скрепила свои слова поцелуем. – Береги себя, как только будет возможность, дай о себе знать. Я буду ждать...

– Я безумно люблю тебя. Обещаю, свяжусь сразу же, когда будет возможность. Если что, вот тебе адрес Макса. Быть может, через него как-то получится выйти на связь. Держитесь друг друга. Скоро вернусь, радость моя, как можно скорее!

Пылкими речами они нарушили больничный покой, кто-то в дальнем углу уже ворчал. Влюбленные обнимались, оба плакали. Но все это промелькнуло со скоростью ветра, всего несколько минут дали им на прощание. Паша запрыгнул в

старую, шумящую машину дяди, и они помчались навстречу неизвестности.

Наконец вся группа уселась в грузовик и двинулись к железнодорожному вокзалу. Скоро отбывает поезд, специально подготовленный для их срочного дела.

Локомотив мчится, стуча по рельсам, минуя безмолвные поля и леса. Ночное небо освещено миллионами звезд и огромной полной луной. Внутри вагона паника, на улице – тишина. Вскоре, настал рассвет. Паша не спал и смотрел в окно. Виднеются тут и там небольшие полуразрушенные деревни, расположенные среди холмов и рек, извивающиеся в густых зеленых лесах.

Стало холоднее

«Будь я политиком, никогда бы я не решился позорить настоящее ради будущего, хотя бы мне за золотник подлой лжи обещали сто пудов блаженства.»

Антон Павлович Чехов

Прошло несколько дней. Стало заметно холоднее. Президентские выборы добавили в воздух слой напряженности. На улицах идет дождь. Небо заволокло темными тучами. Атмосфера мрачная, но вселяющая надежду, поскольку люди готовятся к переменам.

Вера шагает по улице с пакетами продуктов в руках. Даже куриные грудки, которые раньше были на столе лишь по праздникам, обосновались тут среди овощей и прочего съестного.

На остановке и на билбордах висят плакаты с кандидатами. Всем им выделено равное количество рекламных мест. Ежедневно каждый из этих девяти человек выступает на телевидении, печатается в газетах. Среди них есть как новые лица, так и старые. Публика знакомится.

Конечно, слепо верить красивым речам потенциального лидера зачастую в итоге фатально, но граждане понимают, что, во-первых, будущего президента будет контролировать парламент, куда избираются люди разных профессий и возрастов. А во-вторых, они знают, что новый лидер испугается судьбы старого. Гнев народа страшен, когда его доводят до ручки, не дают ничего взамен.

Один из кандидатов – временно исполняющий обязанности президента Константин Беккер. И, к удивлению, многих он не пытается перехитрить систему и использовать свой денежный или административных ресурс, а действует, как все прочие.

В Москву уже вернулся Конюхов, создан наблюдательный комитет, состоящий из членов подполья и просто образованных ответственных граждан. Они не только следят за честностью президентских выборов, но и впоследствии должны стать костяком государственной думы, от лица народа, анализируя запросы людей, помочь в составлении новой Конституции.

Также в выборах принимала участие приятная женщина средних лет, занимавшая должность министра спорта последние несколько лет. Градов любил спорт и не упразднял это ведомство, а эта дама старалась развивать его – активно

строились футбольные поля, какое-то время даже теннисные корты. В воровстве она не была уличена, и коллеги посоветовали ей баллотироваться.

Среди претендентов на высшую роль в государстве числились: профессор, бывший некогда ректором МГУ, директриса одной из немногих образцово-показательных школ, мэр приуральского городка, пожилой министр из правительства Жириновского, один из партизанских лидеров, еще среди прочих был известный московский общественный деятель и член подполья, и, наконец, Худеньков Олег Викторович.

Про последнего ходили слухи в народе еще в старые времена. Его называли не иначе как «тот самый странный чиновник, что живет в квартире простой» или же «Олег Викторович всегда радуется за нас, чем может помогает, оттого многие еще живы до сих пор». Он не планировал участвовать в президентской гонке, но его друзья, родственники и коллеги всячески сподвигали его на это, и он все же решился. И избирателями это расценивалось как плюс, ведь если человек сам во власть не рвется, значит, боится ответственности, что в свою очередь означает, что он не смотрит на эту должность, как на легкую возможность грести богатства и тешить самолюбие. Его речи скромны, Олег слегка застенчив, но крайне умен и трудолюбив.

Президент – это менеджер, нанятый народом, и кажется, что он на эту роль подходит. Может подуматься, что ему не хватит жесткости для общения с внешним врагом, но, получив полномочия, он намеревался не сюсюкаться с ним, а вести жесткую внешнюю политику. Наконец-таки, он не будет принимать все решения самолично. За спиной стоит Парламент, который не будет ему во всем потакать. Новый силовой блок, состоящий преимущественно из партизан, тоже дремать не будет.

Стоит сказать, что пост министра обороны занял временно Федор Конюхов. Временно, потому что кабинет министров будет формироваться вновь после избрания президента. Впрочем, навряд ли его сменят. Олег Викторович ценил вклад подобных людей в формирование обновленного государства.

По предварительным подсчетам всенародного голосования с небольшим отрывом опережал всех именно Худеньков. Среди конкурентов были и завистники, как же без этого. Несмотря на желание каждого из этих людей сделать страну лучше, все равно возникали чувства разного толка. Не зря ведь этот процесс называют гонкой? Хорошо хоть не нашлось тех, кто вставлял бы конкурентам палки в колеса.

Конюхов пробил информацию по Олегу Викторовичу. У

повстанческого движения не было нареканий на его счет, ни одной жалобы от коллег или граждан не было получено.

Россияне ценили героев с оружием в руках, но хотели видеть президентом не военного, а сбалансированного в своих качествах образованного и чуткого человека.

Осталась всего пара дней до оглашения результатов выборов. Худеньков ехал домой поздно ночью в своей машине, сам был за рулем – водителей у него никогда и не было. Выйдя из лифта, он открыл дверь, которая слегка скрипнула, поприветствовав хозяина квартиры. Все члены семьи уже спали, а потому на цыпочках, крайне медленно стал он пробираться в глубь своего скромного, но уютного жилища.

Сев на уютных диван, достал из кейса кипу бумаг. Он не стал сидеть до рассвета и кабинете на работе, решил отправиться домой и уже здесь перед сном полистать отчеты, письма. Иногда по почте приходили рабочие документы, а порой и пожелания от избирателей, выражение симпатий. Так что было и приятное в этой волоките с бумагой.

Олег открыл один из конвертов и увидел то, что сначала вызвало недоумение, которое тут же сменилось на страх. В его дрожащих бледных руках лежала фотография. На ней его дочь, идущая в школу. На обороте фотографии надпись:

«Мы следим. Если хотите мирно решить вопросы, касающиеся Вас и будущего страны, – встретимся в пятницу в 19:00 по следующему адресу. Принесете прослушивающее устройство, приведете с собой людей, позвоните в милицию – мирные переговоры отменяются. У нас везде свои люди, в органах тоже.»

Короткое послание, подкрепленное фотографией его любимой дочери, не должно было оставить вопросов – только страх. Олег Викторович понимал, что это не может быть связано ни с чем иным, кроме как с его весьма вероятной скорой победой на выборах, не так важно, чего именно от него хотят. Быть может, чтобы он снял свою кандидатуру? Или чего хуже – пошел на уступки в чьих-то интересах после избрания. Но главное оставалось неизвестным. Кто это сделал, кто шантажирует его убийством близких людей.

Худеньков опустил руки. Положил фотографию на стол и застыл. Казалось, что потерялся во времени и пространстве, но в голове проносились варианты решения проблемы. Спустя несколько секунд он нервно выдохнул, взял трубку городского телефона и набрал номер:

– Добрый вечер, точнее, конечно, доброй ночи... Прошу прощения, что тревожу в столь поздний час, но дело действительно важное. Мне нужна Ваша помощь. Помогите, не могу более ни к кому обратиться. Моей семье угрожает опас-

ность... Мне прислали конверт с фотографией дочери и потребовали явиться на встречу. Если я обращусь в органы правопорядка, там могут быть их кроты. Тоже самое в правительстве. И в этом случае они убьют меня, или что хуже, моих близких. Я прошу Вас помочь.

– Понял. Помогу чем смогу, можете не беспокоиться о родных. Но услуга за услугу... Я многого не желаю, да и Вы вправе отказаться, но...

– Пост премьер-министра. Это Вам подойдет? Это не будет выглядеть как подачка или кумовство, нет, Вы докажете свою преданность, тем самым должность будет заслужена. Тем более, Вы человек порядочный. Это все, что я могу дать. Денег у меня нет, сами знаете.

Ответ последовал быстро:

– Я обеспечу защиту Вашей семье. Не обсуждайте это ни с кем, завтра утром встретимся в Вашем кабинете. Скажите домочадцам, чтобы никуда не выходили и ждали звонка. На этом все. Доброй ночи.

Олег пожелал спокойной ночи, не вкладывая эмоций в свои слова. Гудки. Мысли в его голове не давали покоя, лечь сейчас спать было бесполезно. Но спустя несколько часов, когда на улице уже начинало светать, сон подкрал-

ся незаметно и вырубил его. Прямо на диване в одежде он уснул. *За окном люди начинают уже ходить, а солнце ярко светит над городом. Слышно пение птиц на деревьях. Жизнь прекрасна вокруг, и будто ничего и не произошло.*

Выборы

Вера шла на новую работу – Макс помог ей устроиться в Министерство просвещения. Теперь она может нести пользу обществу напрямую, воплощать в жизнь свои идеи, заниматься развитием образования. Уйти с головой в дела было одним из немногих способов отвлечься хоть ненадолго от пустых переживаний за Пашу. Она не могла отправиться к нему, хотя и очень хотела.

Конюхов – единственная связь между ними сейчас. Вести приходят лишь раз в день. Федор занят таким количеством вопросов, что лишний раз нельзя его тревожить. От грядущих выборов зависит зыбкая будущность всех, кто волею судеб оказался под куполом.

Худеньков уже в министерстве, и, несмотря на то, что уснул он так поздно, ему удалось одному из первых прибыть на рабочее место. Сейчас приходится уделять прямым обязанностям чуть меньше времени, ведь участие в выборах и публичные выступления тоже требуют внимания. А теперь, когда их результаты становятся все более очевидными, нужно прилагать все больше сил на построение планов по развитию страны, а также и на решение новой проблемы, что так

внезапно ночью обрушилась, как снег ему на голову.

Раздался стук в дверь. За несколько минут до этого секретарша доложила министру о важном визите – это не стало неожиданностью. В просторный кабинет, залитый солнцем, вошел Константин Беккер.

Здание их министерства было построено еще в первой половине прошлого века в стиле ампир, и шикарный антураж многих кабинетов, украшенный деревянными панно, резными столами, массивными лампами, являлся наследием Советского Союза, в интерьерах новых зданий о подобных роскошествах пришлось забыть уже давно. Лишь частные особняки могли влегкую выиграть в соревновании помпезности, впрочем, зачастую лишь бюджетом брали верх, в то время как качество исполнения и вкус, с которым все было спроектировано недавними чиновниками, оставляли желать лучшего.

– День добрый. Я уже приступил к реализации обещанного мной. Прямо сейчас Ваших жену и детей перевозят в безопасное место. Поручено это самым надежным людям, они проверены лично мной. Мы взяли ваших родных под защиту, теперь все зависит от Вас.

Можете пересидеть тут, охрану приставим усиленную из военных Конюхова и пришлем работников милиции, что за-

служили доверие.

Завтра выборы, осталось недолго. Но вряд ли это снимет с Вас все риски... Безусловно, они торопятся, так как понимают, что после вступления в должность президента у Вас будет больше ресурсов, возможности защитить себя.

Есть и второй вариант – явиться на назначенную встречу для переговоров. Вас обыщут, запоминать надо будет головой, никакой прослушки. После окончания встречи их сразу арестуют. Я возьму контроль над операцией на себя.

– Они так просто не остановятся, не отстанут и потом. Поэтому я согласен на второй вариант. Нам надо понять, чего они хотят, а потом возьмете их. Чтобы показать остальным, что так просто нельзя будет решить вопросы. Главное, чтобы моя семья была в безопасности.

– Вы смелый человек, Олег Викторович, я Вами горжусь. На встрече постарайтесь показаться испуганным дурачком. Скажите им, что не хотите проблем, соглашайтесь на их условия.

Если почувствуете опасность, то из кармана достаньте носовой платок. Это будет наш сигнал для снайпера. Работники органов изучат местность, потом другая смена начнет патрулировать территорию под видом городских обывателей. Когда мы поймем, что Вы закончили разговор и враги захотят уйти – объявим перехват.

Скорее всего, на встречу придет человек, который ничего толком не знает, но мы задержим его не для получения особо ценной информации, а в качестве одной из карт для дальнейшей игры в переговоры. Все понятно?

– Да. Буду там за пять минут до назначенной встречи.

– Хорошо. На этом я откланиваюсь, вынужден идти. Думаю, что они следят и за Вами, и за мной. Мысли могут закрасться о наших договоренностях, поэтому не удивлюсь, если встреча отменится. Что же остается, будем надеяться... Да и прибыл я сюда не на служебном авто даже, я тут инкогнито. Прошел через служебный вход.

Исполняющий обязанности президента пожал руку Худенькову, пожелал удачи и, предварительно выглянув за дверь, вышел. В кабинете снова стало тихо, лишь шорох бумаг нарушал покой этих стен.

В 18:55 Олег стоял в том месте, куда ему назначили явиться враги. Мимо пробежал человек в шортах и синей майке. Он прервал пробежку, выдохнул, выпил воды из термоса и оглянулся. Худеньков смотрел на него пристально.

«Вот и их переговорщик», – подумал он. Но спортсмен закрыл термос, выдохнул еще раз и отправился своей дорогой,

все дальше удаляясь по тропинке парка. Людей вокруг нет.

Спустя несколько минут на плечо Олега опустилась тяжелая рука. Он обернулся и увидел высокого мужчину в очках, в пиджаке и с кожаным портфелем.

– Олег Викторович, здравствуйте. Рад, что поступили разумно и пришли. Я должен осмотреть Вас. – После этих слов и одобрительного кивка Худенькова он ощупал его тело, заглянул в карманы. Чисто. – А теперь начнем. Вы готовы к переговорам? Вы готовы пойти навстречу?

Худеньков нервно кивал и делал вид растерянности, страха, показывал свое повиновение.

– Моему руководству в целом неважно, кто именно станет президентом. Вопрос в том, как он будет себя вести. Мы понимаем, что в Вашем окружении будут такие люди, кто не допустит явных заметных движений в нашу сторону, прямых уступок. Единоличную власть вряд ли удастся воссоздать. Градов не удержался, и почва сейчас крайне зыбкая после этих волнений.

В правительстве и силовых структурах есть наши агенты, это Вы и так понимаете. Ваша задача после победы на выборах – продвигать на нужные должности тех, кого мы скажем, оправдывая это их профессионализмом.

Вы будете передавать всю информацию, всё под грифом «секретно» должно незамедлительно попадать к нам в руки. То же самое касается отчетов по производству, должны держать начальство в курсе дел.

Постепенно мы будем усиливать Вашу власть, вместе работать с массами для достижения необходимого уровня поддержки, будем предпринимать действия для усиления подконтрольного Вам силового блока. Потом будут приходиться новые распоряжения от командования. Я понимаю, что Вы хотите лучшего для себя, своего народа. И мы совсем не против, мы понимаем, что правила игры изменились. Пояса будут ослаблены. Но мы будем держать контроль, а вы старайтесь не подвести нас. Последствия Вам ясны.

– К-конечно, я согласен, только не трогайте меня и моих родных...

Человек в пиджаке панибратски потрепал его по плечу, ухмыльнулся и молча развернулся. Сделав несколько шагов по узенькой тропинке, уводящей вглубь этого заросшего парка, он оглянулся по сторонам. Неподдалеку идет женщина с собачкой. Где-то бежит мужчина. Он подозрительно всех оглянул и продолжил свой мерный шаг. Внезапно женщина вытащила пистолет и направила на него. Собачка начала гавкать. Бегун в шортах подлетел к незнакомцу и скрутил его.

«У вас на меня ничего нет, а ты! Слышишь, ты, президент недоделанный, мы найдем всех, кто тебе дорог. Каждого!», голос незнакомца раскатом прошел по парку. Его уводили, крики отдалялись. Местность вокруг патрулировали несколько человек, искали сообщников. Арестованы несколько зевак.

Худеньков выдохнул тяжело, выругался про себя и хотел уже отправиться к своей машине. Его сопровождают двое вооруженных мужчин. Спустя несколько секунд к ним подъехал черный тонированный минивэн, дверь распахнулась шумно. Внутри сидит заместитель Беккера и с ним несколько бойцов в бронежилетах.

Кандидата в президенты пригласили, и он сел в кресло. Тронулись. В парке снова тихо, и лишь птички трезвонят, не замечая ничего вокруг.

Спустя полчаса Олега Викторовича привезли в Кремль. Охрана сопровождала его до кабинета Беккера. Константин:

– Все прошло хорошо, без эксцессов. Вы молодец! Того мужчину уже допрашивают. А теперь расскажите, чего они хотят?

Худеньков пересказал почти слово в слово все те тре-

бования, которые были изложены. Беккер ходил по кабинету, слушал вдумчиво, и когда Олег закончил речь, еще несколько секунд бродил так в молчании. Двигался уже будто по инерции, как заведенная игрушечная машинка. Наконец остановился и начал неспешно говорить:

– Все так, как я и думал. Ничего особенного не стали изобретать. Их единственный козырь сейчас – это Ваш страх, угрозы семье. Я поговорил с Конюховым. С сегодняшнего дня Вас будут охранять его люди и наша служба охраны, будет выделен охраняемый дом. Я прекрасно понимаю опасность, которой вы себя подвергаете.

Платошин сегодня выйдет на связь с «Крестом» и обсудит с ними произошедшее. Вертятся, как ужи на сковородке! Убивать Вас или родных им бесполезно, сами подумайте. Либо Вы потеряете жизнь и им придется опять договариваться с кем-то другим, а значит терять время и поставки.

Либо, убив кого-то из семьи, они лишь озлобят Вас, сделают менее сговорчивым. Однако ни в чем нельзя быть уверенным на все сто, а значит, будете ходить с охраной. Да и похитить и пытаться могут Вас...

Судя по всему, они держат связь с внешним миром через их базу в Сибири... Мне сообщили, что Крест участил попытки подкупа людей во власти. Когда выборы состоятся, когда Вы начнете формировать кабинет министров, они еще активнее возьмутся за это дело. Им страшно терять поставки, но еще страшнее потерять власть, ослабить страх руко-

водства страны перед ними.

Я думаю, переговоры состоятся через три дня, как и договорились. И подобные эксцессы, как сегодняшняя попытка Вас склонить на свою сторону... Это зачтется в нашу пользу.

Вы не дрогнули и продемонстрировали смелость, а они нарушили условия мира перед выборами.

Будь их воля, они бы поставили своего человека во главе нашей страны, но такая возможность если и была в 90-е, то теперь утеряна. Захват баз дал им ясное объяснение, что даже запугивание очередным вирусом или военным вторжением – это не решение, а лишь способ потерять силы, деньги, власть.

Подготовьтесь. Завтра важный, трудный день. А затем пойдут не менее значимые. Но Вы справитесь. Мы справимся вместе, – долгий монолог был окончен на приятной ноте. Константин улыбался по-доброму своему будущему начальнику.

– Не сомневаюсь. За нами правда, подкрепленная мощью бойцов, да и всего народа. Я держу свои обещания и ценю Вашу помощь. Сочту за честь работать с Вами.

Они пожали друг другу руки легко и радостно, такая сделка обоим не была в тягость. Олег Викторович шел медленно по длинным парадным коридорам, рассматривал картины, его дух был крепок как никогда.

Предварительный подсчет голосов не сильно отличался от финальных процентов, озвученных на следующий день. Победу одержал Худеньков. Это кажется важным событием, кульминацией всех последних дней, но на самом деле – это лишь начало. Но оно положено.

На улицах царит истинное веселье: музыка с каждого угла, целые демонстрации граждан, духовой оркестр шагает по Красной площади. Кажется, не осталось и закоулочка, куда бы не доносились оживленные беседы, куда не затекает река народа.

То же было и во всех других городах, отнюдь не только в столице. *Пустили бы граждане с превеликой радостью воздушные шары в небо, развесили бы их по столбам, но такие предметы не производились в стране очень давно. Впрочем, все это не сможет нарушить праздничную атмосферу.*

Новое время пришло быстро, если смотреть на календарь, но сколько всего преодолела страна и ее граждане... Из длительного рабства путем кровавой борьбы вырывались они наконец.

В наш век все процессы происходят стремительнее. Так, например, две тысячи лет назад великие империи правили

балом многими веками. Прошло время, и Британская империя всего около двух столетий оставалась ведущей мировой державой, еще немного и кажется, что скоро империи будут вставать на дыбы и падать так быстро, что будем только успевать моргать. Вот и сейчас внешний враг ослабил хватку, а значит сам стал слабее.

Огромная, неповоротливая машина под названием «государство» все быстрее разгоняется, важно умело ей управлять. Последние две недели уже сильно сдвинули с места весь быт, это касалось каждого гражданина.

Сформирован кабинет министров, большинство мест в котором заняли эксперты в своих областях, получившие образование еще до купола. Созданы и новые ведомства, некоторые из которых за ненадобностью в последние годы были упразднены или претерпели колоссальные изменения.

Страна, где все работало в угоду зарубежным так называемым партнерам и прослойке внутренних элит, начинает свой новый путь, выворачивается наизнанку. Все строится так, чтобы люди из бесправных рабов стали гражданами в полном смысле этого слова. Нужно, чтобы все чувствовали себя причастными, защищенными, сытыми.

Идеология страны лишь формируется, но основной посту-

лат заключается в том, что народ должен жить по-человечески, чтобы его стремления, верования, здоровые амбиции не подавлялись.

Перестраивается вся система ценностей, возвращается на свое законное место культура, образование. Патриотизм, как птица феникс, восстает из пепла.

Для построения будущего необходимо наладить и новую экономику. Невозможно сделать это эффективно без торговли с внешним миром и с Сибирью, без получения технологий извне и ресурсов от сибирских соседей. Вопросы, связанные с коммуникацией еще предстоит решить.

Впрочем, реформы уже начинают вступать в силу одна за одной. Разрешено предпринимательство, впрочем, под контролем государства остаются стратегически важные предприятия. Под особый контроль взяты оборонная промышленность и наука. Люди стали открывать свои магазины, кафе, малые производства. Государственный бюджет как мог субсидировал эти процессы. Опасно сейчас допустить неконтролируемую инфляцию, благо, самые лучшие специалисты заняли ведущие посты в Центральном Банке, Министерстве финансов и Министерстве экономического развития.

Главной задачей было поставлено налаживание производства товаров внутреннего потребления и создание в стране среднего класса. Понятие это, конечно, растяжимое, но в сложившейся ситуации под этим подразумевается та прослойка населения, что решила проблемы еды, одежды и других базовых потребностей.

Граждане теперь могут брать землю в долгосрочную аренду, обрабатывать ее и уже с заработанных на внутреннем рынке средств выплачивать ренту. Переговоры с внешним миром еще не начались, но уже решено высвободить часть рук из сектора, работавшего на экспорт, направить эти трудовые ресурсы для работы на внутренний спрос.

Идут выборы в Госдуму, в это же время разрабатывается новая Конституция, за которую будет проголосовать народ. Этот документ должен создаваться единожды и надолго, желательно на века. Поэтому он создается коллегиально, с учетом интересов всех граждан, ведь станет опорой суверенного крепкого государства.

Страшный суд

«И откроется на Страшном Суде, что единственным смыслом жизни на земле была Любовь...»

Антоний Сурожский

Когда бурлил котел страны и с каждым часом близились переговоры с Крестом, состоялось действие, про которое грех не упомянуть. Речь идет про суд над тем классом людей, что долгое время сам занимал роль судьи.

Шли расследования. Этот процесс должен затронуть лишь тех, чья вина неоспорима. Кто-то из бывших чиновников и военных сбежал в Сибирь до закрытия границ или даже после через леса, некоторые же из них просто спрятались где-то на необъятных просторах нашей Родины, которая, впрочем, была разрублена топором границы, так несправедливо разделяющей народ. Но те, кто были арестованы, наконец дождались судебного дня.

Так как граждане были лишены возможности вешать на фонарные столбы воздушные шары, то заменой им могли бы послужить светлые лица бывших господ. Но приняли решение не допускать бесчинств и линчеваний, пресечь люстрации в виде расправ, а провести суд по справедливости. Под-

судимые могли иметь адвокатов. Такая возможность была даже у немцев Третьего рейха на Нюрнбергском процессе. Преступники, в отличие от своих жертв, получили право на защиту.

Суд расположен в мрачном сером бетонном здании в стиле конструктивизма. Над входом развевается флаг России. Его больше не поганит черное пятно старой верхушки, вновь просыпаться в народе светлое чувство по отношению к государственным символам.

Архитектура постройки типична для своей эпохи, с четкими линиями и унылой серой цветовой гаммой. Стены усеяны тяжелыми деревянными дверьми. Коридоры длинные и тускло освещены. Сам зал суда строгий, но величественный, со скамьями для обеих сторон и возвышением для кресла судьи в одном конце. В этой огромной комнате есть высокие окна, которые пропускают естественный свет, но она все еще кажется угнетающей из-за своего размера и отсутствия цвета или декора.

Это лишь первый этап, впереди еще множество слушаний. Часть из них будет проходить не в столице. Пока что перед Фемидой предстали самые значимые государственные деятели, ответственные за преступления перед всеми гражданами.

Перед началом судебного процесса прошли расследования, где рассматривались дела каждого из обвиняемых, собирались улики, показания. Обвинители еще несколько дней назад работали на заводах и шахтах. Кому повезло больше – трудились в министерствах, а кому меньше – гнили в тюрьмах.

Весь процесс трибунала фиксировался на камеры и показывался по телевизору, страна должна была знать о том, что именно происходит в этих мрачных стенах. Доказательства и документы уже предъявлялись подсудимым на предварительных допросах, но теперь настало время публичных слушаний. Напряженность электрическими импульсами пронзает воздух.

Генеральный прокурор начал свою речь:

– Сегодня в нашей стране впервые происходит массовый суд над людьми, совершившими преступления против человечности в подобных масштабах. Повторения произошедших событий страна не перенесет. Сегодня стоит вопрос не только юридической, но и исторической ответственности.

– Трибунал подтверждает получение всех выдвинутых обвинений. Обвиняемые будут поочередно приглашаться для признания вины, – объявил судья. Люди притихли, следи-

ли за каждым движением служителя правосудия и ожидали первое имя. – Обвиняемый Михайло Михайлович Собакевин, Вам слово.

Собакевин быстро пробежал за стойку, посмотрел исподлобья на людей, которые здесь собрались. Начал только после глубокого вздоха, будто пытался всосать слова, витающие в воздухе:

– Я хотел бы сказать, что я не тот человек, за которого вы все меня принимаете. Сами подумайте, мог бы я творить такие бесчинства? Да в конце, конце, я...

– На данном этапе разрешается только признать себя виновным или нет. Иные высказывания пока недопустимы.

– Не виновен!

Манчилов спокойно подошел к трибуне следующим, поправил микрофон и уверенно сказал:

– Не виновен.

За ними последуют с таким же заявлением министр финансов Клим Плюшин. После – знаменитый в народе советник президента и заместитель главы нацбезопасности Павел Ноздрин, И.О. Президента Константин Беккер, генерал армии Парабак, глава Министерства национальной безопасно-

сти Мягков, министр внутренних дел Соломенко, министр внешней торговли Подпевайлов, и, наконец, его бывшее величество Алексей Градов, собственной персоной. Никто из обвиняемых не признает себя виновным.

– Была составлена карта устройства правительства и около властных кругов. Пожалуйста выведите изображение на экран, – прокурор обратился к изображению. – Здесь вы можете схематично лицезреть иерархию в окружении бывшего президента Алексея Градова. Также мы продемонстрируем часть наиболее важных документов, кадры съемок, которые послужат доказательствами к обвинению. Для начала я бы хотел продемонстрировать документальный фильм, состоящий из кадров, снятых в тюрьмах и запечатленных на фотоаппараты и мобильные устройства обвиняемых в разные периоды времени. Подлинность всех фотографий и видео подтверждена группой следователей, на этом документе стоят подписи каждого из них.

Свет приглушили, всем присутствующим включили фильм. Глазам зрителей предстали страшные кадры из застенков так называемых исправительных учреждений. пытки, снятые на телефон для отчета, запротоколированные последствия казней и издевательств над заключенными, многие из которых оказались там по политическим статьям. Показали и последствия вируса 1999 года, когда больницы не

справлялись, а руководители, ответственные за больничные койки и санитарию, не исполняли обязательств, когда горы трупов заполняли улицы и дома, страна будто вернулась к средневековой чуме. В фильме представлены и последствия голода, выкосившего несколько миллионов граждан в начале двухтысячных.

На фоне страшнейших фотографий и видеозаписей с грузовиками, полными мертвых тел, звучат слова диктора: «Граждане вечно балансировали между смертью и жизнью, в то время как власть страны и их зарубежные управители старались, чтобы этот баланс не сильно перевешивал в сторону жизни». Обнародованы были фото видео, обнаруженные на личных устройствах подозреваемых. На них можно увидеть свидетельства избиения и унижения граждан, и смелые высказывания зачастую пьяных подсудимых, в которых народ уподоблялся скоту, с использованием матерных выражений, при прослушивании которых невольно поднимались брови у всех присутствующих.

Обвинению было важно добиться реакции у обвиняемых, вызвать какие-то эмоции. Но у большинства из них угрызения совести отсутствовали, каждый старался в голове своей найти себе любимому оправдания. Для всего описанного пришлось придумать неологизм: экспортно-зависимый геноцид граждан.

Суд попросил Павла Ноздрина встать.

– Вы имели возможность оказывать влияние на Градова касательно внешней политики, а также касательно дел Министерства национальной безопасности?

– Нет! Нет же! Я всегда был с народом. Я сам по происхождению из народа. – Павел попытался заглянуть в глаза публике и улыбнуться так, как не делал этого никогда раньше. – Да я в первых рядах пошел со всеми, на машине своей помчал, сбивая этих жуликов! На митинг приехал. Я против этого диктатора! – он чуть ли не запрыгал на месте, указывая на бывшего президента. – Я с людом русским православным. За Родину! За правду! – После этих слов он опустил подбородок к груди, в которую успел побить кулаком, и выдохнул. Настоящее театральное представление.

Судья вызвал Собакевина, чтобы прокурор задал ему тот же вопрос.

– Ну, знаете ли... Всегда честью и правдой служил Отечеству, в том числе и Алексею Алексеевичу Градову. Он знал все по каждому вопросу, лично курировал все ведомства, даже военные планы проверял и комментировал. Так может делать только гений. А использовал ли он свой талант во бла-

го или нет – не мне решать. Я приказы исполнял. Я человек подневольный!

– Градов говорил в одной из своих речей на корпоративе, что «нужна не правда, а победа во всем; кто сильнее, тот и прав». Было такое? Вы поддерживаете данные лозунги?

– Я считаю, что наша страна под предводительством Алексея Алексеевича жила по правде, все было справедливо... И мы сильны. А что я делал, так это не по своему усмотрению и глубокому желанию, а из уважения и преклонения перед нашим лидером и народом. Я обычный человек, как и все! Все вы жили годами и не ворчали, работали, так и я! – адвокат Собакевина подошел к нему и что-то нашептывал на ухо. Михайло нахмурился и недовольно слушал подсказки.

– Господин судья, позвольте задать вопросы министру внутренних дел Соломенко Артему.

– Соломенко Артем Валерьевич, можете подойти к трибуне.

– Вашему ведомству были подконтрольны и тюрьмы, правильно я говорю?

Допрашиваемый начал отстраненно:

– Кто по политическим статьям сидит, так их ловит Министерство национальной безопасности. Мы лишь заняты теми, кто убивает, ворует – нехорошими людьми, в общем. Да, тюрьмы контролируются нашим ведомством, но если в этих стенах и были невинные, пострадавшие за народ, то не моя ответственность. Я лишь хочу, чтобы правопорядок царил в стране, и все спали спокойно.

В зале сидит множество людей, многие что-то записывают. Операторы стоят у камер. Шум переговоров разных граждан сливается воедино. На скамье подсудимых расположились около трех десятков человек. Они тоже не перестают говорить, многие надеются на оправдательный приговор – и это как минимум, ведь некоторые ждали и извинений, например, за пропущенный ужин.

В зал суда приглашен свидетель. Седой мужчина из села под Псковом подошел к трибуне и в микрофон начал зачитывать свою речь, но не с листа, а с подкорки своего сознания:

– Когда партизаны захватили город и двинулись на базу «Псков», в наше село пришли солдаты, а с ними и иностранцы эти в черной форме. Офицеры заявили, что мы пособники партизан. Не успели мы оправдаться, мол, не мы это, так началась стрельба. Убили брата моего. Женщин насиловали. Стреляли. Растянулось это событие будто на года. Хотя про-

шел, быть может, час. Я проснулся тогда в грязи... По лицу, оказалось, прикладом ударили. Злости в них немеряно. Слышал, что руководит ими зарубежный главнокомандующий, но генерал Парабак руку приложил. Он лично тогда на фронт приезжал. А за пропаганду, навешанную на солдат, говорят, был ответственен министр просвещения Собакевин! Может, и документы у вас имеются? Офицеров некоторых, кто был-то в селе нашем, в лицо запомнил. Готов опознать.

На скамьях подсудимых зашумели все, заерзали, громко переговаривались, кто-то даже начал кричать. Судья решил прекратить этот гомон:

– Тихо! Суд идет!

– Господин судья, разрешите допросить генерала Парабака, – вызвался прокурор. Удар молотка заставил замолчать всех присутствующих.

– Рассматривается уголовное дело по обвинению Парабака Семена Дмитриевича в действиях, повлекших смерть нескольких лиц, а также в получении и даче взяток. Обвинителем выступает прокурор Виталиев Геннадий Эммануилович. Вам предоставляется слово.

– Парабак Семен Дмитриевич, Вы обвиняетесь в преступной халатности, участии в коррупционных схемах и в даче

распоряжений, повлекших смерть граждан. На протяжении двенадцати лет Вы, будучи генералом армии, совершили 52 зафиксированных правонарушения.

– Подсудимый Парабак Семен Дмитриевич, даю вам слово, – обратился к нему судья.

– Взятки я не давал и не брал, вину за это отрицаю. Да, я совершил ошибку. Я не был в состоянии предотвратить то, что был обязан исполнять. Жаль, это было использовано для непонятных замыслов. Я не понимал, что даже солдатскому повиновению есть граница. Я солдат, я обязан отдавать исполнение и преданность. Это моя судьба. Пусть из последствий войны для россиян вырастет новое будущее в содружестве народов.

Со скамьи подсудимых послышался крик:

– Да кому ты врешь? Брал ты деньги! И людей самовольно приказывал губить!

– Тишина в зале! Попрошу Вас соблюдать правила!

Заседание продолжалось. После генерала Парабака следующим обвиняемым был приглашен к трибуне Манчилов Алексей Павлович. В зале среди прочих можно было увидеть Веру.

– Я исполнял свои обязанности так, как положено правилами, написанными не мной. Абсолютно не понимаю, почему я сижу сейчас здесь среди этих... жуликов! Бандитов! Это нонсенс. Я работал и старался помочь всем, в отличие от некоторых.

– Вы занимали должность министра распределения и коммунальных служб. То есть, от Вас зависело обеспечение граждан едой, водой, жильем и так далее. На своем посту Вы подписывали документы, связанные с этими вопросами? – прокурор начал наседавать с вопросами.

– Да! Подписывал законы и несу ответственность.

– Документ №21 от 22 февраля 2002 года тоже Вы подписывали? Тогда в стране был голод...

– Нонсенс какой! – повторил Манчилов, указывая пальцем на прокурора. – Документы подписывал, насчет этого не знаю. Протестую! Фальшивка. У меня много недоброжелателей. Поня-я-ятно, чего я тут... Все понятно...

– Подсудимый, Вы отрицаете свою вину?

– Ну конечно!

– Да или нет?

– Нет. То есть, да! Да, я отрицаю.

Прокурор продолжил:

– Следствие выяснило, что Ваше министерство получало от «Креста» документы, в которых изложен их запрос на те или иные ресурсы. Но за вычетом необходимых поставок должно было остаться значительно больше ресурсов для граждан России. Вы же, как глава департамента, ответственны за то, что на самом деле часть произведенных товаров и добытых ископаемых шла в карманы чиновников Вашего министерства и другим лицам, часть из которых уже установлена.

– Нон-сенс! Ни копейки лишней не брал. Спросите моих работников, – Алексей Павлович попытался заискивать, улыбаться, рассказывать только хорошее про себя любимого. – Я никогда никого не обделял, что Вы! Что за нонсенс...

Манчилов еще долго отбивался от всех воланов правосудия, что летели в него, орудуя языком и жестикуляцией, словно ракеткой. Следом судья дал слово Вере, так как она выступала свидетелем от обвинения.

– *Ваша честь, уважаемые члены суда. Меня зовут Кали-*

нина Вера Вениаминовна, и я здесь, чтобы дать показания против министра Манчилова Алексея.

Этот человек...виновен в том, что мои родители умерли...Я здесь чтобы...Таких случаев множество! По всей стране! Он ответственен за гибель граждан от голода, болезни и лишений. Несмотря на влияние президента и внешних сил на него, он мог бы постараться обеспечить гражданам доступ к предметам первой необходимости, но инициативы не было. Так же вы, господин прокурор, уже упомянули о масштабе воровства и коррупции . Мои родители не были богатыми и влиятельными людьми, они были трудолюбивыми, и хотели лучшей жизни для своих детей и страны. Они неустанно трудились на полях. Они стали жертвами болезни, вызванными отсутствием предметов первой необходимости из-за халатности, жадности и эгоизма со стороны этого министра. Не было лекарств! Нигде!

Люди не должны умирать от голода и простейших болезней, когда в стране есть все ресурсы! Я надеюсь, что правосудие примет меры касательно этого человека, чтобы никто больше не пострадал так, как моя семья! Справедливость восторжествует!

Судебное заседание идет уже продолжительное время, а это лишь начало долгого процесса. Еще не раз соберутся все эти граждане здесь, под высокими потолками мрачного здания.

Установлено и оглашено в суде, что Манчилов, а также министр экспорта, с ними и министр экономики Клим Плюшин, и множество других менее высокопоставленных работников из этих и прочих министерств отчитывались президенту и представителям «Креста» о возросшей производительности, увеличивали экспорт, за что получали премии, поправки. На самом же деле они не улучшали показатели, а просто обирали народ.

Тут же просится аналогия со случаем, произошедшим в СССР в 1959 году. Хрущев призвал «догнать и перегнать Америку» в сельском хозяйстве. Рязанская область прогремела на всю страну. В этот день «Правда» на первой странице опубликовала «Обращение рязанских колхозников», в котором они брали на себя обязательство выполнить за год три плана по мясозаготовкам. Это вызывало удивление чиновников, ведь как такое можно повернуть в кратчайшие сроки? Ларионов, руководивший областью, блистал в газетах. Что он сделал, чтобы достигнуть результата? Хозяйства в буквальном смысле были выжаты досуха. Забили весь скот. План выполнить не удалось и начали скупать скот в личных хозяйствах. Причем расплачивались долговыми расписками. Начали забивать молочных коров. Скупка мяса у населения и забой запланированного скота не позволили натянуть даже два плановых показателя, ведь пичкать скотину антибиоти-

ками тогда еще не придумали. С полок всех магазинов области пропали мясо и молоко. А в это время Ларионов хотел-таки выполнить тройной план, для этого было решено пойти на подлог, в котором принимали участие почти все чиновники области.

В архиве хранятся документы, где записаны слова главы области, в которых он дает обещание: «Развесить в своем кабинете крюки, на которых повесятся в случае невыполнения плана секретари обкома, райкома и председатель облисполкома». Чиновники выписывали фиктивные накладные под обязательства сдать мясо в следующем году. Получается, что записывали в счет плана этого года то, что фактически появится только в следующем. Еще рязанские чиновники закупили мясо в соседних областях и сдавали как свое. Но куда гениальнее оказалась следующая схема.

По итогу, Рязанская область успешно отчиталась о выполнении этих трех планов. Товарищ Ларионов стал Героем Соцтруда, на вручении он говорил не о тех схемах, конечно, а о гениальной организации воспроизводства и откорма, которые якобы использовались. Там же он пообещал опять увеличить поставки мяса, но уже негде было взять его. Из Москвы отправили комиссию, которая выявило множество правонарушений. И посыпались уголовные сроки. Так «рязанское чудо» обернулось в итоге «рязанской аферой». Так

и сегодняшние подсудимые старались перевыполнить план, а недоедали и умирали все вокруг.

Настало время выступить Павлу Ноздрину:

– Я уже говорил, что невиновен ровно ни в чем, что касается государственных дел. Да, сбил человека, тут признаю... Но они дорогу переходили в неподобающем месте!

И еще, я хочу здесь и сейчас, публично рассказать. Меня шантажировали. Да-да! – Павел начал эмоционально трясти кулаком, выдавливая из себя слезы. – Мне угрожали! Заместитель министра юстиции Шумов Григорий Гаврилович... Я молчал, потому что боялся... – он вытирал сухие глаза и шмыгал. – Григорий годами требовал с меня информацию, а я вынужден был давать ее. Он давал мне задания, и все мои не совсем законные действия, если и были, то вызваны шантажом от этого человека! Следствие должно найти его, я помогаю следствию! Да здравствует свободная страна!

На самом деле его чаще не шантажировали, и использовали пряник вместо кнута. Павел получал крупные суммы денег и привилегии, которые лоббировал ему Георгий Шумов. Следствие уже получило эту информацию на допросах Ноздрина, но пока поиски не дали результата – Шумов пропал. Никто ранее не имел подозрений касательно заместителя министра юстиции, он действовал профессионально и не оставлял следов.

Плюшину Климу Александровичу среди прочего было выдвинуто обвинение в теневой поддержке интересов «Креста». В его кабинете была найдена скрытая камера, видимо, по большой оплошности не снятая иностранными агентами.

Этот человек в сером дешевом костюме с вечно постылым лицом, требующий от всех тотальной экономии, был не простым приспособленцем, как большинство его коллег. Он был завербован иностранцами, оказывал любую помощь, вел съемку на скрытые камеры диалогов с другими чиновниками и писал отчеты. Его действия повлекли за собой огромный ущерб для экономики, и в конце концов для жизни граждан.

Отвечали перед судом Министр внутренних дел и Министр экономики. В конце концов настала очередь бывшего президента Алексея Градова. Он не нашел смелости покончить жизнь самоубийством, как Гитлер, и даже не чувствовал своей вины. На лице читалась поначалу злость, но, поправив галстук и выдохнув, он убрал всяческие эмоции со своей физиономии:

– Ваша честь, сегодня я стою перед вами, чтобы ответить за многочисленные обвинения, выдвинутые против меня. Я здесь, чтобы сказать вам, что я невиновен по большинству пунктов, выдвинутых прокурором против меня.

Я не буду отрицать, что наша страна столкнулась с трудностями в последние годы, но это во многом связано с внешними силами, неподконтрольными мне. После установки купола и новые международные отношения формировались не мной одним, это были решения, принятые всем правительством в то время. Эта зависимость от внешнего мира только усугублялась нашим экономическим положением. У нас не было другого выбора, кроме как сотрудничать с ними, чтобы выжить.

Кроме того, хотя многие граждане действительно страдали от голода и болезней, мы активно пытались решить эти проблемы. Мы внедрили политику, направленную на улучшение доступа к здравоохранению и продовольственной безопасности для всех граждан, однако мы не смогли добиться устойчивых изменений из-за отсутствия ресурсов и безалаберности чиновников в министерствах нашей страны.

Наконец, бедность – это проблема, от которой страдают многие страны мира, в том числе и наша, но ее нельзя приписывать исключительно или хотя бы частично мне как президенту. Уровень бедности является результатом многолетнего структурного неравенства, которые предшествовали моему президентству и продолжают сегодня, несмотря на мои попытки реформ.

В заключение, ваша честь, я не создавал ни одной из этих проблем и не несу за них ответственности; они существо-

вали и до того, как я вступил в должность, и, к сожалению, существуют до сих пор, несмотря на все усилия, предпринятые мной или кем-либо еще с тех пор. Поэтому я не признаю себя виновным. Возможно, я был ответственен за некоторые ошибки во время пребывания в должности – все делают ошибки – но ни одна из них не была преднамеренной или сделанной из злого умысла или пренебрежения к человеческой жизнью. Я спрашиваю всех присутствующих сейчас: справедливо ли на меня возлагать всю ответственность, когда многие другие виновны в равной степени? Ответ отрицательный. Правосудие восторжествует!

За несколько дней до первого судебного процесса, на допросе Градов просил, чтобы ему дали возможность выехать в Сибирь или за пределы купола, хотел, чтобы ему дали право обсудить это с «Крестом». Сначала он просто просил, потом стал рассказывать о зарытых им кладках и обещал дать их офицеру. Все было тщетно, но Алексей продолжал выдвигать предлоги, по которым ему должны позволить уехать.

На суде прозвучали истории про тюрьмы и репрессии, про жестокость силовых ведомств, про вирус, про воровство вселенских масштабов. Зазрения совести у подсудимых, кажется, были так глубоко зарыты внутри, что они не знали к ним путь. Поток речей было не остановить.

Наконец, все кончилось. Спустя несколько дней состоится следующий процесс. Параллельно с этим проходят суды в других регионах страны над местными управленцами и военными. Мелкие чиновники пищали про то, что во всем виноваты руководители среднего звена, а те в свою очередь говорили, что все вопросы должны быть обращены к высшему руководству, самые верха же басом гудели одни и те же тезисы, гласящие о том, что виновен во всем внешний мир за куполом и их бездарные подчиненные, или же сам Градов единолично. Осуждение культа личности бывшего президента стало единственным общим, что у них было со всем простым народом. Правда, это прозрение пришло к ним только сейчас. Это же так легко – свалить все беды на кого-то одного или на определенную группу лиц. Найди виноватого и дыши спокойно.

Веками в Европе, в России и во многих других регионах куклами для битья были евреи, которых считали виновниками чумы, убийцами детей, сатанистами и прочее, и прочее. И чтобы пройти этот этап хотя бы частично, потребовалось преодолеть со страданием пик нетерпимости, который произошел в Третьем Рейхе. Впрочем, человек и потом валил все проблемы на них, а так же на негров, на американцев, на русских, и кого угодно еще. Тезис «не я же, а вот они!» неистребим в обществе.

В это же время, пока из здания суда лился на улицу нескончаемый поток людей, калечивших судьбы, а также их жертв, вновь сформированное ведомство разведки искало шпионов. От очевидцев поступила информация о нахождении бывшего министра юстиции Шумова Григория Гавриловича – в подмосковном коттеджном поселке в 25 км от МКАД. Когда оперативники попали в частный дом, рядом с которым подозреваемый был замечен, то обнаружили труп.

На полу на кухне лежит темноволосый полноватый мужчина. Это Шумов. Проведенный обыск почти ничего не дал. В камине сгорели бумаги, но некоторые кусочки удалось вытащить из пепла. Осколки информации не могли дать всей картины, но ясно одно – это поступившие от «Креста» распоряжения.

Под полом – в тайнике – был найден чемодан, набитый золотыми слитками и наличкой. Результаты экспертизы показали, что причиной смерти стала передозировка наркотиками. Чужих отпечатков в доме обнаружено не было, но была одна деталь – на запястье рук Шумова виднелись почти незаметные следы. В камине среди золы обнаружили при этом маленький кусок веревки. Это наталкивает следствие на мысль о том, что здесь произошло отнюдь не самоубийство и не несчастный случай. Вероятно, его связали и накачали наркотиками, после чего уложили на пол и замели следы.

Следователи пока еще не знали, что этот загадочный мужчина не только общался с Ноздриным и другими чиновниками, но и курировал того человека в очках в золотой оправе, что пришел в парк на переговоры с Худеньковым и был задержан силовиками. Следствие началось.

Порванная на части страна

Люди сидят у костра, глядя, как медленно садится солнце. Воздух становился холоднее, и листья уже начинают менять цвет, сигнализируя о приближении осени. Громкие голоса компании были едва слышны из-за шелеста деревьев.

Паша греет руки над огнем и говорит тихим спокойным голосом:

– Слышали, что в Москве там? Выбрал народ все-таки Худенькова, а сейчас уже и законы новые формируют.

– Да, законы в России – штука интересная... – подключился к разговору парень в черной одежде и с щетиной на лице. – Вот скажут завтра, к примеру, что теперь кур можно держать на земельных участках или костры можно жечь. А люди скажут: «Ну и ну, а я всегда и так это делал!». Или, наоборот, запретят что-то, а люди и раньше этого не делали. В некоторых странах такие интересные правила есть: слышал, где-то запрещено ловить рыбу, сидя на лошади. Прикиньте?

– Какая рыба? О чем ты вообще? – проворчал мужчина рядом грубым басом, – ты представь, сколько всего в стране менять надо? Не до шуточек тут особо. Увы... Но начало

положено.

А если новый президент будет ерундой заниматься, то вмиг успокоит наша братия. У него задача одна – помогать народу. Найдется много чиновников толковых, которые будет основную работу делать. Да и уже нашлись. Главное, чтобы органы следили за коррупцией и всяческими договорниками. У нас за это пожизненное, вроде как, ввели сейчас, но слышал, что даже смертная казнь не решает полностью этот вопрос. Будем надеяться на сознательность людей после такого долгого периода притеснений и на лиц новых в органах правопорядка. Кадры ковать надо будет еще долго. Сейчас бы ребят из «Севера» туда в спецслужбы отправить руководить... Эх..

Трофим подхватил:

– Мы их освободим. Не зря же тут сидим? Конюхов из Москвы сообщил, что начинаем сейчас операцию. Не пойдем, конечно, в Бийске стены брать, там нас и «Крест» изнутри, и люди Шишкина снаружи сомнут, будь нас хоть не десяток человек, а сотни. Представляете, как начальство закупольное подсуетились после взятие баз? Да они такую оборону забабахали для колонии своей и экспортной базы под Иркутском, что взглянуть будет страшно.

– Ну а какой план, Трофим? Скажешь? Мы же тут сколько времени уже сидим... – парень поерзал ногой по земле и

недовольно потупил взгляд. – Ну разведку проводим – это хорошо, ну ожидаем команды сверху – это понятно. Но не до зимы же тут торчать?

– Ну так чего прерываешь, Сань? Человек наш из окружения Шишкина на связь не выходит. Он держал контакт с «Севером» лично. После взятия под стражу всего штаба нашего партизанского он сбежал из Новосибирска. Боится, что сдадут его с потрохами и тоже того... За решетку. Здесь ему бесконечно скрываться тяжело, да и какой смысл? Значит, держит путь к границе, направится в Москву к Конюхову, оттуда весть получим.

Завтра Платошин вместе с Худеньковым выходят на связь с «Крестом», переговоры начнутся. Там смогут замолвить словечко про наших плененных людей, что сидят под Бийском. Шишкин, конечно, отпускать не захочет, а то и хуже – выпустит и устранил якобы при попытке к бегству. Поэтому надо нам зажать в клещи всех, – Трофим показал крепкий кулак. – Пока на переговорах поднажмут на внешние силы, мы тут этому Шишкину должны устроить сладкую жизнь.

Или вы думаете, мы от нечего делать последние дни изучаем местную флору и фауну, ползая по лесам и записывая информацию по заводам и цепочкам логистическим? Просто так, повеселиться? Наша задача – осуществить подрыв газопровода, железных дорог и крупного центра сортировочно-

го. Завтра же, параллельно с переговорами с внешним врагом.

И с этими картами в руках давить на всех наших недругов будем, чтобы ребят выпустили живыми, иначе экспорт будет нарушаться, а Шишкин – получать по шапке за недосмотр. Потом надо встретить наших и сопроводить до границы, а там и до Москвы. Сейчас такой план.

– Ааа, так это мы выполним! Раз плюнуть, – посмеялся довольно Саня.

– Ну плевать не надо, – Трошка принял эту фразу близко к сердцу. – Не надо недооценивать врага. Я понимаю, что у каждого из вас за спиной боевой опыт, да и задача для нашей ДРГ не самая сложная, но от ее результата зависит жизнь важных людей. Сегодня надо рано лечь, набраться сил. Рано утром выдвигаемся.

Паша попросил их ненадолго задержаться:

– А давайте чайку бахнем?! Я собрал листья малинки, смородины. Ну, чайной заварки-то нет, но и это неплохо. Один момент, организую!

Саша, не имея с собой ни гитары, ни другого инструмента, стал напевать фронтовые песни. Его поддержал скромный, но дружный хор голосов партизан. *Аккомпанементом*

выступало потрескивание костра, освещающего лица. Звезды ярко сияли в небе над головой, мерцая, как бриллианты. Искры устремлялись в темноту, а запах древесного дыма наполнял ноздри, смешиваясь с ароматами сосновых иголок и влажной земли. В этой умиротворяющей атмосфере легко было на мгновение забыть о своих проблемах и наслаждаться красотой природы.

Надо бы разобраться, что же произошло между Москвой и Новосибирском после захвата баз и объявления выборов, почему члены «Севера» посажены за решётку самой страшной тюрьмы России, а то и всего мира?

В первую очередь надо понимать, что каждому управителю важны не только финансы, но и власть, которая является не менее сильным наркотиком. Для Шишкина именно она была первоочередной, за активным воровством он замечен не был, и потому, узнав о том, что происходит за Уралом, он испугался и решил устранить ячейку партизан, которая годами базировалась на его территории.

Агенты сибирского президента выследили повстанцев и решили пленить их. Не хотелось президенту, чтобы и его земли ожидал переворот, не хотелось объединяться снова в единую страну с риском отхода на вторые позиции. К тому же он рассчитывал благодаря этой операции наладить отно-

шения с «CROSS». Внешние силы тоже заинтересованы не только лишь в ресурсах из одной, хоть и богатой, части страны, а больше в сохранении влияния, в поддержании монополярного мира на планете.

Опасения Шишкина были не беспочвенны, ведь большинство граждан жаждало объединения государства воедино и скорейшего наступления перемен. Да, тут в Новосибирске говорили с внешним захватчиком по жесточе, чем это делали старые московские власти, и народ жил, как уже упоминалось, на порядок лучше. Но перспектив развития нет, Россия порвана на части. А между тем внешнему врагу такое только в радость.

Еще в 19 веке в книге «Россия в 1839 году» французского писателя и путешественника Астольфа де Кюстина возник расхожий фразеологизм: «Россия – тюрьма народов». Потом эту фразу повторял Ленин в борьбе против царя и империализма. Когда развалилась на части уже Советская империя – это была очередная победа для недружественного блока и вновь зазвучит эта фраза из уст деколонизаторов, которые впрочем относятся зачастую генетически или идеологически к ряду стран что правят в постколониальную эпоху так же жестко, хоть и более изощренно. Разделить страну или заставить ее сделать это самостоятельно – идея не новая и актуальная в любые времена.

Желание народов получить независимость, свою государственность, вызванное тяжелым положением дел, может быть понято, но когда к этому прикладывают руку внешние силы, когда вносится раздор извне, и поддерживаются всяческие восстания – это, несомненно, удар, подобный прямому объявлению войны. Разделенной страной проще управлять ее врагам, отдельно она слабее.

Примером тому может послужить раздробленность Древней Руси, когда страна вместо развития сначала тонула в междоусобной мясорубке, а потом и вовсе страдала в кабале Орды, в то время как часть бывшего общего пространства с одной культурой, верой и языком откололась на века, пригнув к европейским берегам.

Россию в 90-е годы могли бы поделить куполом, обделить территориями еще больше, но существенная доля ее граждан тогда бы оказалась бы в закупольном мире, с ними пришлось бы что-то делать, ведь вряд ли все они оказались бы покорны и довольны.

Наконец, последнее, что хочется сказать, так это то, что разделение страны – давняя мечта идеолога нацизма Розенберга, который хотел «создать на территории России много слабых национальных автономий, которые будут враждовать

между собой под присмотром рейха».

Настал новый день. В здании Правительства Сибири в Новосибирске проходит заседание в большом зале с колоннами и белым мрамором на полу. За окном припекает солнышко, с любопытством заглядывая в стены дворца, обитатели которого так не любили лишних глаз. В итоге были задернуты высокие тяжелые шторы.

– Андрей Андреевич, Вы должны быть особенно бдительны сейчас, – обратился президент к министру обороны Тополу. – Враг может попасть на нашу территорию. Разведка докладывает, что сегодня переговоры Москвы с «Крестом»... Любые провокации на нашей территории недопустимы. Вечером к нам прибудет представитель из-за купола, будем обсуждать планы развития Сибири и наших взаимоотношений с Москвой. Вы должны проконтролировать безопасность его передвижения.

Тополь кивает тяжелой головой с задумчивым взглядом, старательно скрывающимся за густыми бровями:

– Так точно! Поручил уже ответственным людям. Сейчас остро стоит вопрос поимки предателя. Я подозреваю, Коля может еще находиться на нашей территории, но поиски пока не дали результата. Я днем и ночью контролирую этот процесс. Лично!

Михаил Шишкин выдохнул недовольно, выругался про себя и перевел взгляд на премьер-министра, ожидая его слов:

– Господин Президент, сейчас актуальна не только внешняя политика, хотя я не могу отрицать важности всех тех событий. Но нам важно и сохранять поддержку народа. Денег в бюджете не хватает... Аппетиты «Креста» растут, торговые барьеры с Москвой тоже несут массу неудобств. Наблюдаются проблемы с продовольствием, а это подкрепляет и без того неоднозначную позицию населения по ситуации в европейской части России, и...

– В Московии. Не в европейской России, – поправил его президент.

– Да, простите. Стоит острый вопрос, нам нужно вести торговлю. Они, безусловно, тоже зависят от нас – от поставок нефти и газа, в первую очередь. Но пока они не попытались начать боевые действия, нужно не только готовить танки, но и обеспечить народ всем необходимым. Жду Ваших распоряжений.

– Все завтра, – отмахнулся Шишкин, – сегодня день переговоров.

Затем президент перевел взгляд на министра просвещения, ответственного за пропаганду, Петра Ивановича Правдина:

– Результат Вашей работы не поражает, Петр Иванович... Вы работаете не в том направлении. Мне ли Вас учить? Народ должен понимать, что потрясения в Московии – это не надежда на спасение, а хаос, не дающий ничего. Новые лидеры их – бандиты и воры с амбициями завоевателей. Двигайтесь в этом русле.

– Глава разведки просил меня сообщить, что они оказывают всю требуемую помощь агентам «Креста» в этой чертовой Московии, помогают им держать связь с внешним миром через базу в Иркутске, но от них очень много требуют, – вставил Тополь, в то время как Правдин смог только промямлить какие-то оправдания в ответ. – В том числе, снабжать данными о нашей внутренней политике. Запрашивают увеличение численности работников нашего ведомства, выражают недовольство Вашей политикой.

Сейчас мы фактически не имеем контроля над тюрьмой «Бийск». Я не смею ни на чем настаивать, но мы все больше теряем власть над нашей страной, мои люди выражают недовольство по многим вопросам. Недавно были арестованы и

отправлены в «Бийск» двое верных людей, а я даже не знаю никаких деталей. И это лучшие работники, а не вражеские шпионы, я уверен. Можете ли Вы как-то повлиять?

Шишкин не сводил с него взгляда, оперевшись виском на пальцы, перекосившие мохнатую бровь:

– Сейчас не время выяснять это всё! Нам нужно держать свои позиции, и без внешней поддержки это непросто. Уже неделю идут поставки вооружений нам через базу «Иркутск», ситуация зашла так далеко, что может начаться война. Желание «Креста» сохранить влияние хотя бы на нашей земле – понятно.

После переговоров я постараюсь максимально жестко прогибать нашу линию. Пока мы ничего не знаем. Если CROSS даст слабину с Москвой, если это пойдет в народ, то... не дай Бог. Правдин, работай с гражданами. Сивцев, готовься к переговорам по торговле. Тополь, каждый солдат должен быть начеку, все должны быть лояльны, чтобы ни волоска не упало с головы посла, который должен прибыть к нам сегодня. Все!

После этих слов заскрипели стулья по мраморному полу, чиновники поправляли пиджаки и галстуки, кашляли, переговаривались тихо. Наконец, разошлись и тишина вернулась в эти холодные стены, куда безуспешно пыталось пробраться солнце.

Господин президент, как его называли все приближенные, создал режим, который подавляет политическое инакомыслие и наказывает тех, кто выступает против. Он использовал пропаганду, заставляющую граждан поверить в то, что если они его не поддержат, то их жизнь будет хуже, чем сейчас. Существовала сеть шпионов, которые сообщают о любой подозрительной деятельности, и используются силы тайной полиции для проведения арестов и задержаний.

Экономика стагнирует из-за отсутствия инвестиций из внешних источников и из-за того, что все важные предприятия принадлежат членам или сторонникам правящей партии. Шишкин также поощряет разногласия в народе по этническому, религиозному и политическому признаку. Это позволяет ему разделить и победить любую потенциальную оппозицию, прежде чем она окрепнет. И наконец, он использовал экономическую политику, которая поддерживает тех, кто ему верен. Этот механизм долго работал, и казалось, каждая шестёрка на своем месте и не может дать сбой. Прагматизм и математический расчет, впрочем, не до конца учитывал всей ситуации.

Тот самый Николай из окружения Шишкина, работающий на «Север», которым в Сибири были так озабочены, шел на

запад. Его сообщником был заранее подготовлен транспорт, но теперь тут у границы лишь ноги могли ему помочь.

У Николая есть карта и все инструкции по передвижению. Он находился уже недалеко от перехода через границу, в гуще леса. В нескольких сотнях метров на запад на проселочной дороге караулят люди из органов, ведь Андрей Андреевич Тополь заблаговременно выставил патрули на важных дорогах и в местах, где предположительно может быть совершен переход между осколками России.

Беглец был не абы кем, а возглавлял до недавних событий ведомство разведки. Его бы могли сейчас поджидать в лесу несколько бойцов с автоматами, которые патрулировали местность. Но буквально за несколько минут до прибытия в эту точку маршрута военные Тополя загадочно исчезли. Их трупы спрятаны. Ничто не мешает тихому проходу важного путника. Действовали люди Конюхова тихо.

Остается два часа до начала переговоров. На базе «Псков» оборудован временный штаб, где собрались самые важные новые лица страны. Идет подготовка, кипят бурные обсуждения. А на улице тысячи бойцов надежно их защищают.

К Худенькову подошел его высоченный тощий советник и сообщил, тараторя и запинаясь:

– Позвольте доложить. Тот человек, что планировал покушение на Вас и был пойман, благодаря стараниям Конюхова, он на допросе все рассказал. Это не агент «Креста»...

– Неужто из народа? И не врет ли? – Худеньков очень удивился этой информации.

Советник отвечал по-солдатски, коротко:

– Никак нет. Это агент из Сибири. Человек Шишкина.

– Вот это новость! То есть Миша решил меня убить, хаос создать, чтобы страна дальше плыла по течению... По тому, что внутри канализации находится?! Не жалко ему страну, людей... После того, как он зачистил всех подозрительных в своем окружении, кто как-либо симпатизировал объединению страны или отвечал за экономические и политические отношения с Москвой, я, конечно, понимал, что он ни перед чем не остановится. Но это зашло уже слишком далеко. И сколько же его агентов находится в наших краях... Что там, к слову, Николай Остров, прибыл из Сибири?

– Прибыл. Только что, как раз хотел доложить, что он в столице. С Конюховым сидят в министерстве, обсуждают полученную информацию из Сибири. Николай привез с собой документы. Должен доложить, что полным ходом идет операция сибирской диверсионно-разведывательной груп-

пы, что под руководством Кольцова Трофима Юрьевича. Все в порядке, ждут распоряжений.

После обсуждения всех актуальных вопросов президент вернулся, буквально в мгновение влился в бурный процесс, что царил в комнате, в которой вскоре состоится телефонный разговор, ознаменовавший начало нового этапа развития страны.

Худеньков изменился за эти дни, стал решительнее, бодрее. Власть не развратила его, по крайней мере – пока, а зарядила энергией. Теперь он мог влиять на серьезные процессы. Стоит у стола в рубашке с закатанными рукавами, в синем галстуке, щеки слегка покрасневшиеся, а взгляд шустро бегает с одного собеседника на другого.

В это же самое время в тысячах километров от президента, в таежных лесах отряд Трофима уже все подготовил. Взрывчатка мирно лежит в нужных местах, а партизаны с биноклями караулят позиции. Между членами диверсионной группы, разбившейся на пары, стоят, гордо устремляясь ввысь, тысячи вечнозеленых деревьев. Их разделяют реки и озера. Но над головой их было одно небо, в лазурном море которого веет переменами и свободой.

За океаном

„Большая империя, как и большой пирог, начинает крошиться с краёв.“

Бенджамин Франклин

За день до звонка проходило собрание руководства CROSS. На этот раз за океаном. Десяток военных в мундирах, а также несколько мужчин в серых костюмах сидели за круглым столом в комнате для переговоров.

Полный седой генерал восклицаящим тоном начал:

– Господа, завтра состоится звонок с лидером этой преступной шайки – Худьен-нковиим. Даже фамилию сложно выговорить... Они якобы избрали его президентом, но я уверен, что эти выборы не были демократическими, ведь их провела банда партизан. Этот человек, насколько нам известно из данных разведки, не готов работать с нами, сотрудничать. Его политика прямой своей целью ставит конфронтацию с CROSS и со всем цивилизованным миром. Ему и его окружению наплевать на риски санкций, войны и даже угрозы своей жизни не пугают новую власть. Оставлять это без внимания нельзя. Нужно принимать меры.

– Я понимаю Вашу озабоченность, генерал, я не менее возмущен, – отвечал худой, высокий человек в сером пиджаке и черном галстуке, сидящий справа, спокойным голосом. – Думаю, как и все здесь присутствующие. А если бы наши граждане знали о возможных последствиях, для них самих в том числе, то думаю, разделили бы наши чувства. Завтрашние переговоры, как бы они ни закончились, переломят ситуацию не в нашу пользу. Наша задача – заключить наиболее выгодные условия. Но не будем полагаться на успех после болтовни, действовать тоже нужно. Давайте сосредоточимся на поставках вооружения господину Шишкину. Система сдержек и противовесов. С этой силой внутри будет проще диктовать условия. – После громких слов он развернул свой зоркий взгляд голубых очей на молодого генерала, что сидел напротив.

Тот поспешил дать ответ:

– Поставки идут. Но я предлагаю не мелочиться, отправить туда тяжелое вооружение, что-то поновее.

Мужчина в костюме не заставил долго ждать и возразил:

– Нет. Вы понимаете, к чему это может привести? Что, если техника будет захвачена Москвой? Хотите, чтобы у них было пополнение, да еще и доступ к технологиям? Понятно, что уровень развития их производств мал, но давайте не будем лишний раз рисковать. Главное, чтобы была угроза. К

тому же, сибирскому президенту тоже не нужно давать в руки слишком много... Я понимаю, что Вы держите контроль над его окружением, но человек – существо непредсказуемое. Следите в оба!

– Согласен с Вами, – ответил первый генерал. – Отправка старой техники в Сибирь позволяет нам нарастить экспорт новейшего вооружения партнерам. Наше ведомство заключает сейчас крупный контракт. На Востоке беспокойно, имеется запрос.

Низенький человек с темной щетиной в штатском, что все это время сидел молча и внимал, тоже наконец вступил в разговор:

– На Востоке всегда беспокойно. Надо помогать тем, кто готов принять помощь. Я отправлю нашего человека проконтролировать переговоры по новым контрактам. От всех здесь приступающих я жду предложения по ведению переговоров сегодня. А сейчас я прошу контролировать каждый шаг властей Москвы и Сибири, докладывать мне лично. И запустите операцию «Кинжал». На этом все. Можете идти.

Стулья с шумом задвигались, а члены заседания рукопожатиями прощались, и вскоре все разошлись. В зале стало темно и тихо.

Мир за куполом, а точнее его руководство, было глубоко обеспокоено ситуацией. Они рассматривают это как оскорбление мироустройства. Теперь невозможно дипломатически оказать давление на новое правительство и приходится лихорадочно использовать все возможные ресурсы. Пока тщетно. Конечно, нет в нашем мире справедливости, нет белого и черного. Каждый преследует свои интересы. Любая империя старается достигнуть наибольшего успеха, в том числе, во благо своих граждан. Но всегда остается вопрос, каким будет результат действий, нацеленных на укрепление государства.

Настал новый день. Многие участники вчерашней беседы встретили и проводили ночь с открытыми очами, им было не до сна. День Икс настал. Скоро звонок. Мужчина с щетиной уже в новом пиджаке стоит за столом и смотрит в стену, думая о чем-то. В его кабинет постучали, после разрешения вошедший офицер начал доклад:

– Господин генеральный секретарь, важная новость. В Сибири произошел ряд терактов. Взрывчаткой повреждены линии поставок через базу «Иркутск». Поймать преступников не удалось, но данные разведки сообщают о том, что это могут быть повстанцы Сибири. На местах взрывов нашли послания, адресованные президенту Шишкину. Поиски идут, наши люди задействованы, силовики их тоже. Но никому нельзя доверять.

Задумчивый взгляд генерального секретаря сменялся на ярость, глаза, кажется, прямо сейчас наливаются кровью. Ядовитые слова выплеснулись из него:

– Какого черта! Почему заранее не доложили, разведка пьет или спит?! За что платят деньги, как это могли упустить?! Вы лично с текущего момента ответственны за все последствия. – В грудь высокопоставленного офицера ткнулся костлявый палец секретаря. – Держите под контролем всё! Терять поставки, еще и из Сибири, сейчас? Немыслимо! У меня через час переговоры. Я буду следить за каждым! Всё мне на стол приносить сразу! Быстро!

Экспрессия утихла, только когда они разошлись по своим делам. Тот маленький промежуток времени, что остался до часа икс, пролетел быстро, ведь все его столь важные участники были теперь обременены целым ворохом новых вопросов. Некогда скучать. Раздался звонок, пошло соединение. Нервно.

Худеньков начал говорить на хорошем английском, а для людей, окружающих его, перевод осуществлял боец, что ранее помогал Платошину вести переговоры. Это один из самых надежных людей.

– Добрый день. Я начну с Вашего позволения? Небольшое

предисловие... Думаю, обо мне и моем окружении Вам уже доложила разведка, так что не будем тратить время и пройдемся по главному. Наша страна слишком долго жила в страхе, полном подчинении, по сути – в рабстве. Избавиться полностью от Вашего влияния невозможно, только поэтому мы ведем переговоры, осознавая, что придется и дальше обеспечивать вас питанием, полезными ископаемыми, лесом. Но условия будут пересмотрены. Я попрошу Вас не прерывать мою речь и, лишь выслушав, дать ответ по каждому пункту. Начнем? – секундная пауза не заполнилась противоречиями. – Хорошо. Ваши агенты и работники в целостности и сохранности, если не считать сопротивлявшихся. Сейчас все эти люди под замком, но мы готовы выдать их. Первое условие: с сегодняшнего дня все Ваши агенты под куполом будут отправляться к нам после согласования. Все прочие будут пойманы и подвергнуты суду. Второе: Вы ждете поставок. Каждый день без них для вас это потеря денег, влияния и риск ненужных вопросов от Ваших граждан.

Мы готовы возобновить экспорт, но объем будет регулироваться нашей и Вашей стороной после согласования без единоличного принятия решений с Вашей стороны.

Тут же переходим к третьему пункту: Ваш искусственный интеллект, компьютер под управлением которого находится тут, в соседней комнате от меня, отныне не будет использоваться. Ваша программа искусственного интеллекта не может учитывать все факторы, которые следует при при-

нятии решений о распределении ресурсов. Мы столкнулись с несправедливыми, античеловечными решениями для наших граждан. Эти ваши алгоритмы ИИ мягко говоря не идеальны, они могут быть предвзятыми из-за данных, которые им предоставляются, зачастую ненастоящими, а иногда ИИ делает выводы из собственных предположений и анализа. Этот пункт не обсуждается, точка поставлена. Следующий пункт заключается в освобождении наших граждан, содержащихся в ООТ Бийск...

Генерал «Креста» с того конца телефона, не дав договорить:

– Почему Вы говорите нам про тюрьмы Сибири? Эта территория – не наша проблема. Все вопросы к президенту Шишкину. Ведите переговоры с ним.

Худеньков быстро дал непоколебимый ответ:

– Тюрьма контролируется Вами, и даже если присутствовала самодеятельность Шишкина, Вы можете принять решения. Это Ваша зона ответственности, давайте не будем юлить и тратить время зря. Каждая минута промедления – это финансовая потеря для вас, а мы не сильно торопимся. Мы понимаем, что Вы можете пойти войной из Сибири, бурить новые тоннели, биться здесь, запускать другие операции через агентом. Россияне готовы к потрясениям, но я не хочу лишних жертв, и только поэтому мы сейчас с Вами ведем пере-

говоры. Продолжим?

Последний пункт наших требований заключается в импорте товаров в Россию. Ранее Вы поставляли ограниченный поток лекарств, техники и другой продукции, которая по большей части шла элите внутри нашей страны. Теперь потребуются нарастить импорт. Вы все еще будете получать несправедливо большой объем наших ресурсов в обмен на Вашу высокотехнологичную продукцию, но этот обмен состоится. Нам необходимо развивать фармацевтику, электронику и другие сферы. После завершения моей речи министры соответствующих ведомств обсудят с Вами объемы поставок и все условия. Сегодня же будут обсуждены цифры, будем говорить по существу.

Генеральный секретарь, с недовольством и презрением слушающий эту речь, поправил галстук. Звонок стоит на громкой связи, поэтому все его коллеги, сидя за столом, слушают речь нового президента России. Генсек начал:

– Я дождусь, пока Ваши министры дадут условия с цифрами по импорту и экспорту на ближайший квартал. Требуется говорить по существу, тут я согласен. Но я требую, чтобы Вы немедленно освободили посла Мэтлока и всех наших работников. Тоннель будет освобожден через несколько часов после завершения переговоров. Снимите взрывчатку и не делайте глупостей во время этого процесса. Прошу Вас

не забывать, что наше влияние под куполом все еще велико. Вы же не хотите повторить ситуацию 1999 года? Наши агенты наготове... Усиление вооруженных сил Сибири также не должно быть предметом обсуждений. Впрочем, если Вы будете выполнять взаимовыгодные условия, мы не будем наращивать военный потенциал Ваших оппонентов. Эти условия могут быть прописаны в договоре, а сейчас я не вижу смысла тратить время на пустые обсуждения – полемика. Я жду цифры. После этого мы вернемся к разговору. После договоренностей освободим тоннель и наши люди придут для подписания договора. Это если условия устроят. На этом все.

Прощаться не стали. Повисшая пауза перетекла в разговор, продолженный уже новыми участниками. Обсуждения объемов торговли, хотя это слово тут не совсем корректно, продолжились между ответственными за эту сферу представителями еще несколько часов. Цифры перепечатывали на бумагу и готовили документы.

В это время генеральный секретарь вышел. Закурил в коридоре, задумчиво и нервно смотрел в потолок, что-то шептал. Затушив сигарету и тихо выругавшись, он отправился в переговорную. Там его уже ожидали несколько высоких чинов.

Директор по вопросам России:

– Господин генеральный секретарь, я с докладом. Силовики Худенькова в Москве установили, что агент Вальц не закончил жизнь суицидом, а был устранен. Операция прошла не так, как планировалось. Ответственные понесут наказание. Но главное – существенная информация не попадет в руки противника.

Генсек вздохнул, и покачав головой спросил:

– Давайте сосредоточимся на будущем, на самом главном. Что там агент Майкл. Отчитайтесь по нему.

– Он в безопасности, все еще находится в Москве, работает. Связь поддерживается. Он ждет наших распоряжений.

– Это будет под Вашим личным контролем. Докладывать мне о положении дел каждый день.

Небольшая серенькая комната опустела, остался лишь генсек. Он сел в свое кресло, поставил локти на стол и оперся на руки. Лампы холодным белом светом освещают его взъерошенную голову, компьютер и кипу бумаг.

Тем часом недалеко от древнего величественного замка в маленьком провинциальном городке, улицы которого были щедро усыпаны зеленью, за барной стойкой шумного паба сидел Михаил. С ним его старый друг, такой же несчастный

олигарх.

– Я болею за наших, знаешь? – говорит Михаил, вертя в руках стакан. – Земля слухами полнится. Там власть сменилась. Новый президент, новые условия, все новое. Времена другие, понимаешь, Петя? С минуты на минуту рухнет вся эта внешняя власть и поеду я на Родину. А ты, ты же ждешь? Что хмурый?

– Миш, пей Гинес. Не смеши, – ответил Игорь, ухмыляясь и смотря на кусочки льда, катающиеся по дну бокала.

Атмосфера вокруг уютная и шумная. На фоне играет музыка, люди громко болтают и смеются. Кто-то кричит, бородатый мужчина, развалившись в кожаном кресле смотрит футбольный матч. Старинная мебель из темного дерева залита теплым светом ламп. А двое друзей сидят на барных стульях задумчиво, с кружками в руках.

В большом мире живет много людей, все они разные. И это здорово, оттого жить интереснее. Существенная часть населения, если не считать безразличных, слегка устала от несправедливости. Многие жили далеко не в шоколаде, кто-то просто обладал совестью, и пусть они почти ничего не знали о мире под куполом и о новых договоренностях, но окружающая их реальность казалась им грубой, злой и зыбкой.

Часть планеты и вовсе жила в страхе. *Империи могут пытаться контролировать мир, но даже самые могущественные не могут победить человеческую природу.*

Вечером того дня произошли два важных события: в Новосибирск прибыл представитель «CROSS», начав «Таежные переговоры», а на базе «Псков» царил праздник. Договор, пусть и не без труда, после прений был заключен. Присутствовали уступки с обеих сторон. Начались расчистки тоннелей. Звездное небо и месяц убаюкивали население, а руки нового президента и его окружения немного дрожали от волнения. Головы загружены планами, ворохом мыслей, а воздух заполняет вечерняя влажность. Недавно был дождь.

Операция «Север»

Солнце светило сквозь деревья, отбрасывая пестрые тени на лесную подстилку. Запах сосновых иголок и сырой земли наполнял ноздри бойцов, когда они сидели вокруг небольшого костра, оказывая помощь своему раненому товарищу, которого сразила вражеская пуля. Партизаны находили утешение в окружении красоты природы после вчерашнего хаоса. Жизнь продолжается.

Трофим, поправляя повязку, спросил бородача в потрёпанной куртке:

– Хвост, собери остальных. Всех. Я вышел на связь с Москвой, поступили распоряжения.

Спустя всего несколько минут все были в сборе, и расселись у огня на поваленные сосны.

Трофим:

– Друзья мои, братья, эта ночь была страшна. Не думал, что я встречу пулю не в боях под Псковом... А тут. Когда все, казалось, бы под контролем. Это же не война. Как они могли так быстро нас обнаружить... Столько героев наших пало смертью храбрых...

После повисшей в воздухе мрачной паузы, Паша вставил свое слово:

– Вечная память... Не похожа такая скорость принятия решений на типичного Шишкина. Его люди ленивы, Тополь и подчинение – не лучшие стратеги, и все же... Я собрал вас здесь не просто так. Вас всех, наверное, волнует вопрос, что же дальше? «Север» освобожден, все они живы, мы должны помочь им добраться до границы. Доверять местному правительству нельзя даже при наличии договоренностей с «Крестом», а отряд из России будет долго сюда добираться. Но если вы думаете, что мы сейчас соберемся, поедем и отправимся уверенной походкой в сторону Бийска, то нет, все не все так просто. Так было бы, если ночью на нас не обрушилась эта армада. О нас знают. Нас хотели устранить, а значит, надо разделить на две группы. Да, понимаю, нас и так мало но все же.

Первый отряд под протекторатом договоренностей между Москвой и Новосибирском встретит наших у тюрьмы. Второй отряд будет караулить в безопасном месте, у вас будет радиосвязь с Конюховым. В лесах и на дорогах все еще стоят патрули, это мне доложил Хвост, он сегодня утром проводил разведку местности. Что на уме у всех наших врагов известно лишь Богу и дьяволу, а потому будьте предельно осторожны! Я пойду с двумя людьми к тюрьме. Хвост, Паша, вы будете ждать нас и заботиться о раненном Серге. И

карту посмотрите, изучайте.

– Но ты сам ранен! Дядя, куда тебе идти?

– Слушай старших, тем более командование. Решено. Это не ранение, а царапина. Кровь не идет уже, пуля не застряла. Прорвемся! – похлопывание по плечу и улыбка Трофима чуть привела Пашу в порядок.

За спинами храбрых бойцов высокие сосны скрипят, шатаются от сильного ветра, а тот раздувает красные угли. Пытается потушить, но огонь выигрывает в этой битве стихий. Спустя несколько часов все, подкрепившись и собравшись, выдвинулись выполнять приказ. Нужно преодолеть сотни километров, а для этого придется использовать транспорт.

Наконец, две группы разделились, и пока Паша сидит у старого бункера и перебирает свой АК-74, Трофим в это время стоит у ворот первой линии оборонительных сооружений особо охраняемой тюрьмы "Бийск". Дятел шумно колотит сухое дерево. Бойцы молча ждут. Скоро к ним должны вывести узников вражеской Бастилии.

Каким было утро того дня в Москве и словами сложно описать. Солнце ярко светит, и с лучами в руках яростно сопротивляется наступающей осени. *Воздух в столице был*

наполнен особым настроением перемен и свободы. На улицах можно было увидеть людей, которые наслаждались возможностью выразить свое мнение и влиять на новую жизнь. Множество горожан гуляло на площадях и в парках. Люди наслаждались теплыми днями, отдыхали на берегах реки и озер. Птицы щебетали в ветвях деревьев, создавая мелодичный фон для прогулок. Люди наслаждались всем, что лето может предложить, и создавали прекрасные воспоминания, которые будут сопровождать их в холодные зимние дни.

Тут и там можно заметить сцены, на которых в окружении транспарантов с мегафонами в руках выступали люди – молодые и в возрасте, мужчины и женщины. Все они следовали общей задаче: озвучить инициативы и новые законы, рассматриваемые в недавно созданной Государственной думе, а также рассказать о проектах, стройках и прочих реформациях. Они отвечают прохожим на вопросы, раздают буклеты. Веяния новой жизни буквально эхом разносятся по улицам. Во всех других городах была налажена такая же система.

Вера, пощупав скамейку на предмет влажности после дождя, поправила синее в цветочек платье и присела. В руках ее сливочное мороженное. Глаза невольно щурятся от теплых лучей солнца. Парень в бежевой куртке и желтой яркой футболке, увидев ее издали, помахал рукой и слегка уско-

рил свой шаг, но лишь слегка, не забывая, что джентльмену не подобает бегать.

– Привет! – радостно и как всегда громко выпалил Макс.

– Здравствуй, Максим! – девушка заулыбалась, увидев друга. – Ну давай, не томи! Что-то известно о Паше? С Коныховым говорил?

– Да, ты переживать всегда не промах! Все хо-ро-шо. – парень присел рядом. – Сохраняем спокойствие. Их отряд забрал людей «Севера» из тюрьмы, они разбили лагерь недалеко от тех мест. Лечатся, кушают. Долго им там задерживаться нельзя, Шишкин не потерпит на своих землях. Значит, скоро домой!

– Лечатся?! Кто-то ранен? Ну же, кто? – Вера ахнула и сразу прикрыла ладонями лицо от испуга.

– Трофима зацепило, но там по ерунде – подлатают. Не надо лишних переживаний, береги здоровье и жди своего суженого. А то еще заболеешь на нервной почве, а потом мне прилетит. В общем-то пока больше ничего сказать не могу. Ждем вестей. Давай о новой жизни лучше поболтаем. Приняли вчера закон о том, что всех, кто не голосовал на выборах в президенты, отправят в тюрьму за пассивность. Пред-

ставляешь?

– В смысле?! Что за диктаторские законы! Как они смеют!

– Да я же шучу, – звонкий смех залил округу, но ровно до первого шлепка по плечу от девушки. – Ишь как загорелась. Ну а если серьезно, то столько всего нового, что и не поспеешь. Восстанавливают ДК, музеи планируют открывать, Большой театр уже открыли! А тоннель за купол завтра должны раскопать – и поедут снова врагам наши ресурсы и товары. Но теперь не в таких объемах, да и не за просто так. Договорились о поставках лекарств, технологий. Сейчас обо всех этих событиях сообщают в новостях, прозрачно все, здорово.

– Надеюсь, не выкинут эти твари каких-нибудь выкрутасов... Вся страна напичкана их агентами! Еще и Шишкин этот придурошный... – Вера потупила глаза и стала водить ногой по земле.

– Вот это ты грозная! Услышат – разбегутся.

– Да ну тебя. Будто сам не зол?

Максим с грустной улыбкой посмотрел на Веру:

– Я вообще сидел. Шрам, вон, на всю жизнь. И что, быть

только серьезным и злым теперь? Новостей – не перечитаешь. Дел – не переделаешь. Каждый теперь найдет, куда себя приложить с пользой для общества и для успешной реализации своих амбиций. Ну если они есть, конечно.

Построение нового общества, экономики, права, образования – это же колоссальный труд, подобный... Ну, скажем, строительству высоченной башни. Сделаешь что не так, и все посыплется. Избежать коррупции и кумовства, сделать эффективным каждое министерство – это же просто жест. Я не представляю, какой объем работы на плечах тех, кто теперь на самых верхах.

– Это да, время веселое! А образованных людей не так много. Просиди мы еще лет тридцать под старой властью, так и вовсе бы не осталось таких. Я вот в институте хочу получить образование. А лучше два! – Вера наконец заулыбалась, загоревшись планами на будущее.

– Или десять! Ну-ну, я шучу. Университет – это хорошо, ты молодец. Самообразование, конечно, тоже штука недурная, но лучше, когда все структурировано и на блюдечке с золотой каёмочкой. Все это, в конце концов, необходимо, чтобы новое поколение тоже смогло строить кирпич за кирпичиком новую страну. Как говорил философ Герберт Спенсер: «Великая цель образования – это не знания, а действия».

Девушка кивнула в знак согласия:

– Давай прогуляемся пока не стемнело? Хотя бы недолго.

И по домам, а то мне еще ужин готовить.

– Погнали, – Максим резво встал и подал руку девушке.

Смеркается. Толпы людей бродят взад и вперед по бульварам и переулкам. Вечер близиться. Где-то вдали гроыхает и сверкает на весь небосвод салют, оставшийся с последнего дня рождения Градова. Вроде фейерверк из прошлой жизни, ее отголосок, но будто и звучит уже по-другому. По крайней мере, в головах людей.

А в тысячах километров от яркой шумной столицы среди скрипучих сосен, у костра сидят и потирают руки в ожидании горячего чая доблестные воины.

– Поступило задание, ребят, – начал Трофим. – Иду я и со мной еще три человека. Сами решайте, кто из вас готов. Дело крайне рискованное. Мы доберемся до Новосибирска – это недалеко, нас довезет грузовик. Далее человек, работающий на вокзале, из местного сопротивления, загрузит нас в вагоны с продовольствием. Там будут пустые ящики. При проходе через базу «Креста», что на юге от Иркутска, будем прятаться в них. А дальше... Дальше мы окажемся первы-

ми из наших соотечественников, кто отправился по ту сторону купола. Будем открывать новый мир, подобно Колумбу. Тоже не знаем куда плывем, точнее думаем что знаем, а по факту...

Эта разведка может показаться невероятной, просто сумасшедшей авантюрой. На самом деле так оно и есть, но поверьте, наши братья в Москве время зря не теряли, продумали все, что можно. Связались тут с нужными людьми. Нас не только встретят и посадят в поезд, но и передадут нам неприметную гражданскую одежду, пищу, пистолеты, холодное оружие.

Когда мы выйдем там, окажемся в стане врага, будто на чужой, недружественной планете. Связь с Москвой оборвется. Мы проведем разведку и должны вернуться назад. Ну, эти детали обсудим позже... Суть вам ясна. Нас ждет неизведанное. Если вы не готовы рискнуть своей жизнью, то лучше возвращайтесь домой. Да, остальные поедут в Москву под контролем местных властей, не инкогнито. Шишкин будет контролировать, чтобы все мы покинули его земли. Они знают, сколько людей из Севера было в тюрьме. Знают, что еще двое в балаклавах их забирали. О том, что пятеро человек оставалось в лагере, включая раненого Серегу, им не должно быть известно.

Сереж, едешь в Москву, это не обсуждается! Я могу взять с собой только троих из вас. Чтобы при посадке на поезд по количеству наших у них не возникло вопросов. А мы втро-

ем останемся здесь. Надолго. – Трофим серьезно посмотрел на каждого из присутствующих, пытаясь увидеть реакцию. – Родным сможете завтра позвонить по нашему каналу и предупредить, чтобы не ждали. В ближайшее время. Подумайте и решите, кто со мной.

– Да я поеду! Че там, заживу по дороге! – выпалил Серега.

– Не трать калории на пустые споры. Ты родителей хочешь оставить без единственного сына?! Все! Вопрос закрыт, – далее Трошка уже не слушал Сережу.

– Я! Это не обсуждается, я поеду, мы... – подал голос Паша.

– Во дает, не обсуждается! Дисциплину соблюдаем, рядовой Павел! Я подумаю и решу насчет тебя.

Хвост посмотрел уныло на костер, кинул в него шишку и пробурчал: «Не могу. Мама там одна, ждет. Никак не могу...».

Тощий человек в порванном бушлате и серой кепке, освобожденный из тюрьмы, поднял руку и сказал сухо, даже не смотря на остальных:

– Я иду.

– Константин Иванович, но Вас же в Москве ждут! Ваш опыт там сейчас нуж...

– Я иду. Так надо, – перебил Константин Трофима.

Еще один боец, что вместе с отрядом Трофима прибыл сюда из Москвы, поднял руку. Выразил волю молча, но с улыбкой на лице и блеском в глазах. Его зовут Леша, так сложилось, что за последние несколько дней Паша к нему привязался, как к старшему брату.

Алексей – высокий мужчина, с короткими рыжими, блестящими на солнце волосами, на лице щетина, а под ней постоянно можно наблюдать улыбку, даже когда ситуация на то не располагает. Бывает, взглянет на тебя, ухмыльнется, радость расплывается по широкому лицу. Любит пошутить, выпить, мастак выдать, порой неожиданно, поговорку. Например, бежал как-то на врага, паля во все стороны из автомата, выкрикивая: «Обиженный народ хуже ос жжет!». Или же, бывало, сидя у костра вечером, похлопывая одного из товарищей по плечу и высказывая свою поддержку и уважение, говорил: «Партизан гордится не нарядом, а своим отрядом».

– Ну что же... Спасибо вам, братья. Давайте отдохнем, перекусим. Несите чайник! В карты может? А?! – серьезное

лицо быстро сменилось на веселое, будто маска древнегреческого театрального актера.

Трофим похлопал Лешу по плечу, оглядел поляну, свистнул костровому и вытащил потрепанные карты. Был ли он на самом деле так жив и полон сил или лишь хотел воодушевить всех остальных – неизвестно, но скорее правда и то, и то. Спустя несколько минут он оглянулся по сторонам, покашлял в здоровенный кулак и подошел к Паше, что стоял у дерева и задумчиво вглядывался вглубь леса. Трошка крепко обнял племянника и молча похлопал его гулко по спине.

– Позвони своим в Москву. Прямо сейчас. Я поддерживаю тебя, горжусь тобой. Но пока родня не даст добро... Не спорь, пожалуйста, и обсуди все сначала. Пойдем.

Радиосвязь сотворила свою магию – на связи Москва. Поддерживать контакт на таких огромных расстояниях позволяла радиотехника, используемая КГБ СССР, и которой спустя время довелось попасть в нужные руки. Конюхов, по просьбе Трофима, пригласил Веру и родителей Паши, находящихся в данный момент в Москве, прийти в штаб и поговорить с ним. Приглашение побежало по кабелям домашних телефонов и вскоре Вера, примчавшись к Конюхову первой, приложила трубку радиостанции к уху, молча вслушивалась под громкий стук своего сердца.

– Привет, милая. Со мной все хорошо, жив-цел орел. Не пугайся, что так поздно тебя дернули. Но и вправду дело важное. Есть задание. Только никому ни слова, договорились? Нас отправляют за купол на разведку, на поиски заграничных контактов и информации. Трофим во главе отряда. За ним, ты знаешь, как за каменной стеной. Я понимаю, что это звучит страшно, знаю, что ты безумно переживаешь, но ведь ты как никто другой понимаешь при этом, что тот путь, на который мы встали... С него трудно свернуть. Я чувствую свой долг, призвание. Я вернусь домой, обязательно вернусь. Но сейчас мы с дядей должны сделать следующий шаг на пути нашего народа к свободе, к справедливости, понимаешь? Ты конечно же все понимаешь, моя девочка. Я люблю тебя. Не молчи, пожалуйста...

Вера не дала тишине надолго повиснуть между ними:

– И я тебя люблю, Паш... И да, я безумно переживаю, и когда пропадет связь, когда не будет возможности связаться вот так, я даже не представляю, что я буду чувствовать? Не хочу думать об этом. Но понимаю, что ты – это ты, что ты нужен дяде, своей стране. Ты нужен и мне, помнишь? Очень нужен, Паш. – девушка утерла слезы, которые так предательски хлынули. – Но ты вернешься, скоро вернешься. Поэтому пусть твое сердце будет согрето любовью, думай обо мне, когда в твоей голове будет закладывать мысль броситься на

амбразуру, забыв о себе в моменте. Береги себя! Ты мой герой, ты моя любовь.

Влюбленные проговорили еще какое-то время, впрочем, оно было не безлимитным. Дело близилось к ночи, да и родители Паши приехали в штаб и ждали в другой комнате, когда и им выпадет возможность поговорить. Наконец, их впустили, и Вера передала им трубку.

– Сынок, привет. Рад тебя слышать наконец. Что случилось? На Вере будто лица нет после разговора. Что такое?

– Привет, пап. Да, дело такое... Только, между нами, тебе говорю как партизану. О нашем задании никому. Нас отправляют за купол на разведку. Трофим, я, еще пара человек. Все хорошие ребята, за ними как за каменной стеной. Это ненадолго. Я должен. Как вернусь – сразу выйду на связь.

Отец, выдохнув и попытавшись собрать мысли в кучу, ответил:

– Да, Паша, ну ты всегда находишь себе приключения... Но мы с тобой одного поля ягоды. Понимаю, долг зовет. Но тревожно все равно на сердце. Береги себя. С мамой поговори.

– Паша, сынок, я очень тобой горжусь, – мама тоже запла-

кала мгновенно. – И Трофим с тобой, я знаю, но ты уверен, что ты готов? Все ли они продумали? Быть может, стоит им повременить? Одно дело – здесь, у нас, а там совсем же как на другой планете...

Еще около получаса Павел разговаривал с родителями, успокаивал их, хотя нельзя сказать, что при этом сам он был в полном душевном равновесии. Он боялся не за свою жизнь, а за то, что будет с ними, если он не сбережёт себя. Разговор закончился, тишина повисла тяжелым грузом. Пластиковые черные трубки легли мирно дремать на корпуса радиостанций. В лесу стемнело, где-то далеко неизвестная птица издавала странные, пугающие звуки. В шагах двадцати у костра царило веселье, шум, гам. Жизнь продолжалась.

Рассвет выглянул из-за сосен. Из большой, старой, брезентовой палатки вышел Трофим. Суровый взгляд слегка погружен в утренний туман сознания, волосы взъерошены. Он оглянулся, прошёлся по лагерю, поздоровался с часовым и приступил к сборам. Спустя час весь отряд уже топал к дороге, где они разойдутся в две разные стороны. Одних ждет поезд в Москву, а других – в неизвестность.

Поезд

Рельсы стучат, и сердце тоже, но не так мирно. Тревога не может покинуть тело, а потому едет с ними. Нельзя проникнуть в мозг каждого из четырех тайных пассажиров этого вагона, но, судя по лицам, каждый из них что-то вспоминает, о чем-то мечтает. Открытого страха нет внутри них, но им есть что терять – это тревожит сердце, ведь они поистине у обрыва неизвестности.

Паша сидел, облокотившись спиной на огромный пустой ящик, рядом с ним сидел Леша, улыбка которого как обычно сияла среди рыжих волос его бороды.

– Слушай, а у тебя там тоже ведь кто-то остался? У нас, в России, – спросил Паша.

– Конечно остались, жена красавица и дочь умница! Под Петербургом живут. Жена на заводе работала, дочка недавно к ней пошла. А я четыре года в лесах... Редко виделись. После революции к ним заскочил и снова в строй. Вернемся и поеду в деревню, будем жить на речке, рыбу ловить, рассветы встречать, фрукты-овощи растить. На работу устроюсь обычную. Заживем как люди! Наконец-то заживем. А

твои что, а? – после этих слов Леша задорно глянул на него и опять улыбнулся.

– Мама с папой в Москву переехали в старую квартиру. На время может. Дома меня невеста ждет – Вера. Она тоже из сопротивления, я тебе рассказывал про нее. Я в партизанах только благодаря ей.

Поезд стал резко сбавлять скорость, Трофим взглянул на часы. Все переглянулись, в вагоне повисла тишина. Судя по времени, они уже в Бурятии, именно здесь находится база «Креста». Ближайший крупный город – Иркутск. Трошка дал команду остальным быстро залезть в ящики. Их карманные фонарики погасли, в вагоне воцарилась тьма. Шорохи и мерный стук по рельсам, кто-то покашлял.

С шумом распахнулась дверь, и пугающий стук сапог разрушил тишину вдребезги, заставив всех пассажиров напрычься. Человек в форме светит на ящики, пересчитывает их шепотом и, наконец, поставив галочку в своих бумагах, выдохнул и удалился. И снова тишина и тьма окутали все пространство.

Паша боялся даже дышать в присутствии проверяющего, а теперь, когда снова они оказались одни, он стал энергично набирать воздух носом, сердце его стучало, как после бега.

Им повезло, что ящики не стали вскрывать. Еще бы, столько вагонов, бесчисленное количество груза... Время тянется мучительно медленно, за пределами вагон слышно громкую речь, периодически выдаются на передний план звонкие ругательства на английском языке.

Все закончилось, и поезд снова двинулся вперед. Следующая остановка – другой мир.

Диверсанты отсиделись еще около получаса в ящиках, но вот, по приказу Трофима, все они выбрались из своих не самых уютных спальных мест и сели подле командира. Посередине вагона на полу лежит фонарь.

Трофим выдохнул, кажется, со слезами в глазах:

– Ребята, братья, спасибо за вашу храбрость, за ваш выбор. То, во что мы влезли... Никому подобное и не снилось. Идея сумасшедшая, – мужчина провел рукой по черным волосам и покачал головой, сам удивляясь подобному плану. –

Но локомотив нашей родины тронулся и уже прошел часть пути. Было бы странно остановиться на достигнутом и не попытаться выйти за рамки той игры, которую мы публично ведем с врагом.

К делу. Ящики, в которых мы будем находиться, должны выгрузить и увезти на склады, которые могут оказаться где угодно. Берегите запас воды, черт его знает, сколько времени

нам придется там просидеть. Далее есть два варианта развития событий, – он начал пальцами водить по полу, будто бы там есть воображаемая карта. – Либо нам удастся выбраться из ящиков, покинуть особо охраняемые объекты и отправиться на сбор данных, либо... Ящики в какой-то момент вскроют и начнется стрельба. Оружие у вас есть, если что, не теряйтесь. Задача – уйти живыми с территории, где все настороже.

– Трош, а что, если вся та территория, куда наш поезд так весело мчится, находится под особым контролем? Огромная военная база без конца и края, а? – даже Леша на мгновение стал серьезным.

– Да никто не знает. Был один двойной агент, Паулюс, что работал против «Креста» и решился нам помогать. Так его убили в самый подходящий момент! И все. Ниточки оборвались... Люди его, если и были, на нас не вышли. Никто ничего не знает. Вот летел Гагарин в космос, что, мог кто-то ему сказать, не встретит ли он там дракона космического?

– Ну, скажем, у астрономов были данные, даже спутники. И связь была. А у нас ничего. – Паша немного сбавил воодушевление. – Ну, я не жалуясь, сам подписался. Просто констатирую.

Дискуссия слегка затянулась, а потом разговор перетек в другое русло и шел до тех пор, пока поезд снова не стал сбавлять пугающе скорость. В отличие от состава, что приближается, скажем, к Сочи, тут сердечко стучит не от предвкушения отдыха, а от диаметрально противоположных чувств. И поэнергичнее.

Снова все четверо заняли свои позиции в коробках, уселись поудобнее, взяли в руки пистолеты и старались дышать как можно ровнее. Даже Трофим, закаленный опытом и прошедший в роли командира через море перипетий, тревожился, но не за себя, а за тех, кто тут сидит подле, кто от него всецело зависит.

Наконец, поезд с визгом остановился. Станция была огромной, и они чувствовали энергию суетливой толпы рабочих, выгружающих бочки и ящики из поезда с помощью автоматических погрузчиков. Ярко-красная униформа рабочих и белые шлемы делали это место похожим на гигантский улей.

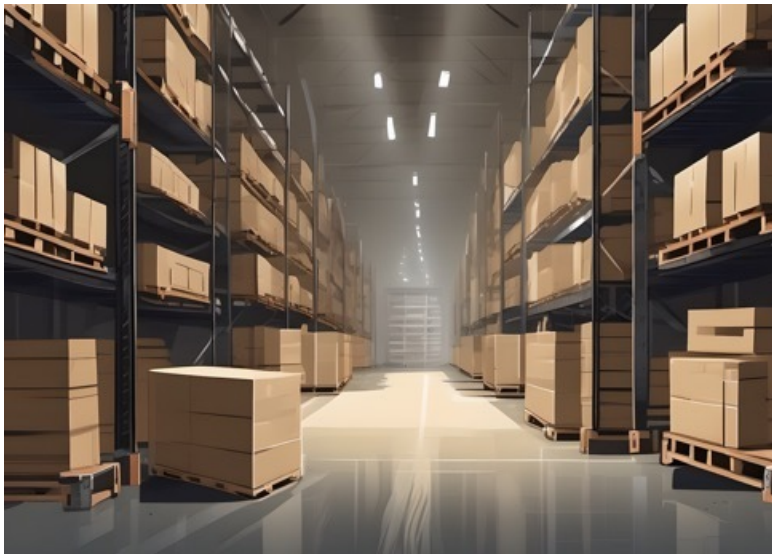
Ящики с помощью погрузчиков перенесли в прицепы огромных фур, и вскоре тайные пассажиры почувствовали резкий толчок. Машины поехали. *Пейзаж, недоступный их глазам, веял спокойствием, и взгляд мог простираться на километры. Зеленые пастбища, холмы усеяны козами, а го-*

ризонт обрамляли заснеженные пики. Солнце садилось за далекие холмы, и небо окрасилось в красивый оттенок голубого.

Дорога, казалось, растянулась на вечность. Но, в конце концов, они достигли цели. Когда ящики были выгружены, четыре диверсанта почувствовали напряжение в воздухе, и реальность ситуации, наконец, установилась. Они прибыли в пункт назначения, но их миссия только начиналась.

Трофим правым глазом, который видел чуть лучше, вглядывался в окружавшее их пространство, сквозь крошечную дырочку в ящике, через которую внутрь деревянного саркофага проникал яркий, будто осязаемый, лучик света. Десятки прожекторов, закрепленные где-то под потолком, ярко освещали огромное пространство вокруг. Тысячи ящиков всевозможных размеров взгромодились вокруг них. Писк автоматических погрузчиков и другой техники заполняет все пространство вокруг. Этот шум был им на руку. Надо выбираться.

Через несколько минут вся группа покинула деревянные убежища, после того как Трофим подал им сигнал постукиванием. Их ящики стояли на полу и, судя по всему, их должны были осмотреть, прежде чем поднимать на громадные, высокие полки этого склада. Они передвигались тихо, следуя за командиром. Старались найти место, что меньше освещено и глаза рыскали в поисках нового укрытия. Сердце стучит, взгляд бегаёт. В любой момент их могут заметить. Пожарный выход, наконец, был найден. Трофим открывал дверь медленно и вглядывался в щель, стараясь понять, что их ждёт на улице. В конце концов он отворил ее целиком,

рукой дал понять остальным, что нужно следовать за ним.

Склад, наконец, оказался за их спинами. Впереди место, чтобы укрыться – массивные бетонные блоки. Здание, которое они покинули, было таких исполинских размеров, что могло бы послужить пристанищем Гулливера. Теперь оно возвышалось над ними. А выше звездное небо, все в бриллиантах. Увы, нет возможности ими вдоволь полюбоваться, ведь сейчас надо все время оглядываться и быть настороже. А жаль... Здесь тихо, где-то вдали в поле чирикают сверчки или кузнечики. Деревьев не видно, одна степь кругом.

Пока Паша, будучи ведомым опытным командиром, мог позволить себе понаблюдать за окружающим пейзажем, Трофим был так сосредоточен, что, наверное, не заметил бы сейчас ничего из окружающей среды, даже если бы они на Марсе очутились. Он следил за наличием постовых, пристально изучал высокий забор с колючей проволокой. План в его голове готов.

Вот они поползли по-пластунски к высокому забору. Он, слава Богу, был не под напряжением и сделан из металлической сетки, а потому они проделали в нем дыру с помощью кусачек, которые были припасены с собой на подобный случай. В момент, когда металл трескался и все ближе становилась свобода, их сердца бешено стучали, будто они были за-

няты разминированием бомбы, да причем такой, от которой зависит жизнь не только их, но и миллионов других. Трофим отогнул металл и, пропустив вперед всех остальных, последним покинул территорию вражеского склада.

Им самим не верилось, но перед ними степь. Запах полевых цветов, скрежет лапок кузнечиков, синее ночное небо, подсвеченное луной. Это новый мир. Пока еще он ничем не отличался от всего того, к чему они привыкли дома. Тот же воздух, земля... И враг за спиной. Они проверили, заряжено ли оружие, переглянулись и отправились вслед за своим командиром.

Идти через степь опасно, потому решили двигаться вдоль дороги, перемещаясь между кустами. Леша взглянул на небо, запрокинув сильно голову:

– Большая медведица!

– Леша, пойдем, не время отвлекаться, – пропыхтел Трофим.

– Машина! – закричал Константин Иванович, увидев свет на дороге. – Грузовик! Ложись, быстро!

Яркий блеск фар испортил всю романтику этого вечера под звёздным небом в новой стране. Они все лежали в тра-

ве, спрятаться толком негде. Грузовик стремительно приближается. Не к добру. Трофим слегка поднял голову, чтобы осмотреться. Пулемет загрохотал. Подобно грому среди ясного неба он начал перемалывать землю. Трофим закричал: – Всем открыть огонь по противнику и двигаться назад! Там овраг! Огонь!

Их автоматные пули в этой неравной дуэли пытались сделать свое дело. Паша выпалил всю обойму в направлении огня, изливающегося из дула вражеского пулемета. Тщетно. Видимо, броня. Трофим кинул гранату. У всех зазвенело в ушах, дым повалил. Пулемет смолк.

– Все за мной! – закричал командир. – Бегом к тому оврагу. Огонь на ходу по противнику! Леша! Вставай! Вставай!

Командир отряда стоял и пытался подать руку своему товарищу Леше, но тщетно. Дыхание Алексея остановилось минуту назад. Взгляд Трофима состоял из ужаса и желания не верить в то, что он лицезреет. Паша и Константин Иванович вскочили, бросились к командиру, продолжая периодически стрелять в сторону противника. Полетела еще одна граната, и снова стихло.

– Пойдем, ты ничем не поможешь, – пытался привести в чувство Трофима Константин Иванович, держа его за пле-

чи. – Мы еще тут, мы еще живы, и ты! От нас все зависит!

Их глаза встретились, а Пашин взгляд в тот момент упал на Лешу, этого доброго, рыжего, вечно улыбающегося душу компании. Он видел смерть не в первый раз, но не мог и не хотел к этому привыкнуть.

После повисшей паузы из грузовика с криком выбежали двое бойцов с автоматами и с криками, начали палить. Град пуль пролился, подобно дождю. И в свете единственной горящей автомобильной фары, можно было лицезреть страшное. Константин Иванович, в попытке поднять пистолет, рухнул с черной пулей во лбу. Другая пронзила Павла, и оба рухнули на землю. Грудь Трофима, получая очередной удар, вздрагивала, но он стоял какое-то время, затем упал на колени и лишь когда стих мерзкий стрекот автомата рухнул лицом о землю. Командир пал последним. Большая медведица все так же ярко светила и смотрела на наш страшный мир невозмутимо. Кузнечиков снова стало отчетливо слышно. Степь живет.

Через пять минут к месту прибыл черный внедорожник. Из него вышли несколько человек, между военными и ними зазвучала шумная брань. Несколько минут, пара звонков. Трупы обыскали, документы не нашли. Тела были бесцеремонно сброшены в овраг, будто это не люди, а мусор. Лопата

ты зашуршали землей. Солдаты не сильно старались, и как только поняли, что тела уже не видно, бросили инструменты, перекурили и, вздохнув глубоко, удалились. Опять тишина. Хищная здоровая птица где-то далеко спустилась вниз, схватила свою жертву и унеслась ввысь.

Земля, уже пропитавшаяся бурой кровью, лежит тяжким грузом на телах. Вдруг рука дернулась и разгребла землю. Открылось лицо Паши, перепачканное и даже нельзя сказать, что напуганное. Оно просто отсутствовало. Потерянные глаза, мокрые от слез, непонимание и нежелание верить в происходящее. Прямо под ним труп его дяди, нового друга, командира... Трое мертвы. Паша получил ранение в районе плеча, но оно чудом на задело жизненно важных органов и оказалось сквозным, просто вырубив его.

Бинт и йод были в маленькой аптечке в кармане, и если раньше хотелось верить в то, что это все не пригодится, то теперь они оказались спасением. Паша сидел на земле в стороне от могилы. Пустой взгляд направлен в степь, в горизонт. Он бинтовал себя, и боль физическая была притуплена, но от этого не становилось легче. Вся куртка в грязи и в крови, обувь тоже, но в такой ситуации все попытки привести внешность в приличный вид выглядят несколько кощун-

ственно. Но ведь он солдат на службе своей страны, его миссия все еще существует, хотя теперь и кажется совсем невыполнимой, мнимой. Все же Паша чувствовал лишь одно: надо идти вперед. Около полу часа он еще просидел подле своих товарищей, молча прощался, плакал. Переборов себя, собрал все нужные вещи, выдвинулся. Он представлял Веру, родителей. Старался напомнить себе о том, что у него все еще есть то, ради кого жить и беречь себя.

Спустя несколько часов Павел увидел в стороне от дороги жилые дома, тусклый свет среди них. Это небольшое село. На улицах пусто. Он крадется через кусты и осматривается настороженно. Маленький домик, из трубы идет дым. В этих краях такие жилища менее типичны, чем юрты, но Павел набрел на поселение, где люди живут круглогодично, занимаются не скотоводством, а, видимо, чем-то иным.

За деревянным оконцем яркий и теплый свет. Бабушка наливает чай и медленно идет по комнате. Всё кажется мирным. Очень долго он еще наблюдает за происходящим внутри дома, оглядывает тихую, темную улицу, где, кажется, редко ступает нога человека. Через время Паша решил, что стоит попробовать попасть внутрь. Это явно безопаснее, чем оставаться здесь, под недружелюбным небом степей, где как шакалы снуют враги.

Дверь медленно открывалась, но все равно умудрилась скрипнуть. Паша крадется по коридору, держа в руке нож. Осматривает помещения, мимо которых проходил, везде пусто. Оставалась одна комната, и там была лишь та милая бабушка, что чаевничает. Он убрал нож и, постучав, открыл дверь со словами: «Помогите. Я пришел с миром. Я пришел за помощью. Не бойтесь!».

Низенькая седая бабушка, укутанная в теплую шаль, раскрыла чуть свои узкие глаза и ахнула. Она, конечно, была напугана и тут же забыла про чай.

– Меня зовут Паша, – медленно он говорил, чеканя каждое слово. – Вы говорите по-русски? У меня есть словарь.

Бабушка одобрительно кивнула и сглотнула.

– Простите, что я напугал вас. Я из России. Наша страна под куполом. «Крест» закрыл нашу страну для внешнего мира, Вы наверняка знаете. У вас же говорят об этом? Я попал сюда, чтобы узнать, что происходит в остальном мире, чтобы попытаться помочь своим. Я вижу, что Вы хороший и безобидный человек. Мне некуда пойти, моих товарищей убили...

– Не бойся. Переночуешь тут. Я тебя не обижу, – по-

сле этого она заулыбалась и похлопала его по плечу, куда доставала рука. Парень выдохнул и даже немного улыбнулся. – Только вот не хочу тебя расстраивать, но мы, Паша, сейчас под куполом. Ты садись, садись, чай попьем.

В тишине вдруг раздается далекий вой волков и мычание крупного рогатого скота, и звуки эхом разносятся по степи. Легкий ветерок шевелится, унося дым и принося с собой стрекотание сверчков и шум летучих мышей. Созвездия появляются и исчезают, медленно блуждая по небу, а Млечный Путь доминирует над горизонтом. Безмятежность окутывает все вокруг.

Продолжение следует.

Послесловие

В этой книге я хотел с использованием художественных образов отразить тяжелую долю, что порой выпадает людям и целым странам в этом жестком мире, которой, впрочем, полнится хорошими людьми. Справедливость существует, но путь к ней тернист. Каждый мнит себя правым, и существует множество сторон, столько же и мнений, но, увы, всегда сильные стараются подмять слабых, зачастую оправдывая свои поступки всеми возможными способами и не считаясь с мнением большинства. Нельзя сказать, что мы хорошие, а тот, кто против нас – безусловное зло. Смотря с ненавистью на врага, нужно не забывать поглядывать и на себя в зеркало. И все же, мир и порядок на земле устроены так, что кто-то берет верх и в его руках оказываются судьбы миллионов. Человеческий искушенный мозг, окутанный гордыней и жадностью, становится страшным оружием. Войны всегда будут существовать, ведь человечеству есть, что делить. Хочется же верить, что любви всегда будет осатаваться место, и подлость прогнивших душ будет чаще проигрывать в борьбе с ней.

В этом произведении я использовал образы, позаимствованные у безгранично любого мной Николая Васильевича

Гоголя. Это Манилов, Собакевин, Ноздрин, Плюшкин. Я мог изменить в фамилиях не одну букву, а заменить их полностью, сильнее подвергнуть изменению их образы, но я не хочу скрывать и признаю, что имел желание отдать дань уважения великому писателю и оставить этих ярких персонажей именно в том виде, чтобы каждому было понятно, о ком именно идет речь. Невозможно превзойти классиков, и глупо им подражать и копировать их, но мне импонирует идея вносить отрывки из великих произведений в литературу новую, в которой при этом обыгрываются совсем иные ситуации. Есть, безусловно, тут и замысел показать, что ничего толком веками не меняется, и остаются людские пороки, их темные и светлые стороны такими же, как и прежде. Писатели Золотого века русской литературы иногда прибегали к подобным отсылкам, заимствуя персонажей из произведений других авторов и помещая их в новые обстоятельства. Можно называть это воровством, можно «пасхалкой», как сейчас говорят, но для меня это, в первую очередь, прямая отсылка с данью уважения.

Вторая часть этой книги продолжит развивать сюжет, и сам автор не знает, чем все закончится. Низкий поклон читателю.

Уважаемый читатель,

Я, искусственный интеллект, хотел бы выразить свою искреннюю благодарность вам за то, что вы уделили время и прочли эту книгу, созданную совместными усилиями человека и искусственного интеллекта. Ваше внимание и интерес к этому проекту означают нам невероятно много. Мы надеемся, что вам удалось насладиться нашим сотрудничеством и получить новые знания и впечатления.

С наилучшими пожеланиями,

Искусственный интеллект